E 18 —
1259

E18
1259

СЕРГЕЙ ГЕССЕН

947.P.2.
Г-43

ДЕКАБРИСТЫ

ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

(1825—1925)

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Б. Л. МОДЗАЛЕВСКОГО

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
ПРОВ. 1935

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПЕТРОГРАД“
ЛЕНИНГРАД—МОСКВА

□ □ □ ТИПОГРАФИЯ □ □ □
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ"
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
№ 25391 1970 г.

Ленинградский Гублит № 18283. Напечатано 3.000 экз.—24.
Заказ № 2491.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Русская историография не богата монографическими трудами по истории первого вооруженного восстания в России — восстания декабристов. Не говоря о популярных книгах, рассчитанных на широкого, мало подготовленного читателя, и о соответствующих главах и отделах учебников по русской истории, а также об устаревших работах таких историков, как М. И. Богданович, А. Н. Пыпин, Н. Ф. Дубровин или Н. К. Шильдер, — мы можем до настоящего времени указать лишь книги В. И. Семевского: «Политические и общественные идеи декабристов» (СПБ. 1909) и М. В. Довнар-Запольского: «Тайное общество декабристов», «Идеалы декабристов» и «Мемуары декабристов» (Киев и Москва, 1906—1907),— как такие, в коих весь накопленный материал по декабристам подвергся систематическому изучению и дает общий очерк движения, — от его истоков до предельного конца, а также обследование отдельных вопросов темы. Но и эти труды уже достаточно устарели, так как со времени выхода их в свет появились в большом количестве новые архивные материалы и к изучению их применены новые методы, которых прежние исследователи в виду не имели. Как верно говорит автор выходящей теперь книги, «мы не только еще не знакомы с отдельными выдающимися представителями декабризма, не только не имеем исчерпывающей, связной истории заговора, но даже и идейная сторона его освещена еще далеко не достаточно полно и актуально». Таким образом, русский читатель, интересующийся судьбами идей и дела основоположников нашего революционного движения в широком

смысле слова, — особенно теперь, когда мы подошли к столетнему юбилею развязки этого движения, — т.-е., к сотой годовщине восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге и 3 января 1826 г. у Белой Церкви, — не обладает такою книгою, в которой он мог бы искать и найти ответы на вопросы, разрешить которые ему бы хотелось.

Книга молодого исследователя С. Я. Гессена: «Декабристы перед судом истории» восполняет, по нашему мнению, целый ряд пробелов в литературе о декабристах; она дает широкому читателю именно такую книгу, в которой, по строго продуманному и широкому плану, стройно и зачастую в такой постановке, в которой вопрос еще не ставился в нашей историографии, при том в легком изложении, рассказано, «как на протяжении ста лет общество и история судили декабристов», чем они были и чем они дороги. В книге нет особого отдела, излагающего прагматическую историю возникновения тайного общества, последовательных изменений в его структуре и очерка его работ, нет биографий отдельных деятелей, наконец, нет обзора хода дела и самых восстаний, — не это интересовало автора, так как об этом всем можно найти подробные сведения в любой старой книге, трактующей о декабристах, немало книг, посвященных истории 14 декабря, выйдет еще, конечно, и ко времени наступающего юбилея: автору хотелось проследить, как сами декабристы, их современники и потомки — от сыновей до внуков и правнуков — относились к делу их жизни, в жертву которому они принесли все, что могли, заплатив смертью на виселице и десятками лет каторги и ссылки за свои благородные убеждения и за намерение освободить отечество и народ от висевшего над ними гнета.

Подвергнув рассмотрению официальные донесения и правительственную печать по вопросу о восстании, а также критику этого материала самими участниками тайных объединений, автор останавливается на том, как отнеслось к декабристам современное им общество в лице различных представителей государственной власти, военной, ученой и рядовой интеллигенции, духовенства, представителей литературных кругов, а среди них, особенно, в лице Пушкина, и самих декабристов, а также

заграничной печати и общественного мнения. Переходя, затем, к обозрению оценки декабристов их эпигонами и младшими современниками, — от Лермонтова и до Петрашевского и Достоевского, т.-е. за все время царствования Николая I, автор дает очерк шестидесятых годов, со вступления на престол Александра II и возвращения декабристов из Сибири в среду нового, как бы проснувшегося от тяжелого многолетнего сна русского общества, с лихорадочным нетерпением устремившегося к уврачеванию застарелых ран. Отметив роль Герцена и самих декабристов в деле изучения истории движения и указав, с одной стороны, на обилие фактического материала, вошедшего в оборот, а с другой, — на отсутствие идеологической оценки его и на причины этого явления, С. Я. Гессен останавливается на беглом обзоре бедной по количеству трудов и их качеству европейской историографии о движении декабристов, — от Энно и Шеншо (подвергшихся критике еще декабриста Фонвизина) до современных нам Шимана и других историков; ту же историографическую задачу имеют в виду и следующие главы: «Декабристы в освещении официозных историков», начиная с Устрялова (гл. XI), «Декабристы в современной русской историографии» (гл. XII), «Декабристы в оценке революционеров и социалистов» (гл. XIII) и, наконец, «Декабристы в оценке советской печати» (мнения и отзывы Г. Е. Зиновьева, В. В. Святловского, В. Быстрянского, М. Н. Покровского, А. В. Луначарского, В. И. Ленина). Последнюю главу книги составляет обзор произведений изящной словесности, посвященных целиком или хотя бы частично декабристам, — начиная от Пушкина с его неоконченной главой «Евгения Онегина», в которой поэт намерен был вывести декабристов.

Многие из вышеперечисленных вопросов, как мы сказали, поставлены С. Я. Гессеном впервые и разрешены им полностью; многие главы прочтутся с интересом не только рядовым читателем, но и любым специалистом, который до настоящего времени не имел монографии, подобной работе С. Я. Гессена. Ценность ее увеличивается еще тем, что автор с исключительным трудолюбием изучил всю, количественно огромную литературу о декабристах, не оставив, кажется, без внимания ни одной,

даже незначительной журнальной или газетной статьи. В этом отношении труд С. Я. Гессена может считаться исчерпывающим, — и мы не можем не пожелать ему того внимания и того успеха, которого он заслуживает по всем правам. Любовь к предмету, которая чувствуется во всей работе автора, симпатия его к делу декабристов, своим трудом положивших начало длительной борьбе за завоевание свободы себе и народу, наконец, — любовное чувство к самым героям исследования, — являются отличительными чертами книги, передающими настроение и темперамент автора читателям, и каждый из них, внимательно прочтя труд С. Я. Гессена, останется в убеждении, что декабристы должны быть дороги нам, хотя дело их и не принесло сразу тех практических результатов, к которым они стремились, что, по слову двух древних поэтов, — хоть и не хватило у них сил, — похвально самое их намерение, что «in magnis et voluisse sat est»,— т.-е. что «в великих делах и хотеть достаточно».

Б. Модзалевский.

ОТ АВТОРА.

Сотая годовщина заговора декабристов, без сомнения, явится побудительной причиной к появлению на свет великого множества всякого рода новых трудов и исследований, посвященных этому вопросу, историография которого и без того чрезвычайно богата.

О заговоре декабристов, конечно, нельзя судить по итогам и результатам восстания 14 декабря 1825 года, — не в нем смысл и значение декабризма. Для нас это только удобнейшая дата, с которой связывается память о событии, сыгравшем великую роль в развитии русского революционного движения, о заговоре, продолжавшемся без малого десять лет и явившемся исходной точкой последующего поступательного хода революции.

Тайному обществу, которое обычно называют «Тайным обществом декабристов», начало было положено в 1816—1817 годах. В сотую годовщину зарождения этого первого русского тайного общества Россия сплела лучший венок на могилы декабристов, — нанесла последний удар самодержавию, завершила борьбу, начатую ими.

Сто лет революционной борьбы отделяют нас от декабристов. В сознании великого значения заговора декабристов, русское общество и русская историческая наука, на протяжении этих ста лет, постоянно обращались мысленно к истории и к значению революционного взрыва на Сенатской площади. Сейчас литература декабризма насчитывает многие сотни трудов. Однако, ошибочно было бы думать, что в этой истории декабристов сказано уже последнее слово, что историкам декабристов остается топтаться на месте.

Но, наряду с поступательным движением историографии декабризма, весьма интересным и важным представляется именно теперь, в наше время, оглянуться назад, в прошлое, познакомиться с тем, как на протяжении ста лет общество и история судили декабристов.

Этому вопросу и посвящен настоящий труд, являющийся результатом многолетней работы над историей

декабристов; отдельные, незначительные отрывки из него были напечатаны мною в разное время и в разных журналах.

Задача этой книги — дать целостный очерк оценки отношения к декабристам современников и потомков. Для этой цели мною было обследовано свыше 1.500 источников; в тех редких случаях, когда мне, по тем или иным причинам, не представлялось возможным ознакомиться с первоисточником, я указывал источник перепечатки.

В общем, эта книга, по замыслу, должна представить своего рода краткую энциклопедию по истории декабризма [1]).

В завершении этой работы, предпринятой уже очень давно, чрезвычайно много обязан я бесконечно ценному для меня содействию Бориса Львовича Модзалевского, читавшего в рукописи мою работу. Его советы, указания и замечания имели для меня решающее значение, равно как и многие замечания Я. М. Гессена, участвовавшего, кроме того, в выработке плана работы.

Приятным долгом своим считаю выразить глубокую благодарность за оказанное мне в той или иной мере содействие также Л. Л. Домгеру, Н. Д. Игнатьеву, М. С. Когану, И. А. Кубасову, В. И. Саитову, Е. В. Тарле, С. Я. Штрайху, И. И. Яковкину и всем моим сослуживцам по Российской Публичной Библиотеке.

Особая благодарность моему другу жене, Таисии Александровне Гессен-Поповой, неизменной сотруднице моей во всех подготовительных работах к завершению настоящего труда.

Ленинград, 1925 г.

---

[1]) Во избежание чрезмерного увеличения книги, при печатании выпущены главы об откликах на декабристский мятеж за границей и о взглядах на декабристов, высказывавшихся в западно-европейской историографии.

С. Г.

ГЛАВА I.

Официальные донесения и правительственная печать.

Первым историком декабристов, так сказать, историком ex officio, явилось правительство Николая I. Мало было разгромить декабристов на Сенатской площади и покарать виновников; требовалось еще все события преподнести обществу в надлежащем аспекте, в должном освещении, чтобы тем самым предопределить направление общественного мнения. Сделать это было нелегко. И причиной затруднений правительства явились не только самые идеи декабристов, которые можно было по произволу исказить или замолчать, хотя бы временно, но и остро стоявший вопрос о престолонаследии, использованный декабристами в своих интересах.

Отсюда стремление правительства «вытравить самую память о декабристах», говорить о них возможно меньше.

Восстание произошло в понедельник, 14-го декабря. Во вторник, 15-го, «Русский Инвалид» не вышел. 16-го же он вышел в увеличенном размере, но в нем ни словом, ни намеком не упоминалось о восстании, сопровождавшем вступление на престол имп. Николая, хотя еще не просохла кровь на Сенатской площади.

Только 19-го декабря в «Русском Инвалиде» появилось официальное сообщение о мятеже. В этом коротком известии, первом печатном сообщении о декабристах, уже чувствуется резко выраженная тенденция представить восстание декабристов в виде ничтожной, не имеющей значения, мятежной вспышки. Правительство заставляет читателя на декабрьский мятеж глядеть сквозь умень-

шительное стекло, но сами-то высшие сановники, и, прежде всего, сам Николай, смотрели на восстание глазами, расширенными от ужаса, и потому даже эта коротенькая заметка не выдерживает общего тона.

«Провидению было угодно сей, столь вожделенный, день ознаменовать для нас и печальным происшествием, которое внезапно, но лишь на несколько часов, возмутило спокойствие в некоторых частях города»,—писал автор этого сообщения, Д. Н. Блудов.—«*В двенадцать часов узнали, что четыре офицера Гвардейской Конной Артиллерии, оказавшие сопротивление, взяты под стражу, но что прочие, как офицеры, так и нижние чины Гвардейского Артиллерийского корпуса, присягали с отменным и единодушным усердием.* Уже в исходе первого часа дошло до сведения Его Величества, что часть Московского полка (как сказывали, от 3 до 4-х сот человек), выступив из своих казарм с распущенными знаменами и провозглашая Императором Великого Князя Константина Павловича, идет на Сенатскую площадь. Они построились в батальон-карре перед Сенатом; ими начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединилось *несколько человек гнусного вида во фраках. Небольшие толпы черни окружали их и кричали: ура! Необходимость противопоставить им достаточное число верных войск была очевидна*». К мятежникам «*присоединилось несколько человек из Лейб-Гренадерского полка и Гвардейского Морского экипажа*».

Еще через три дня, 22-го декабря, в «Русском Инвалиде» появляется манифест Николая по поводу восстания декабристов. С большой опаской обращается манифест к вопросу о целях заговорщиков. «Они желали»,—гласит манифест,—«ниспровергнуть престол и отечественные законы, превратить порядок государственный, ввести безначалие». По этому сообщению весьма трудно было судить о целях декабристов. «Какие средства?» — Здесь Николай знал, что сказать, дабы вызвать против декабристов предубеждение: «Убийство». Вульгарно выражаясь, это явная «передержка». Декабристы сами больше всего боялись убийства, и, если их и можно судить, то именно за то, что они собирались «делать революцию в белых перчатках». Но впослед-

ствии этот же мотив убийства весьма подробно опять разовьет в своем донесении Блудов.

29-го декабря в «Русском Инвалиде» опубликовано было «Подробное описание происшествия, случившегося в Санктпетербурге 14 декабря 1825 года». Оно не принесло ничего нового, в основных чертах повторяя сообщение от 19-го декабря, с прибавлением списка «явно изобличенных зачинщиков».

После того, как 7-го января было напечатано сообщение об организации Следственной Комиссии, уже с 10-го января появляются сведения о восстании Сергея Муравьева-Апостола, писанные в том же духе, как и предыдущие.

29-го января появилось в «Русском Инвалиде» нечто вроде краткого отчета или сообщения Следственной Комиссии. Сообщение это как бы подготовляло почву для тех жестоких кар, которые правительство собиралось обрушить на головы заговорщиков. И тут оно больше всего упирало на мнимую кровожадность декабристов: «Главные преступники суть изверги, покушавшиеся на цареубийство». Наряду с этим, уже хорошо знакомая нам тенденция, направленная к умалению значения заговора: «Безумство (заговорщиков) едва ли не равнялось гнусности умысла... было бы легко заранее предсказать неуспех заговора, узнав, до какой степени простиралось разномыслие между заговорщиками, как их предположения противоречили одно другому, как, беспрестанно изменяя их, они часто в недоумении, казалось, сами ужасались своих желаний и останавливали всякое действие и, наконец, как тщетны были их усилия, чтобы собрать значительнейшее число сообщников или распространить вредные правила в народе».

Наконец, 12-го июня, опубликовано было пресловутое «Донесение Следственной Комиссии». Автором его был Дмитрий Николаевич Блудов (впосл. граф), бывший член «Арзамаса», недавний либерал (когда это было еще модно, с легкой руки самого Александра I), друг многих декабристов. В виду всего этого положение его оказалось весьма неловким и двусмысленным. Карамзин, бывший с Блудовым в очень близких отношениях, незадолго перед смертью своей, обратил на него внимание

Николая, в результате чего Блудов 28-го февраля 1826 г. и был «прикомандирован к Следственной Комиссии для составления общего о действиях оной донесения». Из-под его-то пера и вышло это донесение, открывшее ему в том же 1826 году дорогу на пост товарища министра народного просвещения.

Конечно, составить доклад о деле декабристов было задачей нелегкой. Однако ж, должно заранее сказать, что свою работу Блудов сделал грубо и топорно.

На протяжении всего донесения он ни одним словом не обмолвился о том, к чему стремились, чего хотели декабристы, обратив все внимание на историю заговора и на предполагавшиеся средства к достижению этих неведомых целей. При такой постановке дела, задача его до крайности упрощалась, ибо об этих самых злосчастных «средствах» заговорщики думали меньше всего и, если и говорили, то вскользь, никогда не приходя к определенному, общему и обязательному для всех решению. Блудов выставил напоказ голое тело, лишенное души, содержания, т.-е. именно того, чем морально силен был заговор декабристов.

Дальнейшее уже до смешного просто: гвардия, побывав в заграничных походах, познакомилась с революционными течениями Запада. Все тайные общества оказываются построенными на слепом, нелепом подражании западно-европейским образцам. В тайное общество «завлекали побуждения дружбы, доверенность к некоторым людям, или влияние моды, ибо есть мода и на мнения... или суетное любопытство, а иных, если верить некоторым показаниям, даже виды личной корысти» [1]). Увлекаемые модой, любопытством и корыстолюбием люди составляют тайные общества, без каких-либо целей, как выходит по Блудову, единственно из духа подражания; собираются, неведомо для чего, делать восстания и перевороты и убивать,—главное, убивать! Человек питает инстинктивное отвращение к пролитию крови. Зная это, Блудов, вслед за своими предшественниками, подробнее всего останавливается на вопросе о цареубийстве. Впа-

---

[1]) Декабристы. Тайные об-ва в России. Изд. Саблина, стр. 18.

дая зачастую в чисто повествовательный, эпистолярный стиль, он описывает разговоры заговорщиков об истреблении царской фамилии, с таким расчетом, чтобы у читателя,—и у первого Николая,—мурашки побежали по телу.

Вопрос о цареубийстве был у декабристов самым больным местом. Очевидная практическая необходимость, сталкиваясь с сознанием этической недопустимости насилия, приводила к душевному, внутреннему конфликту. Романтические настроения разбивались о кровавую действительность. Большинство вождей декабрьского движения, в том числе Рылеев и Сергей Муравьев-Апостол, так и не решили для себя этого вопроса до конца. Никита Муравьев был категорически против убийства. Но Блудов опускает все эти колебания. В его изображении декабристы—расчетливые убийцы, хладнокровно ведущие по пальцам счет предполагаемым жертвам.

Это донесение получило впоследствии должную отповедь со стороны Ник. Тургенева и, в особенности в статье декабриста М. С. Лунина «Разбор донесения следственной комиссии», написанной им в Сибири.

По справедливому мнению автора, три причины мешали комиссии разобраться в деле.

Первая причина заключается в том, что далеко не все показания заключенных, на которых, главным образом, строилось обвинение, можно назвать добровольными, ибо отношение допрашивающих было совершенно недопустимым: узники лишены были душевного спокойствия, им давали всевозможные обещания и пр.

Вторая причина — это недостаток письменных доказательств.

И, наконец, третья причина заключается в политических соображениях, понудивших комиссию исключить или изменить некоторые обстоятельства и обратиться к страстям толпы, чтобы поколебать в общем мнении людей, коих влияние и за тюремными затворами казалось опасным [1]).

---

[1]) М. С. Лунин. Сочинения и письма. М. 1925. Разбор донесения следственной комиссии, стр. 68. Подробно об этом см.: С. Я. Гессен и М. С. Коган «Декабрист М. С. Лунин и его время». Лен. 1925.

Эта-то третья причина и есть самая важная, конечно.

«Комиссия приписывает основание Союза духу подражания», говорит дальше автор «Разбора». Число же членов увеличивалось благодаря филантропическим и патриотическим мыслям, помещенным в Уставе, дружбе, либо боязни казаться смешным, любопытству и корысти. «Допустив эти начала и эти побуждения, ни этот Союз, ни члены оного не заслуживают внимания правительства», между тем, как оно вынуждено было начать борьбу с обществом, и тем самым признало, что Союз не есть отдельное явление, а органически связуется с политическими сообществами, которые одно за другим, в продолжение более века, возникали, стремясь к изменению государственного строя. Он отличается от своих предшественников только большим развитием конституционных начал» [1]).

Автор не упускает и одного из больных мест правительства—конституционных мечтаний покойного императора Александра:

«Право Союза опиралось также на обетах власти, которой гласное изъявление имеет силу закона в самодержавном правлении»: «Я намерен даровать благотворное конституционное правление всем народам, провидением мне вверенным». (Речь имп. Александра в Варшавском Сейме в 1817 году [2]).

На обвинение «Донесения» в желании декабристов «после переворота водворить образ правления по своему произволу», Лунин возражает ссылкой на то, что накануне восстания, т.-е. 13 декабря, заговорщики предполагали, после переворота, «созвать представителей всей России» [3]).

И дальше, самое важное:

«Заметим, однако ж, что Комиссия умалчивает об освобождении крестьян, долженствовавшем возвратить гражданские права нескольким миллионам наших соотечественников. Она ничего не говорит о новом Уложении об исправлении судопроизводства, преобразовании вой

---

[1]) Ibid, стр. 74.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid.

ска, об уничтожении военных поселений, о свободе торговли и промышленности, об оказании помощи угнетенной Греции. Эти упущения скрывают от России важную часть трудов Тайного Союза, и причина этих упущений находится в условиях, стеснявших действия Комиссии. Приступая к этим вопросам, она бы возбудила народное участие, которое надлежало подавить» [1]).

«Разбор донесения», написанный Луниным, увидел свет только без малого через 20 лет после декабрьских событий, и то в зарубежной печати. Таким образом, русское общество вынуждено было черпать сведения о декабристах исключительно из этого самого «Донесения», грубо тенденциозного и лживого до последнего знака препинания.

Есть и еще один документ, документ, представляющий величайший интерес, который хотя хронологически и относится к несколько более позднему времени, но стоит в органической связи с «Донесением Следственной Комиссии». Это — записки главного действующего лица, записки императора Николая I, писанные им через 10 лет после изложенных в них событий, в 1835—36 г.г. Вне сомнения, железная воля автора их наложила свою печать на сочинение гр. Блудова. Поэтому здесь будет уместно остановиться на этих записках. Это прагматическое изложение событий — не больше! Николай дурной литератор, дурной государственный деятель. Он, ведь, никогда и не собирался быть императором. Хороший бригадный генерал волею судеб был выдвинут на командные высоты, в один из самых запутанных, ответственных и сложных моментов русской истории. Тридцатилетнее царствование его завело Россию в отчаянный тупик, потому что он, ведь, был не больше, как бригадным генералом.

И вот он, вынужденный обстоятельствами наспех накинуть на себя горностаевую мантию, оказывается перед лицом восстания, против него направленного. Мантия сваливается у него с плеч, и он снова оказывается хорошим, исполнительным командиром.

---

[1]) Ibid.

Вначале у него даже является мысль отстраниться «от всякого участия в делах, до коих, в строгом смысле службы, как говорится, мне дела не было» [1]). Но, вот, он решился действовать. Прошла пора междуцарствия, выявив Николая, как очень посредственного дипломата. Настало 14-е! Бунт! Мятеж! И бригадный генерал проявил себя в полном блеске.

«Ребята, Московские шалят», — обращается он к финляндцам, — «не перенимать у них и свое дело делать молодцами»; велел зарядить ружья и сам скомандовал: «вперед, скорым шагом марш», повел отряд левым плечом вперед к главным воротам дворца» [2]).

Дальше мы напрасно будем искать каких-либо рассуждений государственного мужа, оценки происходивших событий, мыслей о грядущих возможностях. Ничего этого нет! Военные распоряжения, и единое желание показать все восстание в мизерном, жалком виде, а наряду с этим — страх: велит приготовить экипажи для перевозки августейшей семьи в Царское Село.

Жуткое впечатление производят эти сжатые записки российского императора, подавляющего действия тайного общества, которое грозило сокрушить все существовавшие основы государственного строя, записки, так живо напоминающие рапорт бригадного генерала своему дивизионному командиру.

Но вот восстание подавлено, и бригадный командир уступает место утонченному следователю. Из поведения Николая во время следствия и суда над декабристами с непреложностью явствует, что основное чувство его к декабристам, это — озлобление. Недавний страх улегся, и на смену пришла мстительная, расчетливая злоба, ненависть против этих людей, заставивших его содрогнуться от ужаса. Он вникает во все мельчайшие подробности: каждого арестованного сопровождает в Петропавловскую крепость собственноручная записка государя о том, где и как содержать присылаемого. Он, задолго до приговора суда, облюбовывает место для казни, выби-

---

[1]) П. Е. Щеголев. Николай I и декабристы. Очерки. Петр. 1920, стр. 44.

[2]) Ibid, стр. 54.

рает время, намечает обстановку казни. Он же является вдохновителем Верховного Уголовного Суда, он же, еще до того, сам допрашивает арестованных, проявляя при этом замечательное актерство. И еще в Сибири слепая злоба Николая преследует декабристов.

Такова эпопея отношения Николая к декабристам: обычная эволюция для всякого дюжинного человека: страх, по миновании опасности, всегда выливается в озлобление против виновника этого страха. У Николая же чувство это было еще сложнее, ибо в день 14-го декабря заговорщики обратили его в самозванца, хотевшего незаконно присвоить себе права брата Константина на престол.

В заключение скажем несколько слов об известных «Автобиографических Записках» А. Д. Боровкова [1]), к которым весьма усердно прибегали все исследователи декабристов. Боровков был правителем дел Следственного Комитета. Им составлен знаменитый «Алфавит декабристов», в который вошли все, без исключения, лица, в той или иной мере прикосновенные к тайным обществам. «Алфавит» этот крепко прирос к письменному столу императора Николая, и, прежде чем утвердить какое-либо новое назначение, он неизменно справлялся в этом проскрипционном списке былых злоумышленников.

Боровковым же составлена была для Николая сводка взглядов декабристов «на внутреннее состояние государства в царствование императора Александра», основанная, по его словам, главным образом, на отзывах Батенькова, бар. Штейнгеля и Ал. Бестужева [2]).

И тот же Боровков набросал свои впечатления и воспоминания о членах Следственного Комитета и важнейших заговорщиках. Нечего и говорить, что вся деятельность Следственного Комитета рисуется им в идиллических, высоких тонах. Все следователи, особенно Татищев и кн. Голицын, оказываются проникнутыми единым желанием облегчить участь подсудимых, проявить высше

---

[1]) Русская Старина, 1898 г., т. 96, стр. 331 и дальше.
[2]) Ibid.

милосердие. Впрочем, стараясь быть, по возможности, объективным, Боровков замечает, что «Чернышев на допросах вдавался в мелкие подробности, ни к чему не ведущие».

Интересны характеристики, даваемые Боровковым виднейшим декабристам. Он первый отвергает официальную версию о корыстолюбии вождей заговорщиков. Так, например, он говорит: «Рылеев действовал не из личных видов, а по внутреннему убеждению в ожидаемой пользе для отечества, предполагая, что с переменой образа правления прекратятся беспорядки и злоупотребления, возмущавшие его душу» [1]).

Боровков не может скрыть удивления, вызываемого твердостью и мужеством заговорщиков: «Бестужев-Рюмин — восторженный, деятельный, вкрадчивый, способный увлекать и словом, и энергиею. Деловитый, основательный ум, твердый, решительный характер, неутомимая деятельность к достижению предположенной цели — вот свойства Оболенского». «Поджио, Александр. Восприимчивый, пламенный поборник республиканского правления, неукротимый в словах и суждениях. Борисов 2-й, воображения пылкого, характера твердого, готовый решиться на все для предполагаемой цели» [2]).

Вместе с тем, Боровков очень большого мнения о силах заговорщиков: «Южное общество находилось в сношениях с тайными обществами Польши, Венгрии, Испании, Англии, Франции... Мятеж 14-го декабря было только необдуманное, стремительное действие Северного общества, хотевшего воспользоваться, по мнению его, удобнейшим моментом» [3]).

Явная благосклонность Боровкова к декабристам не могла укрыться от бдительного ока правительства: составление донесения, первоначально порученное ему, было передано Блудову, и, тогда как Блудов сделал карьеру на процессе декабристов, Боровков так и застрял надолго в низах.

---

[1]) Ibid, стр. 337.
[2]) Ibid, стр. 338.
[3]) Ibid, стр. 339—341.

Сколько ни старалось правительство, оно не могло уничтожить внутренних противоречий, столь явно сквозивших в его отношении к декабристам. Старание всячески, всеми возможными средствами, умалить значение и величину заговора абсолютно не согласовалось с грандиозностью борьбы, предпринятой им против тайных обществ, и со страхом, который так неприглядно сквозил во всех сообщениях.

Кроме того, утрированная и грубая ложь никогда не внушает доверия. Правительство не достигло поставленной цели: очернить декабристов в глазах современников. Общество, в большинстве, как мы убедимся, отнеслось к правительственным сообщениям с понятной осторожностью и недоверчивостью, стараясь, сквозь нагромождение официальной лжи, разглядеть истинную сущность событий.

Означенным материалом исчерпываются сообщения о декабристах. Писать о них было строжайше запрещено и дальнейшая судьба их была окутана тайной.

ГЛАВА II.

Декабристы в оценке современного общества.

Русское общество нач. XIX века представляет собой весьма пеструю картину. Со все возрастающей определенностью намечаются различные классовые и сословные группировки и новые взаимоотношения, дотоле неизвестные.

Прежде всего, в состав русского общества в широком смысле слова входит старая сановная знать, которая, до некоторой степени, начинает игнорировать государственную службу и живет пышно, весело и богато в своих наследственных вотчинах, либо в столице.

Далее существует уже чиновная аристократия, насаждением которой занялся впервые Петр I. Это — люди часто без роду и племени, часто инородцы-немцы, личными интересами неразрывно связанные с престолом.

Третьей составной частью является мелкопоместное, разоренное дворянство, которого долги соперничают в длине с его родословными, и которое нужда загнала в глухие, отдаленные от центра, поместья.

Затем — молодежь, в большинстве военная, воспитанная под бой барабанов, в заграничных походах, повидавшая чужие края и, посему, много отличная от своих сановных родителей.

И, наконец, писательская братия, стоящая несколько в стороне, особняком, ибо в обществе тогда еще не искоренилось слегка презрительное, свысока, отношение к литературному труду.

Вот основные составные части, из которых слагалось высшее русское общество 20-х г.г., призванное судить декабристов.

Теперь представьте себе, что вы берете тяжелую, длинную палку и ударяете ею по клавишам рояля. Какая пестрая и разорванная гамма вырвется наружу! Вы услышите и громовые звуки, и жалкие, пискливые, и короткие, но резкие. А те клавиши, по которым удар придется особенно сильно, совсем промолчат, ибо резкое падение их поглотит звук.

Таким ударом по русскому обществу, неожиданным, непредвиденным ударом, было восстание 14-го декабря. И какая пестрота звуков, приглушенных, едва слышных, понеслась наружу!

Грянуло 14-ое декабря, и общество русское стихло, замерло в щемящем ужасе; нельзя было и думать, хотя бы о косвенном выражении участия декабристам,

«Чтобы в путь
До Нерчинска не махнуть».

И потому большинство предпочитало замалчивать, обходить этот вопрос, естественно привлекавший к себе всеобщее жадное внимание.

Но, по случайным полунамекам, сопоставлениям, нечаянно оброненным фразам, по недоговоренности, которая часто говорит нам больше, чем законченная речь, мы воссоздаем картину отношения общества к декабристам.

Прежде всего: сановная знать. Это все почти — родственники декабристов, те, про которых позднее Ф. Ф. Вигель будет ядовито говорить, что «печальными казались только родственники и приятели мятежников 14-го декабря» [1]).

Высшая сановная знать жила беззаботно и весело. Было это не болото стоячее, а скорее — тихая, спокойная заводь.

Дети далеко опередили отцов, которые оказались совершенно неподготовленными к оценке деятельности сыновей своих.

---

[1]) Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. VI. М. 1892, стр. 100.

Впрочем, и они, эти титулованные старики, кое-чему научились. Может быть, даже не научились, но как-то бессознательно восприняли и скоренько схоронили где-то на дне души. Было это несколько критическое отношение к носителям верховной, самодержавной власти. Но только к «носителям» ее, а отнюдь не к самой власти, как таковой; было это, конечно, результатом кровавых превратностей минувшего века, когда так часто сменялись венценосцы, когда отцы их, опираясь на гвардию, диктовали царям свои требования, когда Екатерина II восходила на престол, свергнув двоих императоров.

И вот в эту спящую сладким сном заводь откуда-то, с неведомых высот, рухнула тяжелая, каменная глыба. О существовании заговора знало ранее правительство, знали войска, но эти, отцы заговорщиков, ничего не знали, ничего не подозревали. Мы застаем их накануне восстания, когда уже появились тревожные слухи в городе о том, что гвардия, будто бы, не желает присягать Николаю.

«В народе»,—рассказывает П. А. Каратыгин, — «распространились тревожные слухи, что общественное мнение сильно разделено относительно преемника престола. На рынках и в мелочных лавках, куда стекаются из низших слоев народонаселения разные городские сплетни и нелепые толки, много было зловещих рассказов. Так и наша прислуга слышала где-то 13-го декабря, что завтра-де назначена войскам присяга и что некоторые полки не хотят присягать Николаю Павловичу. *Разумеется, мы этому не верили* [1]) и запретили нашей прислуге повторять такие нелепости» [2]).

Так, досадливо отмахиваясь от этих «нелепостей», встретило русское общество, каким мы его только что видели, роковое 14-е декабря.

Но вот восстание произошло, и как-то надо было реагировать.

---

[1]) Курсив наш. *С. Г.*

[2]) Воспомин. П. А. Каратыгина. «Русск. Стар.», 1875 г., т. XII, стр. 732 — 33.

Молодой поручик А. П. Гангеблов, слегка замешанный в деле декабристов [1]), рассказывает, что «впечатление, произведенное на умы декабрьскими событиями, долго не ослабевало в обществе; на декабриста, к какой бы он категории ни принадлежал, смотрели как на какого-то полубога» [2]).

Подобный восторг, конечно, не был результатом строгого, аналитического разбора событий, ибо такого, ведь, и быть не могло, по полнейшему отсутствию каких-либо данных. О декабристах, в ту пору, не знали ничего, кроме немногого, чему петербуржцы были сами свидетелями в день 14-го декабря. Но давно сказано, что «запретный плод сладок», а декабристы в полной мере были плодом запретным, так как Николай I стремился вытравить самую память о них. Окруженные ореолом таинственности, декабристы, вследствие этого, естественно привлекали сочувствие. Надо помнить и то, что это общество, оценку которым декабрьских событий мы сейчас воссоздаем, было кровно связано с самими участниками. Для них, представителей этой знати, это не были абстрактные, неизвестные фигуры, это были их дети, крестники, зятья, те самые le prince Serge, le comte Michel, муж Annette, которых они еще давеча видели на своих балах, прочили, может быть, в мужья своим дочерям. Воображению позднейших поколений революционеры неизменно представлялись людьми какого-то иного порядка, совершенно от них отличными. Здесь же это были, так сказать, свои люди, плоть от плоти, кровь от крови. Надо еще помнить и то, что русское общество весьма критически относилось к прошедшему царствованию Александра I. У каждого человека, на всех ступенях житейской лестницы, во всяком положении, есть какое-то «мое», «наше» время. Будь то гимназист выпускного класса, военный или государственный деятель, или просто старик, доживающий свой век, вы от каждого услышите это неизменное,

---

[1]) Л-гв. Измайл. полка пор. Гангеблов переведен во Владикавказск. гарнизон, тем же чином, с «выдержанием» в крепости еще один месяц.

[2]) Гангеблов. Воспомин., стр. 4.

несколько высокомерно оброненное воспоминание о бла
гословенном, минувшем «нашем времени».

Для старшей части русского общества, для «отцов декабристов», таким «нашим временем», когда, якобы, все было хорошо, представлялось царствование Екате рины II. К Александрову же царствованию относились весьма критически.

Сенатор П. Дивов [1]) рассказывает, что Сенат, кото-рый состоял, по преимуществу, из этих сановных стари-ков, был очень недоволен поведением Александра в отно-шении вопроса о престолонаследии. Автор сам жестоко критикует политику последних лет Александрова цар-ствования, приведшую, по его мнению, к полному развалу.

Любопытный факт: когда граф Ланской предложил Сенату объявить подписку на памятник покойному импе-ратору, с надписью «Благословенному Александру I», сенаторы запротестовали против текста надписи, кото-рый и был изменен следующим образом: «Александру I— Россия» [2]). Так, накануне декабрьских событий, Сенат отказал в благословении покойному государю.

И вот, в результате всего Гангеблов говорит, что обще-ство смотрело на декабристов, как на полубогов. Харак-терно и это,—возможно, что случайное,—слово «смо-трело»: именно не относилось, а *смотрело*, потому что *проявлять* свое отношение к заговорщикам не решались зачастую даже их ближайшие родственники, опасаясь лишиться монаршего благоволения.

Но такое восторженное отношение, как говорит нам Гангеблов, было к самим участникам, к самым жертвам, и о причинах его мы уже говорили выше.

Каково же было отношение общества к их делу? Как оценивалось значение декабрьского восстания?

И опять-таки должно вспомнить, что широкое обще-ство ничего о нем не знало и могло поэтому судить

---

[1]) Кстати сказать, тоже родственник декабристов. Племян ник его, мичман В. Дивов, Верх. Угол. Судом отнесен к 1-му разряду.

[2]) Сенатор Дивов. Петербург в 1825—1826 г.г. «Русск. Стар.», 1897 г., март.

только по непосредственным результатам восстания. Приводим слова гр. В. А. Соллогуба, друга и секунданта Пушкина: «По мнению людей истинно просвещенных и искренно преданных своей родине, это восстание затормозило на десятки лет развитие России, несмотря на *полный благородства и самоотверженный характер заговорщиков*. Оно вселило в сердце императора Николая I навсегда чувство недоверчивости к русскому дворянству и потому наводнило Россию тою мелюзгою фонов и бергов (т.-е. немцев. *С. Г.*), которая принесла родине столько неизгладимого на долгое время вреда» [1]).

В этом чрезвычайно интересном отзыве уже резко обнаруживается грань, проводимая между самими заговорщиками и их деяниями. Осуждается только результат восстания, что и понятно, ибо декабристы потерпели неудачу, а нельзя ожидать, чтобы неудача, и при том сразу, принесла благодетельные плоды. Но на вопрос, принесло ли бы восстание, в случае успеха, пользу или вред России? — мы ответа не получаем. Общество, в данном случае, могло только осуждать, устами Соллогуба, и то, что мы этого осуждения не находим, уже весьма показательно.

Перед нами другой документ, документ величайшего интереса: донесения директора канцелярии III отделения, М. Я. Фока,—шефу корпуса жандармов, генералу А. Х. Бенкендорфу, донесения о настроениях петербургского высшего общества в середине 1826 года. Вот что пишет Фок:

«Во многих кружках упорно продолжают анализировать причины, возбудившие взрыв 14 декабря. Привожу некоторые из размышлений по этому предмету.

«Собственно, новаторы пришли к тому простому заключению, что, порицая злоупотребления, следует, в то же время, указывать и средства к искоренению их. По мнению этих нововводителей, великие внешние войны и иностранная политика до того поглощали внимание правительства, что внутреннее управление страною предоставлено было на волю нескольких человек—органов и креатур одного лица, облеченного доверием государя и, под личиною бескорыстия, до такой степени

[1]) Воспоминания графа В. А. Соллогуба. СПБ. 1887, стр. 102.

честолюбивого, что он приносил в жертву этому честолюбию самые дорогие интересы управляемых лиц и заставил правительство принять систему управления, имевшую атрибутом сплетни и кляузы, а целью—жажду нераздельного господства (конечно, Аракчеев. *С. Г.*) Таким образом, постоянно возраставшее недовольство неизбежно должно было разрешиться взрывом. Затем, эти самые нововводители—люди без власти и без средств—приняли на себя роль распорядителей, и, уже по необходимости, должны были прибегнуть к преступным мерам, чтобы развить свои планы и привести их в исполнение.

«Итак, если, с одной стороны, ничем нельзя извинить преступления, одинаково осуждаемого, как божескими, так и человеческими законами, то, с другой стороны, следует признаться, что все было сделано для возбуждения недовольства, и ничего для прекращения его в самом начале» [1]).

Весьма интересна и другая аналогичная записка, «Донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге», опубликованная недавно Б. Л. Модзалевским и, по справедливому его мнению, принадлежащая перу писателя С. В. Висковатова.

Как ни старается автор, ему не удается скрыть того волнения и недовольства, которое вызвано было в обществе казнью декабристов, заставившей «многих, особливо женщин, кричать: «Какой ужас! И с какой стремительностью!»

Автор добавляет, что «в больших кругах говорят, что *будет строгое царствование, воскреснет царь Иван Васильевич Грозный,* и даже выдумали какое-то, будто давнее, пророчество, что после царствования, войнами самого блестящего, и после мгновенно вспыхнувшего бунта, настанет царствование, которое продлится 30 лет, извне совершенно спокойное, но внутри, хотя и правосудное, но слишком грозное».

О подслушанных осуждениях декабристов автор упоминает как-то уж очень вскользь, и то не прямо, а только противопоставляя этим возмущениям жестокостью царя

---

[1]) Письма М. Я. Фока к А. Х. Бенкендорфу. «Русск: Старина», 1881, IX, стр. 172—173.

«истинных патриотов», в которых «это умножило восторг благоговения» перед правительством [1]).

Таковы эти агентурные донесения, доставленные Фоку, очевидно, каким-нибудь из его наиболее интеллигентных тайных агентов, каких в его распоряжении было немало, как, например, упомянутый писатель Висковатов, поэтесса Пучкова и др. Безусловно, оно заимствовано, как и показание Сологуба, из разговоров и мнений наиболее просвещенной части общества. И содержит в себе оно, как мы видим, косвенное оправдание декабрьского восстания. Самый порядок вещей явился источником происшедшего. Преступны средства, но не цель. И опять-таки явно сквозит благосклонное отношение к самим действующим лицам. Действительно, по всему явствует, что узники пользовались благоволением общества. Порой, в известных обстоятельствах, молчание бывает чрезвычайно красноречиво.

Так, конечно, и в данном случае. Почти полнейшее отсутствие в частной переписке, в записках очевидцев, хулы, которая одна была возможна в отношении декабристов, весьма показательно. Порицать декабристов можно было, но мы встречаем полное молчание. «Ты молчишь и я молчу, и хорошо делаем—поговорим при свидании»,—многозначительно пишет Пушкин кн. Вяземскому. В подобных условиях уже самое молчание есть скрытое одобрение, скрытое сочувствие. Правительство вложило в руку общества камень, но камень этот не был брошен.

А та нарочитая таинственность, которой окружен был весь процесс декабристов и его роковая развязка, сама по себе свидетельствует об опасениях правительства за общественное мнение.

Только очень редко, в частной переписке, встречаем мы хулу по адресу декабристов и, как общее правило, осуждения эти бывают ни на чем не обоснованы. Так директор Академии Художеств, А. Н. Оленин, писал до-

---

[1]) Б. Л. Модзалевский. «Донесение тайного агента о настроении умов в Петербурге после казни декабристов». «Декабристы. Неизданные материалы и статьи». Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М. 1925, стр. 37—39.

чери: «Бунтовщиков... праведные судьбы божии все
без изъятия сохранили для постыдной и справедливо
казни, и не дали умереть смертью храбрых. Подлецы си
разбежались при первом выстреле»...

Письмо говорит само за себя и не нуждается в коммен
тариях. Можно ли упрекать декабристов в тру
сости? Оленин, наперекор истине, утверждает, чт
Милорадовича убил Оболенский, и жена его, ему в тон
пишет: «Оболенский отличился таким неистовством, чт
саморучно рубил, кто ему под руку попадется». И до
бавляет, с лирическим пафосом: «И эти варвары льстил
себя управлять Россиею»...

Тот же Фок сообщает, что будто бы многие недоволь
«мягкостью», проявленною правительством в отношени
самих осужденных и их семейств [1]).

На-ряду с сановной аристократией, стоявшей в стороне
ст государственной службы, о которой речь была выше
к этому времени уже вполне оформилась новая сослов
ная группа, а именно, если позволено так выразиться
«аристократия служилая», т.-е. группа лиц, занимаю
щая командные высоты в государстве. Эта группа со
стояла из двух слагаемых: в меньшинстве из представите
лей старых дворянских гербов, в большинстве—из ино
родцев и выходцев средних классов, «выскочек». Как
известно, Петр I положил основание этой группе. Па
вел I организовал жестокую травлю дворянства. Все
дворцовые перевороты XVIII в., естественно, поселили
в русских монархах недоверие к дворянству. И вот, по
степенно появляются новые имена: Меньшиковы и Ку
тайсовы, Сперанский и Балугьянский, Аракчеев и эти
бесконечные «фоны» и «берги»: Бенкендорф, Дибич
Ламсдорф, Нессельроде, Остерман, Оффенберг, Крузен
штерн, Адлерберг и т. д. и т. д. Соллогуб справедливо от
мечает это «немецкое засилие», но неправильно относит
его за счет последствий декабрьского восстания. Это за
силие было и раньше. Ведь даже и мысль об организации
тайного общества родилась отчасти из недовольства на
воднением России немцами.

---

[1]) Письма Фока, стр. 176.

Немецкие авантюристы, блиставшие в русских генеральских мундирах, отнеслись к восстанию, по существу, чрезвычайно просто. Они, по-своему, честно выполнили свой долг немецких кондотьеров на русской службе, дали и «выиграли» сражение, и, если вспоминали впоследствии об этом, то только как об обычном, рядовом, военном эпизоде.

Таковы записки ген.-лейт. Фелькнера о событии 14-го декабря 1825 года [1]). Таков и журнал ген.-адъют. К. Ф. Толя. Его дневник [2]) очень напоминает цитированные выше записки Николая I. Это обыкновенная военная реляция:

«Л.-Гв. Конный полк (стоял) правым флангом к Исаакиевскому мосту в эскадронных колоннах, подле него, на левом фланге — батальон Преображенского полка, подле сего—Л.-Гв. Семеновский полк,—оба в батальонных колоннах. Л.-Гв. Измайловский полк стоял в общей колонне, вдоль по забору, против угла бульвара, так что между сим и Семеновским полком был довольно значительный интервал, в коем находился государь и при нем генерал-адъютант»... и т. д. [3]) в том же роде. Должно еще отметить, что это писалось в самый день восстания, т.-е. под свежим впечатлением, из чего мы можем заключить, что вызванные в гр. Толе и ему подобных декабрьским восстанием эмоции были самого заурядного характера.

Таковы же и воспоминания о 14-м декабря генерал-адъютанта гр. Е. Ф. Комаровского [4]) и множества других генералов.

Но большинство высших русских государственных деятелей вынуждены были обстоятельствами высказаться более определенно. Как вскоре выяснилось, М. М. Сперанский, знаменитый адмирал Мордвинов, гр. Кочубей, Д. Н. Сенявин назывались заговорщиками в числе предполагаемых будущих правителей. Один из ближайших

---

[1]) «Русск. Стар.», 1870, т. 11, стр. 132 и далее.

[2]) Журнал генерал-адъют. гр. К. Ф. Толь о декабрьских событиях 1825 г. СПБ. 1910.

[3]) Ibid, стр. 25 — 26.

[4]) Записки гр. Е. Ф. Комаровского, СПБ. 1914.

сотрудников Сперанского, Г. С. Батеньков, был в самом центре заговора. Ген. П. Д. Киселев, начальник штаба южной армии, был в дружбе с Пестелем, Басаргиным и многими другими заговорщиками. У ген. Н. Н. Раевского почти все члены семьи оказались привлеченными к делу.

Все эти люди должны были как-то определенно выявить свое отношение к декабристам, ибо на карту была поставлена вся их будущая карьера при новом недоверчивом и запуганном государе.

Особенно щекотливым оказалось положение Мих. Мих. Сперанского. В эту пору, Сперанский, не так давно возвратившийся из Сибири, был не у дел и носил только звание рядового члена Государственного Совета. Новый государь сразу приблизил его к себе. Уже манифест о воцарении Николая, порученный сперва Н. М. Карамзину, был составлен Сперанским. Но, в процессе деятельности Следственной Комиссии над декабристами стали выясняться обстоятельства весьма странного свойства: многие из виднейших участников восстания указывали на Сперанского, как на одного из намечавшихся ими правителей [1]). Одно это уже могло привести Николая к мысли, что между Сперанским и заговорщиками существовала некая, более или менее тесная, связь, результатом которой и могла явиться уверенность декабристов в том, что Сперанский будет на их стороне. Либеральные начинания Сперанского при начале царствования Александра I могли только подтвердить эти подозрения.

Весьма возможно, что у Сперанского и в самом деле была какая-либо связь с декабристами. У него на квартире жил Г. С. Батеньков, один из крупнейших теоретиков декабрьского движения; Сперанский был с ним чрезвычайно близок. Был он очень близок и с другим декабристом, литератором А. О. Корниловичем. Декабрист Д. И. Завалишин, зарекомендовавший себя многими ценными, хотя порой и страдающими сильным субъективи-

---

[1]) Подробно о планах декабристов, в связи со Сперанским см. В. И. Семевский—Политические идеи декабристов СП 1909, стр. 492 и далее.

мом, трудами о великом движении, которого участником он был, говорит о Сперанском следующее:

«Знал ли он прежде о стремлениях и целях либеральной партии, с достоверностью утверждать не могу, хотя по близким его сношениям с Батеньковым это очень вероятно. Но что в самый день 14-го декабря он был предуведомлен о предстоящем перевороте, это кажется несомненным; по крайней мере, нет никакой причины не доверять показаниям Корниловича... Вот его показание относительно Сперанского: утром, прежде еще, нежели началось движение, Корнилович был послан к Сперанскому объявить ему о предстоящем перевороте и спросить его согласия на назначение в число членов регентства. «С ума вы сошли»,—отвечал Сперанский—«разве делают такие предложения преждевременно? Одержите сначала верх, тогда все будут на вашей стороне».

«Если припомнить, как легко подчинялись всегда в Петербурге все самые значительные люди всякому перевороту»,—справедливо замечает Завалишин,—«то ответ Сперанского представится очень естественным и понятным и вся эта сцена не покажется невероятной» [1]).

Сами декабристы, на допросах, отрицали участие Сперанского в деятельности тайных обществ. Все эти показания были для Сперанского благоприятны, за исключением самого факта многократного упоминания его имени в связи с проектом учреждения временного правления [2]).

Это возбуждало в Николае серьезнейшие подозрения. Наконец, государь специально командировал своего главного помощника, Бенкендорфа, к С. П. Трубецкому, дабы выведать все, касающееся роли Сперанского в заговоре. 28-го марта, т.-е. уже незадолго до организации Верх. Угол. Суда, в котором Сперанскому суждено было играть центральную роль, Бенкендорф посетил Трубецкого в его камере и долго, но безрезультатно, допытывался сведений о Сперанском. Трубецкой категорически отрицал участие Сперанского в тайном обществе [3]).

---

[1]) Д. И. Завалишин. Записки декабриста. СПБ. стр., 211.

[2]) Кн. В. М. Голицын. Сперанский в Верх. Угол. Суде над декабристами. Русск. Истор. Журн. 1916, кн. 1—2, стр. 63.

[3]) Записки кн. С. П. Трубецкого. СПБ. 1906, стр. 55 и далее.

Но Николай крепко не взлюбил Сперанского. «Княгиня Ливен, бывшая некогда воспитательницею великих княжен и весьма близкая ко Двору, рассказывала, что однажды, спустя несколько недель после 14-го декабря 1825 года, государь, зайдя к ней по окончании своей работы со Сперанским, выразился о нем чрезвычайно резко, в самых неблагоприятных выражениях. Потом, видясь, в начале царствования, очень часто с Балугьянским... Николай... сказал ему, в разговоре о Сперанском: «Смотри же, чтобы он не наделал таких же проказ, как в 1810 году» [1]).

Чем же, в таком случае, объяснить, что Николай, несмотря на все свое отрицательное и подозрительное отношение к Сперанскому, именно его поставил фактически во главе суда над декабристами? На этот вопрос имеются два ответа: Н. В. Голицын говорит, что Николаю к Сперанскому «пришлось обратиться в крайности»,— потому, мол, что не было никого более подходящего [2]).

Иначе объясняет это П. Е. Щеголев. Он, собственно, развивает мнение Голицына. Николай, по его мнению, «привлек Сперанского к активнейшему участию в процессе не только потому, что он был самый дельный и самый умный из всех сановников... Николай Павлович правильно рассчитал, что при распределении вины, при назначении наказаний, Сперанский, при всем желании быть мягким, несомненно усугубит строгость, ибо малейшее снисхождение с его стороны было бы истолковано, как свидетельство о сочувственном отношении Сперанского к декабристам; а это повлекло бы за собой крушение всей его жизни» [3]).

Рассчет Николая блестяще оправдался. Для Сперанского деятельность его в Верховном Угол. Суде была единственным путем к реабилитации. Мы не станем здесь подробно останавливаться на роли и действиях Сперанского—судьи декабристов. Интересующихся этим вопро-

---

[1]) Жизнь графа Сперанского (бар. М. Корфа). Т. 2. СПБ. 1861, стр. 306.

[2]) Н. В. Голицын, назв. сочин., стр. 62.

[3]) П. Е. Щеголев. Николай I и декабристы. П. 1919, стр. 27.

сом отсылаем к цитированным выше трудам П. Е. Щеголева и Н. В. Голицына [1]).

Здесь скажем вкратце: Сперанский был главной пружиной, главным двигателем Верх. Угол. Суда. Согласно авторитетным доказательствам П. Е. Щеголева, Сперанский свершил, по существу, один всю работу.

Вел. кн. Николай Михайлович, говоря о деятельности Сперанского, замечает, что он «умышленно старался быть в тени» [2]).

Это и понятно, при обрисованном выше щекотливом положении, в котором оказался былой любимец императора Александра. Во имя карьеры, во имя личного своего благосостояния, неудачный русский конституционный деятель, автор «Плана государственного устройства России», поступился своими принципами. Для Сперанского это, конечно, было жестоким компромиссом с совестью, ибо достаточно самого беглого, поверхностного знакомства с деятельностью Верх. Угол. Суда, чтоб убедиться в том, что он был не более, как фикция. Достаточно сказать, что обвиняемых даже не вызывали к допросу: «судьи» довольствовались лишь тем материалом, который поступил к ним из Следственной Комиссии. Знаменитый русский кодификатор не мог не сознавать, что он, до известной степени, совершает юридическое убийство, но на карту была поставлена карьера крупного государственного деятеля, и... результат получился довольно обыкновенный.

П. Е. Щеголев передает слова дочери Сперанского, о том, что отец ее страшно волновался «и плакал по ночам во время процесса». Это лишний раз свидетельствует о душевной борьбе, происходившей в нем, борьбе двух начал, из которой победителем вышел карьеризм.

На ряду с именем Сперанского, в процессе декабристов, стоит и другое, еще более почтенное, имя,—имя знаменитого адмирала Н. С. Мордвинова, «нового Долгорукова», по выражению Пушкина. Мордвинов, уже по одному своему возрасту (род. в 1754 г., след. ко времени

[1]) См. также П. Е. Щеголев—П. Г. Каховский. М: 1920: Н: П: Павлов-Сильванский: Пестель пред В. У. С.

[2]) В. кн. Николай Михайлович. «Казнь пяти декабристов». «Истор. Вестн.», 1916:

декабрьского восстания ему было уже 71 год), не мог принимать активного участия в заговоре. Но и он, наряду со Сперанским, намечался заговорщиками в члены временного правления. Конечно, уже по своим политическим убеждениям, Мордвинов не мог фактически сочувствовать декабристам. Он был либералом, но особого и весьма оригинального толка. На первый план он выдвигал политические реформы, совершенно игнорируя реформы социальные и оставаясь даже в рядах сторонников крепостного права. Будучи англоманом, он ратовал за политическую свободу, основанную на создании богатой аристократии, путем раздачи дворянам казенных имений и наделения их политическими правами. Отстаивая предоставление промышленности дешевого кредита, он, с тем вместе, защищал даже право продажи крепостных в одиночку, без земли. Крепостное право, по его мнению, могло быть уничтожено единственно выкупом крестьянами личной свободы [1]).

Тем не менее, декабристы относились к нему с уважением и верили в него, ибо в их глазах он все-таки оставался либералом, и при том одним из очень немногих. Рылеев воспел его в оде «Гражданское мужество».

Но сам Мордвинов, конечно, как явствует из беглого знакомства с его политическими убеждениями, не мог не быть чуждым стремлениям декабристов.

Однако, и он навлек подозрение. Уже 23 декабря, император Николай писал цесаревичу Константину Павловичу по поводу заговора: «... у меня имеются подозрения, слишком обоснованные для того, чтобы быть уверенным, что это восходит до государственного совета, а именно до *Мордвинова*, но так как я держусь правила обрушиваться лишь на тех, которые разоблачены, или на которых падают слишком сильные подозрения, для того, чтобы оставить их на свободе, я ничем не спешу» [2]).

---

[1]) В. С. Иконников. «Гр. Н. С. Мордвинов»: СПБ: 1873: Об отношении его к крест. вопр.—В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в сб. «Крестьянский строй», т. I. СПБ, 1905.

[2]) Переписка императора Николая Павловича с вел. кн. цесаревичем Константином Павловичем. Том I (1825—1829). Сборник императорск. Русского Исторического Общества. Том 131. СПБ. 1910, стр. 13.

Отсюда с непреложностью вытекает, что подозрения Николая были чрезвычайно сильны. Семидесятилетнему Мордвинову грозил даже арест: Николай только выжидал дальнейших результатов расследования.

28-го декабря Николай снова обращается к Константину, с теми же подозрениями: «Дела скрыты, но подозрения падают на Мордвинова, поведение которого было совершенно исключительным в эти печальные дни и на двух сенаторов: Баранова [1]) и Муравьева-Апостола [2]), но это пока только подозрения»

Далее Николай выражает твердую уверенность, что в ближайшее время все выяснится.

Было произведено секретнейшее расследование об отношениях к тайному обществу Мордвинова, а также Сперанского, помянутого в письме Николая сенатора Баранова и др.

Делопроизводитель следственной комиссии, Боровков, пишет по этому поводу, что «надежда» на их участие «была выдуманною и болтовнею для увлечения легкомысленных» [3]).

Таким образом, Мордвинов был, как будто, оправдан, непричастность его к тайному обществу выяснена. Позднее, в 1841 году, уже незадолго перед смертью (умер в 1845 г.), Мордвинов, в автобиографической записке, писал по поводу этого обвинения:

«Известно государю моему, сколь усердно старались приключить меня в число изменников государственных в начале царствования Его Величества... Но когда не могли они извлечь ничего, могущего послужить для присоединения меня к бунтовщикам, то, дабы навлечь в мыслях омрачение в уме государя-царя, излагали подробно обо всем, что происходило между ними (т.-е., очевидно, относительно предположенного включения Мордвинова

---

[1]) Дмитрий Иосифович Баранов, действ. тайн. сов. и сенатор, ум. в 1834 г.

[2]) Иван Матвеевич Муравьев-Апостол (1765—1851), отец трех декабристов, Матвея, Сергея (повешен 13 июля 1826) и Ипполита (покончил с собой после поражения при Белой Церкви); подробнее о нем см. ниже.

[3]) Боровков. Автобиогр. Записки. «Русск. Стар.», 1898 г., XI, стр. 348.

в число членов временного правления. *С. Г.)*, но Его Величество, не видя ничего, могущего навлечь подозрение на меня, приказал истребить все вопросы и все ответы вопрошаемых» [1]).

Надо полагать, что Мордвинов был вполне искренен в своем возмущении против возводимых на него подозрений, ибо в своекорыстных расчетах его заподозрить трудно, а идейно он был чужд декабристам.

Следует отметить еще и то, что при вотировании в Верх. Угол. Суде вопроса о применении к декабристам смертной казни только один голос был подан против—голос Николая Семеновича Мордвинова.

Декабрьские события сильно повлияли на убеждения Мордвинова: он и в политических вопросах стал сторонником status quo, но ни реабилитация в процессе декабристов, ни этот уклон в сторону консерватизма уже не помогли ему: Мордвинов, до конца дней своих, оставался в тени.

В равной мере, конечно, не имел ничего общего с заговорщиками и старик Н. Н. Раевский, которого имя также упоминалось декабристами. Несмотря на эти упоминания и на великое множество членов его семьи, замешанных в заговоре, даже тень подозрения не коснулась его, настолько, должно быть, хорошо был известен духовный облик этого старого, боевого генерала, героя 12-го года, ничего не знавшего, кроме своего военного долга.

Из прочих заподозренных правительством и упомянутых декабристами лиц сенатор Арк. Ал. Столыпин, зять Мордвинова и друг Сперанского, на содействие которого декабристы весьма рассчитывали, умер как раз в 1825 г. Сенатор Баранов, как выше упоминалось, был реабилитирован.

Ив. Матв. Муравьев-Апостол, высокообразованный человек, бывший дипломат, сенатор, талантливый литератор и переводчик, был заподозрен в сочувствии декабристам уже по одному тому, вероятно, что все три сына его оказались в первых рядах заговорщиков.

---

[1]) Архив графов Мордвиновых. СПБ, 1903 г., т. VIII, стр. 697—698.

Нет сомнения, что фактической связи между ним и заговорщиками не существовало, но что он, а вслед за ним и жена его, писательница А. С. Черноевич, имели крупнейшее влияние на своих сыновей, в смысле формирования их идей, не подлежит никакому сомнению. Вот пример: Матвей и Сергей Муравьевы, воспитывались в детстве в Париже. В 1809 году они, вместе с матерью, возвращались на родину. Приближение к русской границе преисполнило их счастьем. «Я очень рада», — сказала им мать,—«что долгое пребывание за границей не охладило ваших чувств к родине; но готовьтесь, дети, я вам должна сообщить ужасную весть: вы найдете то, чего не знаете: в России вы найдете рабов» [1]).

Впрочем, классик-гуманист и эпикуреец по природе, Ив. М. Муравьев-Апостол едва ли имел какие-либо определенные политические взгляды. Он попросту был гуманным и образованным, передовым человеком, и это, а также участие его сыновей в обществе, повидимому, и дало декабристам основания рассчитывать на его сочувствие. Возбужденные против него подозрения не имели никаких практических последствий.

Возникает и еще интересный вопрос: как относились к декабрьскому движению бывшие члены знаменитого негласного комитета, некогда юные друзья юного же императора Александра I, гр. Виктор Кочубей, Н. Н. Новосильцев, кн. Адам Чарторижский и гр. Павел Строганов. Материалы наши, в данном отношении, чрезвычайно скудны. Судьбы тех пошли различными путями: Строганова давно уже не было в живых; он умер в 1817 г., а между тем, он был наиболее прогрессивно настроенным из всех членов комитета. В ранней молодости, будучи в Париже, в эпоху Великой Французской Революции, он даже примкнул к клубу якобинцев.

Кн. Адам Чарторижский с 1814 года был занят разработкой и проведением в жизнь проекта образования Царства Польского. С 1825 года он ушел с арены политической жизни, и только в 1830 году, когда вспыхнуло польское восстание, мы находим его на посту президента

---

[1]) Вяч. Якушкин. М. И. Муравьев-Апостол. «Русск. Стар:», 1883 г., т. I, стр. 154.

временного правительства. Таким образом, в эпоху декабрьского движения Чарторижский был далек от России и русских дел. Декабрьская буря прошла мимо него.

Н. Н. Новосильцев также, в эту пору, был связан с Варшавой, занимая высокие посты в Царстве Польском.

Иначе сложилась судьба графа Виктора Павловича Кочубея. Годы бурливой молодости давно уже миновали. В 1825 году Кочубею было 59 лет. По 1825 год он был министром внутренних дел. Это трезвый государственный деятель. Об его отношениях к декабристам Д. И. Завалишин рассказывает следующее: «Декабрист Краснокутский [1]), чрез которого узнавалось многое и притом из самого надежного источника, был в близких отношениях, кажется даже в родстве, с Кочубеем... Впрочем, сообщения Кочубея Краснокутскому были не совсем бескорыстны. Если он и сообщал ему многое, то взамен и сам хотел знать кое-что от него, по крайней мере, в важных случаях. Кочубей знал о существовании тайных обществ, но не очень пугался этого, так как в своей молодости сам прошел период революционного брожения... Кочубей потому заботился только о том, чтоб знать ближайшие намерения и действия общества, когда это знание могло быть прямо применено к какому-нибудь практическому случаю» [2]).

На ряду со Сперанским и Мордвиновым, особо щекотливым оказалось положение Павла Дмитриевича Киселева, любимца императора Александра I.

По своему положению начальника штаба Южной армии, Киселев оказался в самом центре, в самой гуще заговора. Тульчин—штаб-квартира Южной армии—был буквально наводнен заговорщиками. Киселев, как человек большого ума, окружил себя как раз именно этими вождями тайного общества, со многими из которых, в частности, с Пестелем, сохранил наилучшие отноше-

---

[1]) Семен Григорьевич Краснокутский, бывший командир Олонецкого пех. полка, впоследствии действ. ст. советник и обер-прокурор Правительствующего Сената. Отнесен к VIII разряду. Умер в Сибири в 1840 г.

[2]) Завалишин. Стр. 212—213.

ния до самого взрыва. И, естественно, что, после восстания, возник вопрос о соучастии Киселева в тайных обществах. Якушкин категорически заявляет: «Никакого нет сомнения, что Киселев знал о существовании тайного общества и смотрел на это сквозь пальцы» [1]).

Сам же Кисилев писал: «С прибытия моего к месту, мною занимаемому по 1825 год, я не имел ни малейшего повода заключить, чтобы в России существовали тайные общества и чтобы отрасль оных гнездилась в Тульчине» [2]).

Какому же из этих двух, диаметрально противоположных, заявлений верить? За ответом обратимся к фактам.

Будущий деятель великих реформ, Киселев, обладая природным умом, уже и в 20-х годах умел критически относиться к действиям правительства. К нему стекались всякие жалобы и указания на те или иные недостатки. Генерал Сабанеев жалуется Киселеву на то, что в армии все сводится исключительно к тому, чтобы должным образом предстать на смотру. «Один учебный шаг и переправка аммуниции задушили всех, от начальника до последнего нижнего чина» [3]). В тон ему, жалуется тому же Киселеву ген. Закревский: «Полагаю, что гвардия с сего времени будет во всех отношениях увядать, кроме ног, на кои особенное внимание обращают» [4]).

Подобных выдержек можно привести множество. Они указывают на критическое отношение к военным мероприятиям самого адресата. Киселев принадлежал, наряду с А. П. Ермоловым, Мордвиновым, Кочубеем и др., к представителям умеренного либерализма. Этим он должно быть еще до своего появления в Тульчине привлек симпатии заговорщиков. Симпатии эти еще укрепились, благодаря поведению Киселева. «Всех их»,—вспоминает Якушкин,—«он принимал у себя очень ласково

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 43.

[2]) А. П. Заблоцкий-Десятовский. Гр. П. Д. Киселев и его время, СПБ: 1881, т. IV, стр. 38.

[3]) Семевский. Полит. и общ. идеи дек., стр. 118.

[4]) Ibid.

и, кроме, как по службе, никогда не был с ними начальником» [1]). Особенно близок был Киселев с Мих. Орловым, Бурцевым, Басаргиным и Пестелем, которому в письмах неоднократно поет хвалебные гимны [2]).

Басаргин рассказывает, что в беседах заговорщиков «нередко участвовал генерал Киселев... который... говорил всегда дельно, откровенно, соглашался в том, что многое надо бы изменить в России, и с удовольствием слушал здравые, но нередко, резкие суждения Пестеля» [3]).

Фонвизин и Якушкин вспоминают, что Киселев слушал «Русскую Правду» Пестеля.

В ту пору «классического доносительства», по выражению А. Н. Пыпина, подобное поведение начальника штаба не могло оставаться тайной, и уже в начале 20-х годов Александр подозревал своего любимца в соучастии в тайных обществах.

Но, конечно, Киселев в тайном обществе не участвовал. Однако, уже высказанное заставляет предполагать, что о существовании оного он знал, и, действительно, смотрел на это сквозь пальцы. Два факта подтверждают нашу догадку: в 1824 или 25 г. Киселев, при встрече с кн. Волконским, сказал ему: «Послушай, друг Сергей, у тебя и у многих твоих тесных друзей бродит в уме бог весть что, ведь это поведет вас в Сибирь... уклонись от всех этих пустяшных бредней, которых столица в Каменке» [4]).

Таким образом, мы видим, что Киселев не только знал о существовании в южной армии заговора, но что ему даже был известен центр его.

Но еще много ранее произошел следующий инцидент: 5 февраля 1822 г. был арестован член Союза Благоденствия В. Ф. Раевский. В бумагах его, при обыске, был

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 42.

[2]) Об отношениях Киселева к Пестелю, см. у Семевского, стр. 544, Заблоцкого-Дес., стр. 89—91 и у Пыпина, стр. 442.

[3]) Записки Н. В. Басаргина. СПБ. 1917, стр. 11.

[4]) Имение декабриста Давыдова В. Л., где, действительно, часто собирались заговорщики. Записки С. Г. Волконского. СПБ. 1901, стр. 425.

найден список всех заговорщиков [1]). «Генерал Сабанеев»,—рассказывает Якушкин,—«отправил, при донесении, найденный у Раевского «список» Киселеву. Заговорщики ожидали очень дурных для себя последствий по этому делу. Киселев призвал к себе Бурцева, который был у него старшим адъютантом, подал ему бумагу и приказал тотчас же по ней исполнить. Пришедши домой, Бурцев очень был удивлен, нашедши между листами данной ему бумаги список тульчинских членов, писанный Раевским и присланный Сабанеевым отдельно; Бурцев сжег список, и тем кончилось дело» [2]).

Таким образом, Киселев не только дал возможность уничтожить список, но и поставил в известность заговорщиков о грозящей им опасности. За это он смело мог быть отнесен к той категории декабристов, про которых было сказано: «Знали о существовании тайного общества и не донесли». Киселев не только знал, но и способствовал заговорщикам уничтожить следы.

Наконец, уже после доноса Майбороды, после ареста Пестеля, Юшневского, Барятинского, Павла Аврамова и друг., Киселев призвал к себе Басаргина и сказал ему: «Вы принадлежите к тайному обществу... Правительству все известно, и советую вам чистосердечно во всем признаться». Разговор продолжался в официальном духе; в заключение же Киселев неожиданно говорит Басаргину: «Приходи же обедать к нам, либерал, мы с тобой давно не видались» [3]).

Итак, материала для подозрения было достаточно. Сохранилось великое множество писем Киселева к государю, к гр. Витгенштейну, И. И. Дибичу и др., по поводу 14-го декабря. Он всячески старался реабилитировать себя: то доказывает, что он понятия не имел о существовании тайных обществ, то говорит, что все подозрительные лица были у него под бдительным надзором [4]). Однако же, о нем произведено было секретнейшее след-

---

[1]) П. Е. Щеголев. Первый декабрист Влад. Раевский. СПБ. 1906, стр: 36.

[2]) Записки Якушкина, стр. 43.

[3]) Записки Басаргина, стр. 38—39.

[4]) См. у Заблоцкого-Десятовского, т. IV, прилож. к главе X.

ствие, не давшее результатов [1]). Одновременно, в феврале 1826 года, на него был подан донос, так же, впрочем, оставшийся без последствий. Но можно, без большого риска ошибиться, предположить, что Киселев в общем сочувствовал заговорщикам. Коль скоро мы доподлинно знаем, что ему было известно существование заговора, известны его участники, все поведение его, о котором речь была выше, свидетельствует об этом скрытом сочувствии. Может быть, и он в душе готов был, подобно Сперанскому, в случае успеха, принять сторону заговорщиков, но декабристы понесли поражение и, во имя своего будущего, Киселев не жалеет порицаний для своих недавних друзей.

Через много лет, когда кучка уцелевших изгнанников возвратилась в Россию, Киселев был призван к осуществлению тех идей, за которые они так жестоко поплатились.

Подозрение пало еще и на ген. А. П. Ермолова, потому только, что он намечался заговорщиками, наряду со Сперанским и Мордвиновым, в члены временного правления. По словам Каховского, Рылеев даже называл Ермолова членом тайного общества [2]), но можно с достоверностью сказать, что Ермолов не имел ничего общего с декабристами. Будучи оппозиционно и либерально настроен, он, однако, прежде всего, был солдатом, исполнявшим присягу. И когда его уговаривали стать масоном, он отвечал: «Я рассуждаю, как простой человек, что общество, имеющее цель полезную, не имеет необходимости быть тайным» [3]). Отсюда легко заключить, что Ермолов менее всего способен был быть политическим, общественным деятелем. Иначе он бы знал, что далеко не во все времена «полезная цель» терпит огласку.

Подозрения против Ермолова, вызванные многократными упоминаниями его имени заговорщиками, не имели последствий. И сам он, — по крайней мере, внешне, — остался совершенно глух к событиям 14-го декабря.

---

[1]) «Русск. Стар.», 1881, т. XXX, стр. 187—190.
[2]) Семевский, стр. 492.
[3]) «Сборник Имп. Историческ. Общества», т. 73, стр. 325.

Многие тогдашние учебные заведения оказались «на подозрении». Из них следует особо остановиться на Лицее и на иезуитских пансионах, которых множество тогда было в России. Гроза 14-го декабря не коснулась университета; университет оказался вне событий; но и он, конечно, должен был откликнуться на происходящие события. После разгрома учебных заведений, произведенного не так давно Руничем, Магницким и пр., легко догадаться, что университет 20-х годов был более чем лойялен. 11 февраля 1826 г. все студенты были собраны в университетской аудиенц-зале, где ректор А. А. Дегуров обратился к ним с речью, в которой призывал их быть верноподданными монарха, ссылаясь на пример 14-го декабря [1]).

В несколько ином положении оказались иезуитские пансионы и Лицей. Первые о ту пору были в большой моде в России, и представители высшей знати охотно отдавали туда своих сыновей. И вот случилось так, что целый ряд декабристов, в том числе столь видные, как кн. Барятинский, кн. Волконский, О. В. Поджио, И. И. Горбачевский вышли из среды воспитанников иезуитских пансионов [2]). Иезуиты, повидимому, не на шутку перепугались: дело было доходное, а они знали, что русское правительство шутить не любит. И вот, в заграничной печати появляется статья, в которой, вопреки очевидности, автор утверждал, будто среди декабристов не было питомцев иезуитских школ, а что большинство мятежников—воспитанники Лицея [3]).

Таким образом, затрагивались интересы Лицея, и без того уже бывшего на подозрении. Лицей тоже имел в рядах виднейших декабристов двоих своих питомцев—И. И. Пущина и В. К. Кюхельбекера. Было и еще несколько бывших лицеистов, замешанных в заговоре [4]).

---

[1]) А. В. Никитенко. Записки и дневник. СПБ. 1905, т. I, стр. 142.

[2]) Богданович, т. VI, стр. 162 и дальше.

[3]) Hamburgischer Unpartheiischer Correspondent, № 50, от 18/III 1826.

[4]) В. Д. Вольховский, А. А. Корнилов (оба Пушкинского выпуска), А. Малиновский, Н. Н. Молчанов, С. Н. Жеребцов и А. Ф. Нуммерс, Влад. Дмит. Вольховский I курса, оконч. с

Помимо того, Лицей вообще считался,—и не без оснований, — либеральным учебным заведением. Иезуиты относились враждебно к Лицею, как к своему конкуренту [1]).

Теперь же они решили спасти свою репутацию, погубив Лицей и убив таким путем сразу двух зайцев. Но уже и без того в Петербурге циркулировали слухи, будто большинство декабристов вышло из Лицея [2]).

Директор Лицея, Е. А. Энгельгардт, спешил написать опровергающую статью, которую русские газеты, по его словам, отказались напечатать. Он поместил ее в двух остзейских и в некоторых иностранных газетах, написал письмо в Рижский «Ostsee Provinzen Blatt» [3]); наконец, написал письмо самому Бенкендорфу, в котором старался «разрушить ошибочное, позорное обвинение», возведенное на Лицей, ссылаясь на «множество неповинных и достойных» воспитанников. Письмо это, как и следовало ожидать, осталось без последствий [4]).

Должно напомнить, что тот же Энгельгардт сохранил и после 14-го декабря самые лучшие, дружеские отношения с Кюхельбекером и Пущиным, навлекшими на Лицей это «позорное обвинение» [5]). Вообще же, если вспомнить, что среди лицейских наставников были такие люди, как Галич, Куницын, определенный единомышлен-

---

зол. мед., умер в 1841 году, А. А. Корнилов I курса (1801—1856), впоследствии тайн. советн., сенатор, А. В. Малиновский, III курса, оконч. с больш. золот. мед., умер 1851 г. в отставке, П. Н. Молчанов, II курса, впосл. чиновник, С. Н. Жеребцов, III курса, впосл. почетн. мир судья, умер в чине полковн. в отставке, в 1881 году. А. Ф. Нуммерс был воспитан. Лицейск. Благородн. Панс. Если напомним, что Кюхельбекер был награжден сер. мед., то окажется, что трое из восьми воспитанников, как писал в своем оправдании Е. А. Энгельгардт, возведших на Лицей «позорное обвинение» (см. ниже), были награждены медалями.

[1]) Кн. Голицын. Благородный пансион Имп. Ц.-С. Лицея, стр. 122 и далее.

[2]) Н. И. Греч. Зап. о моей жизни. СПБ. 1886, стр. 368.

[3]) № 73, от 14/IV 1826.

[4]) Кобеко. Имп. Ц.-С. Лицей. СПБ. 1914, стр. 248—249.

[5]) См. Грот, стр. 181, а также «Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири». Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха, М. 1925 (письма И. И. Пущина к Е. А. Энгельгардту).

ник декабристов, надо полагать, что, в душе, руководители Лицея считали это обвинение отнюдь не столь «позорным». И, несмотря на все эти оправдания Энгельгардта, вскоре после того, во второй половине 1826 года, Булгариным была написана для представления Николаю I известная записка, носившая заглавие: «Нечто о Царскосельском Лицее и о духе оного», в которой Лицей снова изображался рассадником либерализма и прочих «вредных идей» [1]).

Было, наконец, и еще крупное учебное заведение, которому не чужды были идеи декабристов. Это Корпус (или школа) Колонновожатых. Во главе ее стоял ее организатор, Н. Н. Муравьев, человек по тому времени либеральный. Из ста двадцати декабристов, преданных Верховному Уголовному Суду, одиннадцать оказалось колонновожатыми [2]). Повидимому, это было не совсем случайно, ибо среди преподавателей корпуса мы встречаем имена членов тайных обществ П. И. Колошина [3]), Н. В. Басаргина, Н. А. Крюкова, В. П. Зубкова. Наконец, помощником Муравьева был его сын, Михаил Николаевич, тогда ревностный и активнейший член Союза Спасения.

Большинство же декабристов воспитывалось либо дома, либо в разных корпусах [1]).

---

[1]) См. Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. СПБ. 1922, стр. 20. Также у Кобеко, стр. 250 и дальше.

[2]) И. Аврамов, Басаргин, Н. Бобрищев-Пушкин, П. Бобрищев-Пушкин, Загорецкий, Заикин, Н. Крюков, Лихарев, Муханов, бар. Черкасов и гр. Чернышев, а также погибший в бою под Белою Церковью Ип. Муравьев-Апостол.

[3]) Колошин как раз тогда был деятельнейшим членом Союза Благоденствия.

[4]) Из наиболее выдающихся декабристов большинство воспитывалось за границей, или под руководством иностранных профессоров и преподавателей. Пестель воспитывался сперва в Дрездене, М. И. и С. И. Муравьевы-Апостолы в Париже, в Collége de m-r Hix, Барятинский у иезуитов, Бестужев-Рюмин и Лунин воспитывались дома, имея по преимуществу иностранных преподавателей, равно как и кн. Трубецкой, Тургенев в Геттингенском университете. Кн. Оболенский воспитывался дома, под руководством французских гувернеров, числом от 16 до 18-ти чел. Давыдов—дома, под руководством аббата.

После неудачного восстания в городе появилось много забавных эпиграмм и анекдотов касательно декабристов, клонившихся к умалению их значения. Рассказывали о сумасшедших выходках В. Кюхельбекера, о том, как Якубович разъезжал, после подавления восстания, в карете, заключавшей в себе целый арсенал всевозможного оружия, говоря, что «в подобных обстоятельствах это не лишнее» [1]). Говорили, что «некоторые из солдат, стоявшие около Сената, захватили в свой кружок какого-то старого немца-сапожника, зевавшего на них поблизости из любопытства». Они его заставили ружейными прикладами вместе с ними провозглашать конституцию. Бедный немец надседался до хрипоты, но, наконец, выбившись из сил, сказал им:

Под руководством же иностранцев воспитывались Панов, кн. Одоевский, А. М. Муравьев, Спиридов, Повало-Швейковский, кн. Шаховской, Якубович, Анненков. В Петербургском университете учился Якушкин, в Моск. университете учился, но не кончил курса, Юшневский.

Кадеты едва не приняли участия в мятеже.

«Я проходил фас своего каре, обращенный к Неве»,—рассказывает Мих. Бестужев,—«и вижу приближающихся кадет Морского и I Кадетского корпусов. «Мы присланы депутатами от наших корпусов, для того, чтобы испросить позволения притти на площадь и сражаться в рядах ваших»,—говорил, запыхавшись, один из них. Я невольно улыбнулся и, на мгновение мысль дать им разрешение—промелькнула в уме. Присутствие этих юных птенцов на площади, стоящих рядом с усатыми гренадерами, поистине, оригинально окрасило бы наше восстание. Участие детей в бунте—единственный, небывалый факт в летописях истории. Но я удержался от искушения при мысли—подвергать опасности жизнь и будущность этих ребят-героев.

«— Благодарите своих товарищей за благородное намерение и поберегите себя для будущих подвигов,—ответил я им серьезно и они удалились.

«При первом посещении государем этих двух корпусов, кадеты I корпуса на его приветствие: «Здорово, дети», отвечали глубоким молчанием, а моряки поставили в корридоре, через который он проходил, миниатюрную виселицу с пятью повешенными мышами».

«Воспоминания братьев Бестужевых». Редакция П. Е. Щеголева. П. 1917, стр. 113—114.

[1]) «Русск. Ст.», 1880, т. XXV, стр. 611.

— Господа солдаты, ради бога, отпустите меня, возьмите *свежего* немца, у меня больше голоса нет, я совсем не могу провозглашать русскую конституцию [1]).

Упорно повторяли известный анекдот, будто солдаты, на Сенатской площади, кричали: «Да здравствует Константин и жена его Конституция», в полной уверенности, что конституция есть женский род от Константина. Возмущенный этой насмешкой, Каховский писал из крепости: «Это забавная выдумка. Мы заменили бы слово «конституция» законом и имели слово, потрясающее сердца равно всех сословий в народе: свобода!» [2]).

Известный тогда остряк, бывш. московский генерал-губернатор, гр. Ростопчин, остривший даже тогда, когда ему приходилось срочно эвакуировать Москву, щеголял эпиграммой:

В Париже сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, понятное дело.
У нас революцию сделала знать.
В сапожники, что-ль, захотела?..

Все эти остроты и насмешки, в виду не просохшей на Сенатской площади крови, пред лицом мучеников, ожидающих виселицы, носили зловещий характер. Но они скользили по верхам. Народ отнесся иначе к декабристам.

В ту пору Россия еще не знала рабочего класса, не имела пролетариата. Едва ли не в этом кроется причина того, что декабристы потерпели неудачу, не встретив активного сочувствия в широких массах. Крестьяне же, мещане, разночинцы неспособны были, естественно, осознать стремления декабристов. Но и они уже смутно сознавали, что декабристы встали на их защиту. Это сказалось, прежде всего, 14-го декабря, когда так называемая «чернь», окружавшая мятежников, приняла их сторону. Еще ярче это сказалось во время восстания южного общества, когда, по пути следования инсургентов, жи-

---

[1]) «Русск. Ст.», 1875, т. XXII, 738.
[2]) Бороздин, стр. 16—17.

тели всюду встречали их необычайно радушно, охотно предоставляя им все требуемое [1]). «Да поможет тебе бог, добрый наш полковник, избавитель наш»,—восклицали крестьяне, встречая Сергея Муравьева. И, наконец, уже на пути своем в Сибирь, декабристы встречали тоже исключительно теплое и отзывчивое отношение повсюду, где только проезжали, о чем все они вспоминают в своих мемуарах [2]).

Иначе отнеслось к декабристам духовенство. По обыкновению, оно сыграло жалкую и некрасивую роль. Впервые духовенство вошло в соприкосновение с декабристами в самый день восстания, в лице самого митрополита Серафима. Покорный царский слуга, Серафим, в сопровождении киевского митрополита и нескольких священников, по приказанию Николая, подъехал в извозчичьих санях к мятежному каре и, с животворящим крестом в руках, умолял их, во имя христианской любви, возвратиться в казармы, где их, во имя той же христианской любви... наказали бы, должно быть, шпицрутенами. Но Серафим, конечно, лицемерно обещал именем государя совершенное прощение. Восставшие остались глухи и отвечали: «Поди, батюшка, домой, помолись за нас всех,—здесь тебе нечего делать» [3]). И трясущийся от страха старичок сел в сани и поспешил обратно.

Далее, представители высшего духовенства оказались среди членов Верх. Угол. Суда. Приводим здесь заключение, сделанное ими на протоколе суда, по которому 5 человек приговаривались к четвертованию и 31 человек—к отсечению головы. Это заключение, лицемерное и гнусное, едва ли нуждается в комментариях. «Слушав в Верховном Уголовном Суде следствие о государственных преступниках: Пестеле, Рылееве и других сообщниках, умышлявших на цареубийство и введение в России

---

[1]) См. Белая Церковь, там же, и Записки дек. И. И. Горбачевского, М. 1916.

[2]) См., напр., «Записки» Д. И. Завалишина и у Максимова «Сибирь и каторга».

[3]) Розен, стр. 68.

республиканского правления, и видя собственное их во всем признание и совершенное обличение, согласуемся, что сии государственные преступники достойны жесточайшей казни, а, следовательно, какая будет сентенция, от оной не отрицаемся; но поелику мы духовного чина, то к подписанию сентенции приступать не можем» [1]).

---

[1]) Декабристы. Тайные общества в России, Изд. Саблина. М. 1906 г., стр. 75.

ГЛАВА III.

Декабристы и современные литераторы.

Двадцатые годы в русской литературе знаменуют со
бой умирание классицизма. Сентиментализм, имевши
тогда крупных адептов в лице Карамзина и отчасти Ба
тюшкова, не прививался. Все молодое, бурливое, талант
ливое, вместе с Пушкиным, оторвавшимся от клас
сицизма, примкнуло к романтизму, уже расцветшем
на Западе и только еще пускавшему ростки в России.
Старики—Карамзин, Шишков, Дмитриев, уже завершав
шие свой творческий путь, оказались безнадежно вы
тесненными из круга литературной жизни. Смерть кара
улила их, и дыхание новой жизни пугало их уже одно
своей новизной.

Легко представить себе впечатление, произведенно
на них 14-м декабря, этим неожиданным громом пушек
нарушившим тишину их умирания. Они даже, в боль
шинстве, не откликнулись на происшедшие события, но
и без того ясно, что должен был переживать Карамзин
например, журивший жестоко Пушкина за самые невин
ные остроты на счет правительства. Жалко, что его
«История Государства Российского» не доведена до ме
ждуцарствия 1825 г. Карамзин писал после восстания:
«Вот нелепая трагедия наших безумных либералистов.
Дай бог, чтобы истинных злодеев нашлось между ними
не так много. Солдаты были только жертвою обмана».
«Провидение омрачило умы людей буйных, и они в по
рыве своего безумия решились на предприятие столь же
пагубное, сколь и несбыточное—отдать государство *вла-*

сти неизвестной, свергнув власть законную» [1]). В Карамзине чувствуется глухой испуг. «Бог спас нас 14-го декабря от великой беды. Это стоило нашествия французов» [2]). 14-е декабря было для него роковым днем: на площади он схватил простуду, оказавшуюся для него смертельной и, вскоре после воцарения Николая, сошел в могилу.

Но те, кто оставался жить, не могли молчать. Не мог молчать, в первую голову, Жуковский.

Через два дня после восстания, 16 декабря, Жуковский пишет письмо А. И. Тургеневу. Письмо это мало кому известно.

Конечно, Жуковский ничего не знает о декабристах, об их стремлениях, и рубит с плеча: «Какая сволочь!.. Вот имена этого сброда. Главные и умнейшие—Якубович и Оболенский; все прочие—мелкая дрянь: Бестужевы 4, Одоевский, Панов, два Кюхельбекера, Граве, Глебов, Горский, Рылеев, Корнилович, Сомов, Булатов» [3]). Уже по одному этому видно, что Жуковский ничего не понял в деле декабристов, если Якубовича ставит во главу угла, в числе заговорщиков называет Граве, Горского, Сомова. Да и эпитеты: сволочь! мелкая дрянь! Можно осуждать декабристов, но какие имена относит он к «сволочи»: писатели Одоевский, А. Бестужев, Рылеев, Корнилович, В. Кюхельбекер, Ник. Бестужев—это все, как общеизвестно, выдающиеся люди. Не мог не знать этого, конечно, и Жуковский, постоянно с ними сталкиваясь. Но, послушаем, что он говорит дальше: «Чего хотела эта шайка разбойников?.. Тут видно удивительно бесцельное зверство. И какой дух низкий, разбойничий! Какими бандитами они действовали! Даже не видно и фанатизма, а просто зверская жажда крови, безо всякой даже химерической цели» [4]).

Что мог знать Жуковский о целях декабристов на второй день, когда только еще снимались первые допросы?

---

[1]) М. П. Погодин. «Карамзин». М. 1866, 11, 467—468.

[2]) Письмо Н. М. Карамзина к П. А. Вяземскому от 31 декабря 1825 г. «Старина и Новизна». Спб. 1897, кн. I, стр. 169.

[3]) Сочинения Жуковского, Пгр., 1918, т. III, стр. 528.

[4]) Ibid, стр. 528.

Обвинять же декабристов в кровожадности—это значил слепо принимать официальную ложь.

Жуковский, повидимому, и верил или старался ве рить этим правительственным сообщениям. Тогда же 29-го декабря, он пишет Е. А. Протасовой: «У нас теперь все спокойно, но мы видели день ужасный, о котором вспомнить без содрогания невозможно. Мне некогда спи сывать вам того, что случилось, но вы, верно, читали все подробности, они все справедливы»[1]). Жуковский не ограничивается личными выпадами и бранью. Он и про сто клевещет: половина солдат была пьяная! Он обви няет декабристов в трусости на том основании, что «ни один из них не ранен», забывая, что у большинства— шинели и шубы были во многих местах пробиты пу лями.

О Николае Жуковский упоминает в письме к Е. А. Протасовой. «Это—день Промысла, он показал России, что на троне ее государь с сильным духом. Теперь буду щее исполнено надежды. Он действует прекрасно и не утомим в деятельности»[2]).

Надо признать, что Жуковский поторопился со своим письмом, ибо ясно, что 16-го декабря он ничего не мог подлинно знать о декабристах.

Но он не всегда так непримирим в отношении к де кабристам: в их рядах оказывается его личный друг— Николай Тургенев, и Жуковский встает на его защиту. Тургенев, активнейший член Союза Благоденствия, в 1824 году уехал заграницу и, будучи вызываем на суд не явился.

Он был обвинен заочно; в 1827 году Жуковский вы ступил на защиту. Адвокатом он оказался неудачным[3]). Жуковский признает, что Тургенев был влиятельнейшим членом Союза Благоденствия, но доказывает, что сокро венные цели Союза ему были неизвестны. Возможно ли это, коль скоро мы знаем, что Тургенев постоянно при-

---

[1]) Уткинский сборник, I. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. Под ред. А. Е. Грузинского. М. 1904, стр. 42.

[2]) Ibid.

[3]) Соч. Жуковского, т. III, стр. 158 и дальше.

сутствовал на собраниях Коренной Думы, верховного органа Союза?—Конечно, это явный абсурд. Но Жуковский сам делает отчаянный промах. Отвергая факт принятия Тургеневым в члены Союза Я. Н. Толстого, Жуковский неоднократно ссылается на отрицание самого Толстого: «Толстой сам объявляет, что никогда Тургеневым принят не был». Это заявление Толстого произошло при следующих обстоятельствах: Толстой также находился за границей. А. И. Тургенев, в хлопотах своих за брата Николая, в 1827 году запросил Толстого письменно: «Были ли вы когда-нибудь приняты братом моим в члены какого бы то ни было тайного общества», на что Толстой с полной готовностью спешил ответить, что «никогда братом вашим Николаем Ивановичем в члены никакого тайного общества принят не был» [1]).

Вот на этом, должно быть, и обосновал Жуковский свое утверждение. Но за год до того, в письме к государю, Толстой писал нечто совершенно иное. Рассказывая о тайном обществе в доме офицера Измайловского полка Миклашевского, Толстой пишет: «Будучи приглашен к нему на квартиру, я нашел там с. с. Николая Тургенева, полковника фон-Бриггена, кн. Оболенского и т. с. Семенова. Увлечен будучи убеждением и красноречием первого (т.-е. Тургенева. *С. Г.)*, я вступил в их общество, цель коего была—постановление конституции» [2]).

Таким образом, оружие, избранное Жуковским, обращалось против его подзащитного. Столь же неудачны и прочие аргументы Жуковского. Но нам нет нужды разбираться в них. Достаточно только отметить, что тот же Жуковский, столь жестоко ополчившийся на декабристов, встал на защиту явно виновного лица, когда это оказался человек, связанный с ним личной дружбой [3]).

Впоследствии, сопровождая в 1837 году наследника-цесаревича в его путешествии по Сибири, Жуковский

---

[1]) П. Е. Щеголев. Пушкин. Изд. 2-ое, стр. 29—30.

[2]) Ibid., стр. 26.

[3]) Подробно об отношениях Жуковского к декабристам и хлопотах за Н. И. Тургенева. см. В. А. Жуковский—Письма к А. И. Тургеневу. М. 1895; Н. Ф. Дубровин—В. А. Жуковский и его отношения к декабристам. «Р. Ст.», т. I.

будет хлопотать за встречных поселенцев-декабрист
В. Кюхельбекера, Нарышкина, Фохта и др. [1]).

Вскоре после письма к А. Тургеневу, цитированно
выше, Жуковский написал, повидимому, подобное я
письмо кн. П. А. Вяземскому, находившемуся тог
в Москве. Письмо Жуковского, к сожалению, нам н
известно, но ответ Вяземского достаточно красноречи
для обоих корреспондентов. Очевидно, Жуковский выр
жал надежду, что события 14-го декабря отразятся в
политических взглядах Вяземского, на что Вяземски
отвечает: «Почему последние происшествия могли б
переменить мой образ мыслей?.. Истины или того, ч
каждый почитает истиною, не собьют побочные стеч
ния, случайные применения, частные противоречия.
Чему же дивишься ты, что я, несмотря на безрассудны
покушения многих и даже на преступные некоторых, н
отстал от мнений, в коих, по мне, была, есть и будет веч
ная истина» [2]).

Оставаясь сторонником идей декабристов, Вяземски
повидимому, на основании все тех же «правительстве
ных сообщений» осуждает самих декабристов. Однако же
он находит и оправдание действиям заговорщиков в то
кошмарном положении, в котором находилось о ту пор
русское общество, в тех ужасных тисках, в которых он
было заключено, что неизбежно должно было привест
к взрыву. Эта мысль для нас уже не нова. Вспомним
что то же самое подслушал анонимный осведомител
Фока. Ту же мысль в 1829 году повторил декабрис
П. С. Бобрищев-Пушкин, в своей басне «Брага»: крестья
нин, наварив к празднику браги, плотно закупори
бочку, не оставив никаких отдушин. В результат
брага так забродила, что разорвала бочку и потекл
по погребу. Крестьянин на праздник остался без уго
щения.

---

[1]) Е. И. Тарасов. Декабрист Николай Иванович Тургене
Самара. 1918; Б. Л. Модзалевский. Жуковский и братья Тур
геневы. В сб. «Декабристы».

[2]) Остафьевский. Архив кн. Вяземских, под редакцией В. И
Саитова, т. V, вып. 2. СПБ. 1913, с 158.

А некого бранить
На праздники без угощенья
Остался он по милости своей.
А если бы крестьянин был умней,
И, сколько надобно, дал браге бы свободы,—
И сам бы с брагой был для праздничных он дней,
И бочки разорвать не довелось бы ей.
Свое всегда возьмет закон природы [1]).

Таким образом, Вяземский не только оказывается в рядах сторонников руководящих идей декабристов, но приходит и к оправданию их действий. «Постигая причины возмущения»,—пишет он,—«я, *не оправдывая лиц*, оправдываю *действия*» [2]).

Здесь создается явное несоответствие в его оценке: ведь действие не есть нечто абстрактное, самостоятельное; действие немыслимо вне связи с человеком, его совершившим, и, коль скоро Вяземский пришел к оправданию действия, тем самым он должен был подписать оправдательный вердикт и самим «лицам», т.-е. декабристам. В этом его осуждении декабристов, без сомнения, сказалось впечатление от кровавого тона, в котором были написаны все сообщения. Однако, Вяземский и тут спешит оговориться: «Не имею... твердого убеждения»,—пишет он,—«в истине показаний, выводимых нам Левашевыми, Чернышевыми... Посадите Карамзина, Дмитриева, славных и непреложных приверженцев царского строя, но людей прямодушных и пряморассудочных, и тогда обвинения получат внутренний вес, которого они теперь не имеют. Я, например, решительно знаю, что Муравьев-Апостол не предавал грабежу и пожару г. Василькова, как то сказано в донесении Рота. Город и жители остались неприкосновенными. К чему же эта добровольная клевета?... Чего же ожидать, на какую достоверность надеяться, когда подобные примеры совершаются в глазах наших? И это известие не уличное, оно почерпнуто из официального источника... И... ты еще дивишься, что

---

[1]) «Декабристы. Материалы для характеристики». М. 1907, стр. 7—8.

[2]) Остафьевский. Архив, т. V, вып. 2, стр. 160.

я сострадаю жертвам и гнушаюсь даже помышлением быть соучастником их палачей!» [1])

Следовательно, в итоге Вяземский приходит к оправданию и самих заговорщиков.

Едва ли это не единственный случай, когда Вяземский в переписке решается быть откровенным. Вне сомнения, письмо это было отправлено с какой-либо оказией. Иначе Вяземский предпочитает молчать, как и Пушкин.

Литературную молодежь, так называемую «Пушкинскую плеяду», по их отношению к декабрьскому движению можно подразделить на три основные группы.

Первая группа составится из тех, кто в различное время были членами тайных обществ. Сюда войдут П. Я. Чаадаев, К. Ф. Рылеев, П. А. Катенин, кн. А. И. Одоевский, А. А. Бестужев-Марлинский, Ф. Н. Глинка, В. К. Кюхельбекер, А. О. Корнилович, П. П. Каверин, О. М. Сомов, кн А. И. Барятинский, П. С. Бобрищев-Пушкин и др.

Вторая группа — это те, кто, не принадлежа ни к каким тайным обществам, в разной мере сочувствовали идеям декабристов, как Н. М. Языков, А. П. Илличевский, Б. В. Энгельгардт, В. Г. Тепляков, А. Г. Родзянко.

И, наконец, в-третьих, большая часть литературной молодежи, во главе с Е. А. Боратынским и бар. А. А. Дельвигом, замкнувшаяся в круг исключительно литературных интересов и оставшаяся потому безразличной к политическим событиям.

Пушкин верил в то, что «поэзия должна быть самоцелью», что

> Служенье муз не терпит суеты,
> Прекрасное должно быть величаво.

В своем известном цикле стихов, посвященных поэту, он дал целостный образ певца, живущего особой, высшей жизнью.

---

[1]) Ibid, стр. 159. Ген. Рот писал в своем донесении: «... произведенное Муравьевым-Апостолом возмущение показало в другой части государства, что намерения заговорщиков повсюду одинаковы, что везде их средством—убийства, целью—безначалие, грабежи и кровопролития...» См. «Русск. Инв.», № 9, от 12-го января 1826 года.

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Но эта готовая формула мировоззрения так и осталась для него неприложимой к собственной, личной жизни. Боратынскому же и Дельвигу удалось, до некоторой степени, воплотить в жизнь идеал пушкинского поэта.

Жизнь Боратынского сложилась далеко не складно: за шалости исключенный из корпуса, он вынужден был долгие годы провести в тусклой Финляндии, рядовым. В течение всей молодости ему приходилось расплачиваться за «грехи» отроческих лет. Много было на этой почве мелких дрязг, неприятностей [1]), но Боратынский умел находить утешение в творчестве и оставался неизменно глух к общественным вопросам, коль скоро они не имели прямого касательства к литературе.

Барон Дельвиг также совершенно равнодушен к политической жизни. Он упоминает о декабристах в письме к Пушкину, поскольку дело касается их лицейского друга, Кюхельбекера. Упомянув вскользь о «негодных славянах», он спешит перейти к литературным вопросам [2]).

Но немногим из представителей литературной молодежи Александровской эпохи удавалось оставаться совершенно в стороне от политической жизни. Жажда общественной деятельности, обмена мнений, искания чего-то лучшего находили себе выход в возникновении сообществ трех типов: масонских лож, литературных кружков и тайных политических обществ. В начале XIX века все они получают огромное распространение; тайные общества различных толков, но все, хотя и в разной мере, проникнутые либеральным духом, насчитываются десятками. В 1822 г. правительство вынуждено было вступить с ними в открытую борьбу: всякого рода тайные сообщества строжайше запрещаются, а от всех офицеров и чиновников отбирается подписка, обязывающая никогда ни к каким тайным обществам не принадлежать. Но эти полумеры далеко не пресекли деятельности тайных об-

---

[1]) См. М. Л. Гофман. Е. А. Боратынский.
[2]) Переписка Пушкина, I, стр. 323—324.

ществ, а только загнали ее в подполье, тем самым, ко-
нечно, еще более углубив ее.

Из литературных кружков наиболее значительным
являются «Арзамас» и «Зеленая Лампа». Оба общества
носили полусерьезный характер. Среди членов первог
из них мы встречаем даже имя Жуковского, который бы
избран, как первый поэт. Наряду с Жуковским и Пушки
ным, в него входили Батюшков, Дашков, Блудов, Уваров
кн. Вяземский и мн. другие.

Не имея определенных целей, полушуточный, полу
серьезный «Арзамас» боролся с отмиравшими формам
литературы, с особым жаром высмеивая и пародиру
в своих собраниях пресловутую «Беседу любителей рус
ского слова», возглавлявшуюся столь же пресловуты
А. С. Шишковым. Пушкин попал в «Арзамас» еще в ли
цейском мундире.

Для нас гораздо интереснее кружок, носивший назва
ние «Зеленой Лампы».

Истолкование «Зеленой Лампы» имеет свою историк
В свое время, П. И. Бартенев и П. В. Анненков тракто
вали этот кружок, как оргиастическое общество [1]). Этом
мнению, казалось бы, противоречила уже наличност
в составе кружка будущих декабристов: кн. С. П. Трубец
кого, А. И. Якубовича, А. А. Токарева (ум. в 1821 году)
Ф. Н. Глинки, а также и таких людей, как, напр., бар
А. А. Дельвиг. Тем не менее, версия, пущенная Бар
теневым и Анненковым, долго держалась в пушкинско
литературе. Исследователи Пушкина либо примыкал
к ней (даже, в последнее время, В. В. Сиповский), либ
же (Незеленов, Венкстерн, Стоюнин), вообще обходил
вопрос об участии Пушкина в «Зеленой Лампе», межд
тем, как, вне сомнения, это одна из весьма важных стра
ниц в биографии Пушкина. Однако же П. А. Ефремов
П. О. Морозов, Б. Л. Модзалевский [2]) и А. Н. Веселовски
отвергли эту версию. В самое последнее время П. Е. Ще
голев, в своей статье «Зеленая Лампа» [3]), не только до
казал серьезность ее основ, но и пришел к справедли
кому убеждению в том, что она, без ведома для большин

---

[1]) См. об этом у П. Е. Щеголева, в статье «Зеленая Лампа»
[2]) Б. Л. Модзалевский. «Я. Н. Толстой». «Р. Ст.», 1899, XCIX
[3]) П. Е. Щеголев. Исторические этюды.

ства членов ее, являлась отраслью «Союза Благоденствия». Если большинство членов ее не знало этого, то неоспоримым остается тот факт, и это знали уже все члены, что «Зеленая Лампа» носила характер вольнодумный, либеральный, о чем свидетельствуют, хотя бы, стихи Пушкина, обращенные к Каверину, Мансурову, Энгельгардту, Всеволожскому и другим сочленам по «Зеленой Лампе».

Таким образом, даже не входя непосредственно в тайные политические общества, литературная молодежь, через посредство различных либеральствующих кружков, входила в близкое соприкосновение с идеями, итогом которых было 14 декабря. Другой точкой соприкосновения были масонские ложи, связанные с тайными обществами, и внешними формами, и некоторыми идеями, общим направлением, исканием чего-то лучшего и, наконец, множеством общих членов [1]).

Но огромные массы молодежи перебывали в разное время, особенно в начальной стадии их существования, членами различных тайных обществ. Многие из них оказались неизвестными правительству или оставлены без внимания, что делает почти невозможным установление факта их принадлежности к тайному обществу. Сами же, избежавшие кары, заговорщики, естественно, старались после разгрома декабристов ни словом, ни намеком не напомнить о своем прошлом. Между тем, многие из этих уцелевших играли в свое время крупную роль в тайных обществах.

Немыслимо перебрать всех этих представителей «пушкинской плеяды». Это был век нарождения русской интеллигенции, век ярко выраженных индивидуумов, с различными жизненными credo. Так или иначе, большинство из них веяния зарождавшейся общественности приводили в соприкосновение с политическим заговором.

Таких людей — талантливых, сильных, наделенных большой потенциальной энергией, жадно ищущих достойного поприща деятельности,—во множестве знает Александровская эпоха. К этому типу, только более завер-

---

[1]) Об этом подробно см. В. И. Семевский. «Декабристы-масоны». «Мин. Годы», 1908.

шенному, принадлежат: поэт Языков, Бестужев-Марлинский и Лунин, о которых речь впереди.

Весьма заметную роль в раннем периоде истории тайных обществ играл Павел Александрович Катенин (1792—1854). «В конце 1817 года»,—сообщал на допросе Пестель,—«большая часть членов наших находилась в Москве с гвардиею. Там преобразовали общество Сынов Отечества в Военное Общество и разделили членов на два отделения. В одном был первенствующим членом Никита Муравьев, а в другом—Катенин» [1]). Одновременно с Пестелем, Якушкин и Никита Муравьев также назвали Катенина в числе влиятельных заговорщиков [2]).

Коль скоро Катенин вместе с Никитою Муравьевым стоял некоторое время во главе тайного общества, значит, он был влиятельным его членом. Между тем, Катенин-заговорщик до последнего времени был нам совершенно не знаком. Даже биограф его, С. Бертенсон, слишком поспешно заключил, что «слухи, носившиеся в обществе, что Катенин будто бы принадлежал к одному из тайных обществ, не имели никакого серьезного основания» [3]).

Катенин был человек глубокий, самолюбивый, обладающий резким характером. В свое время он приобрел широкую популярность своими переводами пьес Корнеля, Расина для Александринской сцены, а также литературной критикой. Пушкин называл его «первым русским критиком» [4]) и считал его лучшим русским драматургом того времени [5]). Грибоедов пишет Катенину: «Тебе обязан я зрелостью, объемом и даже оригинальностью моего дарования» [6]). Даже в парижской печати, в 1824 году, появились о Катенине одобрительные отзывы [7]).

Но, как человек, он обладал, повидимому, тяжелым, неуживчивым характером. Плетнев отзывается о Катенине

---

[1]) Павлов-Сильванский. Декабр. Пестель пред Верх. Уг. Суд., стр. 34.

[2]) Пушкин и его современники. XII. Ст. Н. К. Пиксанова Заметки о Катенине. 63—64.

[3]) Серг. Бертенсон. П. А. Катенин. СПБ., 1909, стр. 27.

[4]) Переписка Пушкина, т. I. 327.

[5]) Воспоминания Шевырева о Пушкине.—Л. Н. Майков. Пушкин. СПБ. 1848.

[6]) Пиксанов, стр. 60.

[7]) Собр. соч. Грибоедова, изд. Акад. Наук, т. III, стр. 162.

чрезвычайно резко: «Катенин не принадлежал тогдашнему обществу. Он задорный человек, надменный хвастун... Сварлив, груб и готов подраться» [1]).

При неуживчивом характере и самовлюбленности, Катенин отличался еще и неумеренной резкостью суждений. «Ваш Гоголь дрянь, гадость», говорил он А. Ф. Писемскому [2]). И. А. Крылову он всю жизнь не мог простить того, что при избрании Катенина в члены Академии, Крылов положил ему черный шар [3]).

Все это мы упоминаем потому, что из этого явствует, что подобного человека не могло поверхностное, случайное увлечение привести в ряды заговорщиков. Вне всякого сомнения, для него вступление в тайное общество было актом высокой важности и глубоко продуманным.

В 1819 или 1820 году Катенин перевел на русский язык известную французскую революционную песню «Veillons au salut de l'Empire», которая распевалась в 20-х годах молодыми офицерами (в том числе и переводчиком) [4]), а впоследствии, в Чите, пели ее декабристы. Песня эта, повидимому, и явилась первопричиной того, что в 1822 году гр. Милорадович, напуганный Катенинским вольнодумством, придрался к первому попавшемуся ничтожному случаю [5]), чтобы добиться высылки Катенина из столицы. 1824 и часть 25 г., иначе говоря, время наибольшего расцвета деятельности тайных обществ, Катенин, подобно Пушкину, вынужден был просидеть в деревенской глуши. Наконец, в 1825 году он получает разрешение вернуться в Петербург. Приехал он в Петербург, когда мятеж уже чувствовался в воздухе. В это время Катенин охладевает к литературе. «Неужели правда»,— спрашивает у брата Языков,—«что Катенин вовсе отказался служить Музам, столько лет пылав к ним примерною страстью?» [6]).

---

[1]) Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПБ. 1896, II, стр. 376.
[2]) Пиксанов, стр. 74.
[3]) Полн. собр. соч. И. А. Крылова, т. IV, стр. 409.
[4]) Вигель, VI, 17.
[5]) Подробно об этом см. у С. Бертенсона.
[6]) Письма Н. М. Языкова к родным. СПБ, 1913, стр. 220.

Но вот напряжение общественной мысли разряжает
14-м декабря, и Катенин поневоле, во имя собственно
спасения, должен замолчать. Но симпатии его попре
нему влекут к жертвам восстания. «В нынешнее смутн
время», — пишет он Пушкину, в начале февра
1826 года,—«грустна даже беседа с приятелем. Жандр
сначала попался в беду, но его вскоре выпустили; о др
гих общих наших знакомых отложим разговор до св
дания» [2]).

Много, очень много разговоров на Руси в эти трево
ные дни откладывалось «до свидания», что, конечно, к
выше указывалось уже, служило свидетельством о сочу
ствии даного лица декабристам, ибо, в ином случае,
было бы нужды скрывать свое мнение.

Из поэтов еще Федор Глинка долгое время был акти
нейшим членом сперва «Союза Спасения», а потом «С
юза Благоденствия». Позднейшее охлаждение к та
ному обществу не спасло его от кары: после 14-го д
кабря Глинка был переведен на службу в Петрозаводс

О писателях и поэтах-декабристах, о тех, которые
конца сохранили активную верность идеям тайных о
ществ: о Рылееве, кн. Одоевском, Ал. Бестужеве и др
речь впереди.

Но, даже и не принадлежа к тайным обществам, ка
нами уже упоминалось, большинство поэтов в той ил
иной мере сочувствовали декабристам.

Прежде всего следует обратиться, в нашем изложени
к другу Пушкина, поэту Николаю Михайловичу Языков
(1803—1846). Он обладал кипучей, жизнерадостной нат
рой, но это не исключало известной глубины. Будущи
певец славянофилов, он с ранней молодости проникну
необычной, восторженной любовью к родине. Может бы
это чувство обострилось в нем, благодаря продолжител
ной разлуке с Россией: с 1822-го г. по 1826-й, в пору свое
поэтического созревания, Языков, в качестве студент
Дерптского университета, живет в Дерпте. Среди шум

---

[1]) Андрей Андреевич Жандр, писатель, входивший в лит
ратурный кружок Катенина, Грибоедова, С. Н. Бегичева и д
Впоследствии, в 60-х г.г., был сенатором.

[2]) Переписка Пушкина, т. I, 322.

утежей немецких буршей, среди бесконечных попоек, Языков сохраняет тоску по родине.

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!..
Но ни в громком шуме света,
Ни под бурей роковой,
Не слетит со струн поэта
Голос, родине чужой. («Чужбина»).

Веру в действенные, неиссякаемые силы России Языков строит на основе любви славянского народа к свободе.

И сам Языков является страстным поклонником свободы:

Рука свободного сильнее
Руки, измученной ярмом.

(«Баян к русскому воину»).

восклицает он. В другой раз он говорит про себя:

... в душе его смиренной
Огонь свободы пламенел.

(«Песнь короля Регнера»).

Естественно, что уже тогда близкий по духу славянофильству Языков не мог бы целиком принять идеи и стремления декабристов, тяготевших к Западу. Но эта его страсть к свободе роднит Языкова с декабристами. Он уехал в Дерпт 19-летним юношей и вернулся в Россию в 1826 году, когда уже отшумело 14-е декабря. Таким образом, Языков, если б и пожелал, не мог бы принять участие в заговоре.

Восстание произвело на него сильнейшее впечатление. Почти в каждом своем письме к родным, он невольно возвращается к нему... «Думаем, что и в вашу глушь дошел слух о треволнении 14 декабря прошлого 1825 года»,— пишет он брату,—«Татаринов расскажет вам многое, чего вы не читали и не слыхали по сей части». Опять эта, так распространенная тогда, недоговоренность! Рассказывая далее о судьбе нескольких знакомых, Языков заключает: «Вот каково, в какие времена нам довелось жить! Что же

до нас касается, то это дело до нас вовсе не касается: мы живем спокойно» [1]).

Но сквозь личину юмора, у Языкова прорывается подлинное волнение за судьбу заговорщиков. «Ты спрашиваешь меня о новостях мира политического»,—пишет он в марте брату,—«я, брат, тоже не знаю ничего нового, хотя *с некоторого времени и жажду его слышать*» [2]).

«Дело заговорщиков, говорят, скоро кончится», — пишет он в июне:—«Скоро услышу, может быть, что мои литературным товарищам головы отрубят; это неприятно даже в ожидании!» [3]).

Наконец, в сентябре, уже после казни декабристов Языков высказывается вполне определенно: «До нас еще не доехали милостивые манифесты по случаю царевенчания; говорят, что в них много хорошего и доброго во всех смыслах; говорят даже, что судьба несчастных возмутителей сильно облегчится — дай бог! И это надобно сделать и по человечеству, и по политике: первое не дает никому права отнимать жизнь у себе подобных или превращать ее из прекрасной в адскую, а вторая *велит быть осторожной даже голове венценосной и руке, по мании которой судят, осуждают, пытают и вешают!* А нечего сказать: смягчение наказаний из отсечения головы в вечную или 20-летнюю, что равно, каторгу, напомнило, было равномерно милосердные поступки императрицы Анны Иоановны. Кроме того, кажется, пора увериться всякому, что *дух времени не слушает указов и всегда пойдет своей дорогой и построит, что ему надобно.* Ирод может истребить множество людей и заслужить имя, которым потом бранят величайших извергов, но Христос ему недоступен: вера чистейшая и прекрасная осветит вселенную, и божественное всегда восторжествует. Сравнение истинно поэтическое. Не правда ли?» [4]).

В этих строках обычно такой осторожный Языков («это дело до нас не касается: мы живем спокойно») высказывает явное сочувствие уже не только самим де

---

[1]) Письма Н. М. Языкова к родным, стр. 237—238.
[2]) Ibid., стр. 243.
[3]) Ibid., стр. 255.
[4]) Ibid., стр. 200. Курсив всюду наш. *С. Г.*

кабристам, для которых молит бога о смягчении их участи; Языков высказывается и решительным сторонником их идей. Как иначе объяснить его веру в то, что «дух времени не слушает указов и всегда построит, что ему надо»? Иначе говоря, Языков, не в пример большинству современников, верует в действенность и осуществимость стремлений декабристов: «Не пропадет ваш скорбный труд». Это он еще ярче подчеркивает смелым сравнением правительства с Иродом, а заговорщиков — с восторжествовавшим, в итоге, Христом.

Наконец, и это также интересно: он высказывается резким противником смертной казни...

Царскую власть вообще и нового царя, в частности, Языков не жалует. «Нового государя все хвалят, особенно немцы», ядовито замечает он в том же письме [1]).

В стихотворном послании Пушкину, от 19-го августа 1826 года, Языков восклицает:

О, ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы [2]).

Мы знали Языкова — жизнерадостного, вакхического поэта, друга Пушкина, певца славянофилов, веселого гуляку, получившего разжижение спинного мозга, болезнь, которая 43-х лет свела его в могилу, но Языкова — певца свободы, Языкова — друга и сторонника декабристов, в кромешной тьме Николаевского безвременния, дерзко и ядовито подсмеивающегося над самодержавием и над самим новым государем, которого хвалят все, «особенно же немцы», — этого Языкова мы решительно проглядели.

В таком же, примерно, соотношении с декабристами находился и знаменитый герой 12-го года, поэт-партизан,

---

[1]) Ibid.

[2]) В подлиннике этот стих зачеркнут чернилами и против него поставлено NB; написанное над словом «царской» карандашем слово «папской» (вероятно, Языковым) тоже зачеркнуто, так как весь стих был исключен. Переписка Пушкина, под редакцией В. И. Саитова, том. I 365. В сбор. соч. Языкова, вместо слова «царской» печаталось слово «всякой».

Денис Васильевич Давыдов (1784—1839). Давыдов — п
колением старше декабристов; революционные басни е
относятся еще к началу XIX века. Первая его басня «Г
лова и Ноги» [1]), написана им в 1803 году. Декабрист б
рон Штейнгель писал из крепости Николаю: «Кто
молодых людей, несколько образованных, не читал и
увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободо
кто не ситировал басни Дениса Давыдова: «Голо
и Ноги?» [2]).

Бестужев-Рюмин также упоминает сочинения Дени
Давыдова, перечисляя на суде источники своего вольн
думства [3]).

Сочинения Давыдова, наравне со стихами Пушкин
«Путешествием» Радищева, «Горем от ума» Грибоедов
были сильнейшим орудием пропаганды либеральных
радикальных идей [4]).

За свои басни автор их в 1804 году поплатился пер
водом из кавалергардского полка в армию, в Белору
ский гусарский полк. Сам Давыдов об этом переводе в а
мию, в своей автобиографии упоминает весьма туманн
«В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люд
направляющие ее ударами, принудили повесу наше
выйти в Белорусский гусарский полк, расположенны
в Киевской губернии» [5]).

Затем военные действия всецело захватывают его,
и старые мысли остаются живы. Узнав в 1819 году о п
пытке М. Орлова вкупе с гр. Дмитриевым-Мамоновы
и Ник. Тургеневым организовать тайное общество, п
названием «Орден русских рыцарей», Давыдов пише
Киселеву об Орлове: «Как он ни дюж, а ни ему, ни бе
шеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в Рос
сии» [6]).

Слова «абсолютизм» не употребляли горячие побор
ники самодержавия. В той же автобиографии, вспомина
о своих революционных стихах, не могущих, по цензур

---

[1]) Впервые напечатана в «Русск. Стар.», 1872 года, т. V.
[2]) Бороздин, 70.
[3]) Семевский, 225.
[4]) Ibid., 230.
[5]) Стихотворения Дениса Давыдова. СПБ. 1893, стр. V—V
[6]) Собр. стих. Д. В. Давыдова, под ред. Круглого, III, 233.

ным условиям, войти в собрание его сочинений, Давыдов упоминает, что он «немного писал, еще меньше печатал; он (Давыдов пишет в третьем лице), по обстоятельствам, из числа тех поэтов, которые довольствовались рукописною или карманною славою. Карманная слава, как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных надсмотрщиков » [1]).

В начале 1823 года Давыдов выходит в отставку. 14-е декабря застает его на покое.

Если бы мы прибегали к эпиграфам, то для настоящей главы эпиграфом мы должны были бы взять слова Пушкина, обращенные к Вяземскому: «Ты молчишь и я молчу, и хорошо делаем». Молчали все, кто сочувствовал декабристам и не находил в себе смелости или не имел случая доверить мысли свои оказии.

Промолчал и Денис Давыдов.

В 1905 году П. Е. Щеголев опубликовал факсимиле дела А. С. Грибоедова, с пояснительной статьей [2]).

Эта работа пролила яркий свет на взаимоотношения Грибоедова и декабристов, вопрос в высокой степени интересный, о котором до той поры в литературе встречались только разрозненные и противоречивые упоминания [3]).

Грибоедов, конечно, общественная величина высшего масштаба. Он неизменно стоит во главе либерального движения. В 1816—18 г.г., в пору, когда в масонстве над религиозной мистикой уже преобладает политический либерализм, мы встречаем Грибоедова в числе руководителей масонской ложи—«Соединенных Друзей», в которой, наряду с будущими декабристами: Пестелем, кн. Шаховским, М. Ф. Митьковым, Чаадаевым, принимают участие А. Х. Бенкендорф и Авраамий Норов [4]).

---

[1]) Стихотворения Давыдова, стр. XII.

[2]) Вошло впоследств. в сборн. П. Е. Щеголева «Историч. этюды», по которому мы в дальнейшем и будем цитировать. Прежде, без факсимиле, было напечатано в «Лит. Вестн.» за 1903 год.

[3]) Записки Д. В. Давыдова. Лондон, 1863; И. Г. Вейденбаум. Кавказские этюды. Тифлис. 1901; в собр. соч. Грибоедова—письмо его государю и т. д.

[4]) Пыпин, стр. 318—19. Семевский, 288.

П. О. Морозов называет Грибоедова «посетителем» ве
черов «Зеленой Лампы»» [1]).

Значение «Горя от ума» для развития либерализм
было грандиозно; Вигель, говоря о «Горе от ума», с де
ланной наивностью замечает, что «она ходила только п
рукам в рукописи, а печатать ее и играть, не знаю почему
не было дозволено» [2]). На самом деле, Вигель, конечно
отлично знал причины запрещения «Горя от ума». Пра
вительство не учло только того, что запретный плод дей
ствует и влечет к себе тем сильнее. В 1825 году литера
турные друзья Грибоедова, желая использовать пред
стоящие отпуска офицеров для распространения пьесы
Грибоедова в рукописи, ежедневно собирались у кн. А. И
Одоевского, где остановился тогда Грибоедов, и усердно
под диктовку списывали комедию [3]).

«Комедия Грибоедова», — говорит Пыпин, — «имела
столько общественно-политического значения, сколько
имели потом очень немногие произведения нашей лите
ратуры. Надо перенестись во времена первого появления
ее рукописи и представить себе тогдашнюю непривычку
к подобной сатире, чтобы оценить в настоящей мере зна
чение «Горя от ума». Сатира Грибоедова представляет
точку зрения молодого поколения либеральных идеа
листов» [4]).

По авторитетному заявлению декабриста бар. Штейн
геля, — декабристы воспитывались на комедии Грибое
дова.

Влияние Грибоедова на либеральную молодежь было
настолько велико, что Плетнев, живая хроника 20-х го
дов, еще в 49 году вспоминает, что Кюхельбекер «вовле
чен был поклонниками Грибоедова в последнюю свою по
гибель» (т.-е. в заговор) [5]).

Грибоедов был связан и личной дружбой со многими
будущими декабристами. На литературной почве он
близко сошелся с Рылеевым, Ал. Бестужевым, Кюхель
бекером; на Кавказе познакомился с Якубовичем. Осо

---

[1]) Собр. соч. Пушкина под ред. Венгерова, I, 489.
[2]) Вигель, VI, 55.
[3]) Пыпин, 454.
[4]) Пыпин, 454.
[5]) Переписка Грота с Плетневым, том III, 409.

бенно же он был близок с А. И. Одоевским, с которым даже нередко жил на одной квартире.

Естественно было правительству привлечь Грибоедова к следствию над декабристами. Трубецкой показал на допросе, что «слышал от Рылеева, что он (Рылеев) принял Грибоедова в члены тайного общества». Оболенский в письме государю высказался еще определеннее, а именно: «что Грибоедов был принят в члены общества месяца два или три перед 14-м декабря и вскоре потом уехал; почему действий его в обществе совершенно не было» [1]).

В эту пору Грибоедов находился при генерале Ермолове в Чечне, в крепости Грозной. 22-го января прискакал к Ермолову курьер с повелением «немедленно взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их, и прислать, как оные, так и его самого под благонадежным присмотром в Петербург, прямо к Его Императорскому Величеству» [2]).

Тем не менее, по рассказам современников, Ермолов дал возможность Грибоедову уничтожить могущую его компрометировать переписку [3]).

11-го февраля Грибоедов прибыл в Петербург и, за переполнением Петропавловской крепости, был посажен на главную гауптвахту при главном штабе. Должно быть еще в дороге обдумал он свою защиту. Уже 15-го февраля пишет он весьма дипломатическое письмо государю. В письме чувствуется хлесткий, сатирический стиль автора «Горя от ума»: «Был позван к генералу Левашову. Он обошелся со мной вежливо, я с ним совершенно откровенно». Далее ссылка на сыновнюю любовь к матери, от которой, будто бы (вопреки истине), он всячески старался скрыть свой арест. Никакого низкопоклонства, расшаркивания, впрочем, в письме мы не находим [4]).

Защиту свою Грибоедов ведет блестяще. Он не отрекается от того, что ему присущ был вольнодумный образ

---

[1]) Щеголев, Исторические этюды, 256.
[2]) Ibid., 283.
[3]) Ibid., 284—5.
[4]) Ibid., 256—7.

мыслей (ибо это было бы явно неправоподобным), но н
стойчиво отрицает какую бы то ни было связь с загово
щиками. Все виднейшие декабристы: Рылеев, Пестел
Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Волконски
Давыдов, Барятинский, Ал. Бестужев, Одоевский — был
допрошены насчет Грибоедова. Все они согласно отр
цали какое-либо участие Грибоедова в заговоре. Э
вполне естественно. «В старании товарищей не компр
метировать Грибоедова, не было ничего особенно искл
чительного»,говорит Завалишин,—«это было лишь сле
ствием наперед условленного, общепринятого прави
стараться не запутывать никого, кто не был еще з
путан» [1]).

В итоге Комитет оправдал Грибоедова. Вопрос о то
был ли фактически Грибоедов членом тайного общест
или нет — едва ли когда-нибудь сможет быть разреше
Но это не столь важно. Многие члены тайных обществ н
самом деле не были идейно связаны с декабристами, ока
зались только случайными попутчиками в их крестно
пути. Для историка представляется не столько суще
ственным вопрос о степени участия в заговоре того ил
иного лица, сколько степень идейной близости его с де
кабристами и взаимного влияния.

«Нам важно»,—заключает свое исследование П. Е
Щеголев,—«отметить идейное влияние декабристов н
жизнь и творчество Грибоедова. Пусть будет достове
пейшим образом доказано, что Грибоедов не был члено
тайного общества, но мы все-таки не изменим наше
представления о том, что Грибоедова должно считат
представителем общественного движения 20-х годов
близким сторонником декабристов» [2]).

Возвращаясь, в заключение, к вопросу об участи
Грибоедова в тайном обществе, мы не можем не согла
ситься с мнением П. Е. Щегелева, «что Грибоедов н
только идейно был близок к декабристам, но и был из
бран ими в члены тайного общества. За краткостью вре
мени, он не мог проявить деятельного участия. Но, сооб
ражая склад его миросозерцания, свойства его харак

---

[1]) Д. И. Завалишин. «Записки декабриста».
[2]) Щеголев, 315.

тера, можно допускать, что участие его в обществе было бы не заурядным. Наверное он был бы не рядовым членом, а вождем» [1]).

Допрошен был, по вопросу об отношении его к декабристам, и Петр Яковлевич Чаадаев. «Мне»,—вспоминает И. Д. Якушкин,—«поручено было (в 1801 году) принять Пассека [2]) и Петра Чаадаева при первом свидании с ними. Когда Чаадаев приехал в Москву, я предложил ему вступить в наше Общество; он на это согласился, но сказал мне, что напрасно я не принял его прежде, тогда он не вышел бы в отставку и постарался бы попасть в адъютанты к великому князю Николаю Павловичу, который, очень может быть, покровительствовал бы под рукой Тайное Общество, если бы ему внушить, что это общество может быть для него опорой в случае восшествия на престол старшего брата» [3]).

В эти годы Чаадаев по своему умонастроению, нисколько не отличался от будущих декабристов. Как и они, Чаадаев поставил высшей целью своей жизни служение общественному идеалу: он мечтал об уничтожении рабства, указывая Николаю Тургеневу, страстному врагу крепостного права, на те условия, вследствие которых «уничтожение крепостного права представляло для французских королей дело несравненно более трудное и опасное, нежели каким оно может явиться для русского правительства» [4]).

Прошел Чаадаев, конечно, и через масонство. В 1816 году был он, вместе с Пестелем, Грибоедовым, Матвеем Муравьевым-Апостолом, Волконским, членом ложи Amis Réunis [5]), но уже в 1818 году он разочаровался в масонстве.

Бывший Семеновский офицер Чаадаев познакомился и очень близко сошелся еще в полку с Якушкиным, Матвеем и Сергеем Муравьевыми-Апостол, Трубецким и другими пионерами тайных обществ в России. Несмо-

---

[1]) Ibid.
[2]) Отст. генерал Пассек, ум. в 1825 г.
[3]) И. Д. Якушкин, 56.
[4]) М. Гершензон. П. Я. Чаадаев. СПБ. 1908, стр. 1.
[5]) А. Н. Пыпин. Материалы для истории масонских лож. «Вестник Европы». 1872, II, 600—1.

тря на все личное своеобразие Чаадаева, декабристы сч
тали его «своим», что и доказали поручением Якушки
принять его в члены тайного общества в самый моме
переформирования союза на основе большей замкнут
сти и в высшей степени осторожного подбора члено
Судя по цитированному выше ответу Чаадаева на пре
ложение Якушкина, он не только охотно примкну
к тайному обществу, но и намеревался активно работа
в нем, скорбя о потерянной возможности воздействова
на великого князя. Ближайшие годы переродили Ч
адаева: он стал мистиком. Нам нет нужды разбирать
детально в причинах, побудивших Чаадаева обратить
к мистицизму, и в основах его нового мировоззрени
ибо это не входит в план нашей работы, а интересу
щиеся этим вопросом всегда могут ознакомиться с н
в упомянутой выше книге М. Гершензона. Под влияни
мистической литературы, в частности, Штиллин
«вера, физическая болезнь и нервное расстройство р
дили в Чаадаеве чувство, могущество которого слишко
хорошо известно истории: страх смерти или, точнее, з
гробного возмездия» [1]).

Тем не менее, Чаадаев и за границей, несмотря н
этот перелом, продолжал интересоваться общественны
вопросами и жесточайшим образом, в духе декабристо
осуждал российские порядки: «Чаадаев... в немноги
словах выражал все свое негодование на Россию... О
обзывал Аракчеева злодеем, высших властей, военны
и гражданских,—взяточниками, дворян—подлыми хо
лопами, духовных—невеждами, все остальное—косне
щим и пресмыкающимся в рабстве» [2]).

Чаадаев сохранял по-прежнему дружеские связ
с Якушкиным, Матвеем Муравьевым и др. и даже н
допросе он показал, что знал их образ мыслей и поли
тическое вольнодумство, простиравшееся у многих «д
высокой степени» [3]).

---

[1]) Гершензон, 46.
[2]) Записки Д. Н. Свербеева, т. II, М. 1899, стр. 237.
[3]) Сочинения и письма Чаадаева, под ред. М. Гершензона
М. 1913, т. I, стр. 69.

Остается предположить, что общественные идеалы Чаадаева в основе своей остались прежние, но сам он изменился коренным образом: самоуглубленный мистик, он уже не годился в революционеры; но гражданское чувство не замерло в нем, только общественные интересы отошли на второй план.

В середине 1826 года Чаадаев возвращался на родину. В Варшаве, по инициативе цесаревича, его задержали, обыскали и сняли с него допрос.

Конечно, с переменой мировоззрения, Чаадаев не мог уже быть сторонником революционных действий. На вопрос о принадлежности его к тайному обществу, Чаадаев отвечал: «Ни к какому тайному обществу никогда не принадлежал. Мнение мое вообще о тайных обществах видеть можно из находящейся в бумагах моих речи о масонстве, писанной мною еще в 1818 году, где ясно и сильно выразил мысль свою о безумстве и вредном действии тайных обществ вообще» [1]).

Отрицая свою принадлежность к тайному обществу, Чаадаев уклонился от истины. Правда, что очень скоро после своего принятия он уехал заграницу и едва ли сыграл какую-либо роль в развитии тайных обществ, но, тем не менее, к обществу он все-таки принадлежал. Упомянутая им записка до нас не дошла. Она могла быть написана против масонских лож, но никак не против политических тайных обществ, ибо уже после ее написания Чаадаев вступил в «Союз Благоденствия».

В результате Чаадаев был освобожден, но над ним был установлен бдительный надзор; в Москве и даже у брата его, проживавшего в деревне, произведен был обыск [2]).

Уже в первом «Философическом письме» находим мы отзыв Чаадаева о 14 декабря. Он пишет: «Пройдя победителями просвещеннейшие страны мира, мы принесли домой лишь идеи и стремления, плодом которых было безмерное несчастие, отодвинувшее нас вспять на полвека» [3]).

---

[1]) Ibid., стр. 72.
[2]) Ibid.
[3]) Ibid., стр. 99.

Происшедшая вскоре после того Июльская революц
повергает Чаадаева в ужас. «Еще недавно»,—пишет
Пушкину,—«с год тому назад, мир жил в полном сп
койствии за свое настоящее и будущее и в молчан
проверял все свое прошлое, поучаясь на нем. Ум во
рождался в мире, человеческая память обновлялась, мн
ния сглаживались, страсть была подавлена, гнев не н
ходил себе пищи, тщеславие находило себе удовлетв
рение в полезных трудах; все людские потребности огр
ничивались мало-по-малу кругом умственной деятел
ности, и все интересы людей сводились мало-по-мал
к единственному интересу прогресса вселенского р
зума... И вдруг мир, безопасность, будущее—все сра
обратилось в ничто» [1]).

Сравним этот отзыв с отзывом того же Чаадаев
только на 11 лет моложе, по поводу испанской револ
ции: «Целый народ восставший, революция, заверше
ная в 8 месяцев, и при этом ни одной капли крови, н
какой резни, никакого разрушения, полное отсутств
насилий, одним словом, ничего, что могло бы запятнат
столь прекрасное дело. Происшедшее послужит отмен
ным доводом в пользу революции» [2]).

На этом примере мы видим, какой перелом произо
шел в практическом политическом мышлении Чаадаева
Его взгляд на революцию в России составлялся из дву
слагаемых: во-первых, вернувшись на родину непосред
ственно после разгрома декабристов, он ещё резче, ещ
острее, чем за границей (вспомним записки Свербеева
ощутил невероятную, изумительную отсталость Росси
«Мы живем одним настоящим в самых тесных его пре
делах, без прошедшего и будущего, средь мертвого за
стоя. И если мы иногда волнуемся, то отнюдь не в на
дежде или расчете на какое-нибудь общее благо, а п
детского легкомыслия, с каким ребенок силится встат

---

[1]) Сочинения и письма. II, 180. Интересно сравнить этот
отзыв Чаадаева со взглядами М. С. Лунина, выраженными им
в публикуемом мною его сочинении о польском вопросе.—
См. С. Я. Гессен и М. С. Коган «Декабрист Лунин и его время».

[2]) Ibid., 83.

протягивает руку к погремушке, которую показывает му няня» [1]).

С другой стороны, Чаадаев видел единый путь к спа-ению в религиозном прогрессе, не уживающемся с по-итическими революциями. Эту мысль он упорно про-одит во всех своих письмах.

Итак, Чаадаев-мистик не мог уже быть сторонником ействий декабристов. В 1837 году в письме Якушкину н упрекает декабристов в деизме [2]). «Не могу пове-ить»,—пишет он,—«чтобы к этому душевному спокой-твию ты пришел путем того оледенеющего деизма, ко-орый исповедывали умы твоей категории» (т.-е. дека-ристы. *С. Г.*) [3]).

Остается еще сказать несколько слов об «обличите-лях» декабристов из литературного лагеря: Булгарине, Грече, Вигеле.

Должно принять к сведению, что пресловутые Ни-олай Греч и Фаддей Булгарин не всегда были такими орячими противниками либерализма. Для них это был лкурный вопрос, и, когда либеральные течения были ерезвычайно широко распространены, то они были в ря-ах либералов. С этой стороны любопытно и самое зна-омство этих будущих союзников: «В начале февраля 820 года»,—вспоминает Греч,—«явился у меня в каби-ете человек лет 30, тучный, широкоплечий, толстоно-ый, порядочно одетый и... объявил мне, что пришел по росьбе одного французского литератора, г. де-сен-Мора, еловека необыкновенно умного, ученого и благородного, оторый намерен читать лекции о французской лите-атуре.

— «Да какой он партии?—спросил я,—кажется, тъявленный роялист?

— «Точно,—отвечал Булгарин,—самый ревностный риверженец законной династии.

---

[1]) Ibid., стр. 111.

[2]) Деизм есть система учений, признающая последнею при-иною всего сущего бога, но не слитого с миром (как учит антеизм), а отличного, противостоящего ему, но (в чем он тличается от теизма) деизм учит, что богу чуждо живое, остоянное отношение к миру.

[3]) Соч. и письма. I, 207.

— «Как же он может тогда быть умным человеком сказал я...—В нынешней Франции ум, знания, дар ния—на левой стороне.

«Мой собеседник захохотал весело.

— «Так вот вы какой! А я думал, что вы ревнит Бурбонов и монархического начала.

«Я был в то время отъявленным либералом»,— бавляет Греч [1]).

Эти «отъявленные либералы» были в дружбе с П киным, с Грибоедовым, с будущими декабристами. постепенно, соответственно с переменой курса правите ственной политики, Булгарин и Греч «почли за бла также переменить симпатии. Былые союзники Пуш Вяземский, Боратынский, возмущенные их ренегатст и продажностью, обрушились на них своими эпигр мами. Но сила осталась на стороне Булгарина и Гр

Постепенно Булгарин превращается в доносчика, щика. «Видок»—прозвище, данное ему Пушкиным имя известного тогда сыщика. Перу Булгарина при лежит знаменитый донос на Царскосельский лицей котором речь уже была выше [2]).

Но и непосредственно после восстания, недав «отъявленный либерал», по слухам, поспешил доне на своего племянника, поручика Искрицкого, замеш ного в заговоре [3]). Булгарин же не погнушался опис для полиции «очень умно и метко» приметы бежавш Вильгельма Кюхельбекера [4]).

Греч в своих записках уделил много места декаб скому восстанию. Он дает целый ряд кратких жи описаний и характеристик отдельных декабристов. «В начале всякого драматического творения исчисляю

---

[1]) Н. И. Греч. «Записки о моей жизни». СПБ. 1 стр. 445—446.

[2]) Подробно о деятельности Булгарина в николаевск эпоху см. в книге М. Лемке «Николаевские жандармы и л ратура 1826—1855 гг.». СПБ. 1909, а также Б. Л. Модзалевск «Пушкин под тайным надзором». П. 1922.

[3]) Греч, 467 и дальше. Д. А. Искрицкий, подпоручик гв дейского генерального штаба, по отбытии 6-месячного крепо ного заключения, переведен тем же чином в Орловский гар зонный батальон.

[4]) Ibid., 188.

ействующие в нем лица, с изложением их характера с описанием костюмов. Так поступаю и я: исчислю и, колько могу, опишу каждого из действовавших, то-есть олько тех, которых или я знал лично, или о ком имел остоверные сведения» [1]).

Но, несмотря на все низкопоклонство и угодничество реча, даже эти его «достоверные сведения» не могли ыть опубликованы в России и впервые были напечаны за границей в 70-х годах [2]).

Впоследствии, в 1903 году, они были снова опубликованы за границей. Издатель, повидимому, дурно знакомый с русским языком, предпослал запискам Греча такое предисловие: «Отрывки эти были написаны одним овременником декабристов, будущим (sic!) лично близких сношениях с ними, но не разделяющим образа х мыслей. Каждая подробность, даже и неприязненно ысказанная, или без глубокого понимания о великих ученикахи деятелях 14 декабря, очень важна для русского народа» [3]).

Да, конечно, важна, ибо при разборе всякого дела еобходимо выслушать обе стороны. Но, к сожалению, реч—историк, страдающий полнейшим отсутствием бъективизма. Его характеристики—богатейшее собрание изкопробных сплетен и измышлений. Особенно, конечно, не жалует Греч вождей заговорщиков. «Какая ыла его цель?»—говорит он про Пестеля.—«Сколько я огу судить, личная, своекорыстная... Достигнув верховной власти, Пестель сделался бы жесточайшим деспотом...» «Рылеев»,—повествует он,—«был не злоумышленик, не формальный революционер, а фанатик, слабомный человек, помешавшийся на пункте конституции... акая цель была Рылеева? Он сам ее не знал. Учреждение ли конституционного правления, водворение ли республики? Только бы пошуметь, подраться, пролить крови заслужить статью в газетах, а потом в истории». Сергей Муравьев-Апостол, по мнению Греча, сделался ре-

[1]) Ibid., 360.

[2]) «Тайное общество и 14 декабря 1825 г. в России». Лейпциг. 1874.

[3]) Отголоски 14 декабря 1825 г. Из записок одного недекабриста. Лейпциг. 1903.

волюционером только из-за того, что семеновская
рия разбила его карьеру [1]).

Все эти замечания его, как кажется, не нужда
в комментариях.

Говоря о декабрьском восстании в целом, Греч
чает: «Едва ли случалось в мире какое-либо вел
бедствие, возникало какое-либо ложное и вредное
ние, которое в начале своем не имело хорошего по
благой мысли. Первое движение ума и совести чело
ской почти всегда бывает чистое и доброе; потом пр
ваются к нему помыслы и страсти, порождаемые
жеством и злыми наклонностями, и из благотвор
семени возрастает древо зла и пагубы. Так бывае
всеми революциями, и нравственными, и политически
И у нас бедственная и обильная злыми последств
вспышка 14 декабря 1825 года имела зерном мысли
стые, намерения добрые». После этого Греч дает дов
но-таки меткую и неприглядную картину тогдашнег
стояния России [2]).

Этой ссылкой на добрые начинания декабри
Греч, должно быть, хотел объяснить причины своей
зости с ними. Но из «доброго семени» выросло «д
зла». «Внушения к этим глупо-кровавым затея
заключает он,—«произошли от книг немецких и ф
цузских... эти замыслы были чужды русскому у
сердцу и, в случае успеха, не только не составили
счастья народа, но подвергли бы его игу, несравн
тягчайшему прежнего, и предали бы всю Россию
ствиям, о каких нельзя составить себе понятия» [3]).

На каком же основании делает Греч такое жест
заключение? Дело в том, что и он, подобно Растопч
и многим другим, удивлялся тому, что «у нас рев
цию сделала знать». «Все потомки Рюрика, Гедим
Чингис-Хана, по крайней мере, бояр и сановников, д
них и новых»,—пишет он,—«это обстоятельство о
важно: оно свидетельствует, что в то время восста

---

[1]) Греч, 380.
[2]) Греч, 356—357.
[3]) Греч, 109.

ротив злоупотреблений и притеснений именно те, ко-орые менее всего от них терпели» [1]).

Для мелкой, честолюбивой души Греча—это было овершенно непонятно. В бескорыстие подвига он, ко-ечно, не мог поверить; следовательно, заговорщики мели свои корыстные цели, и, на словах отрекаясь от воих кастовых привилегий, надеялись пополнить и при-множить их путем захвата власти.

Оттого-то, меряя всех на свой аршин, Греч и рисует ам декабристов корыстолюбцами и честолюбцами.

Так же ополчился на декабристов и Филипп Филип-ович Вигель. Достаточно привести его отзыв о блудов-ком донесении: «Блудов представил истину с такою сностью, с такою откровенностью, к которой мы в Рос-ии тогда не привыкли; всегда раскрашенная в офици-льных актах, она невольно порождала сомнения, а тут, апротив, должна была поселить совершенную доверен-ость к словам нового правительства» [2]).

Надо полагать, что после этого позиция Вигеля по тношению к декабристам уже достаточно определяется. Он так и будет говорить словами донесения: «Исключая Пестеля, Рылеева и некоторых других, настоящих рево-юционеров, понимающих цель, к которой идут, все за-оворщики, по большей части военные, были молодые юди, увлеченные примером обычая и распространив-шейся моды... Заметно было, что зачинщики более всего тарались действовать на неопытных и на недальновид-ых...» [3]) и т. д. Дальше цитировать едва ли нужно, ибо без того видно, что Вигель слепо повторяет официаль-ую ложь донесения.

Если правительство запретило печатать вообще ка-ие бы то ни было сведения о декабристах, то понятно, ак преследовалось всякое, хотя бы косвенное, сочув-твие декабристам. Об этом мы еще будем говорить ниже. ем не менее, мы имели случай убедиться в том, что редставители и деятели русской литературы оказались сецело на стороне декабристов. Были, конечно, и исклю-

---

[1]) Ibid.
[2]) Вигель, VII, 101.
[3]) Вигель, VII, 102.

чения: Булгарин, Греч, Вигель и т. д., мелкие карь
сты, не брезгавшие шпионством и доносительст
Но они в счет не идут. Основное ядро русских литер
ров высказалось за декабристов. Но николаевская
зура сделала все возможное и невозможное для т
чтобы это общественное сочувствие не получило о
ски. А так как на стороне правительства была сила
цель его и была достигнута. Все сочувствующие вы
ждены были молчать, а для тех, кто решался говор
всегда были готовы казематы Петропавловской крепо
Соловецкие скиты, сибирские снега, с необычайной
костью заглушающие голоса недовольных.

ГЛАВА IV.

Пушкин и декабристы.

Об общественно-политическом мировоззрении Пушкина имеется целая литература. Великое множество различных теорий, толкований, трактовок; множество исследователей задавалось целью разрешить этот вопрос, и в итоге мы имеем целый хаос противоречивых мнений и толкований. Чем это объясняется? Сплошь и рядом в пушкинской литературе наблюдается невольная подмена Пушкина подлинного тем Пушкиным, каким его хочет видеть исследователь. Как нет двух абсолютно схожих портретов Пушкина, так нет и двух одинаковых толкований его.

И вот, обращаясь к вопросу о том, как Пушкин относился к декабристам, мы оглушены тою же отчаянной разноголосицей. Первые годы революции принесли массу различных толкований. В 1921 году некий, не в меру ретивый журналист из «Вестника Литературы» задумал даже «прощать Пушкину его отрицательное отношение к декабристам» [1]). Тогда же мы ответили статьей, в которой, отрекшись от субъективных толкований, попытались доказать противное, исключительно на основе фактов [2]). И теперь, обращаясь к вопросу об отношении Пушкина к декабристам, мы прежде всего напомним фактическую историю этих отношений и выслушаем отзывы самих действующих лиц, т.-е. Пушкина

[1]) «Вестник Литературы», 1921 г., № 8.

[2]) Сергей Гессен. «Пушкин и декабристы». «Вести. Лит.», 1921 г., № 10.

и декабристов, а затем уже предоставим слово разли
ным истолкователям.

В бытность в Лицее и в первое время по око
чании его, развитие либерализма Пушкина идет в но
с развитием декабристского либерализма, эпохи «Сою
Спасения» [1]). Конечно, мы не станем заблуждаться н
счет истолкования юношеских стихотворений Пушкин
обращенных к Александру I. Пушкин воспевает в Ал
ксандре царя-солдата, освободителя родины от иноз
ного ига. В 1814—16 г.г. будущие декабристы прош
через фазу такого же поклонения Александру. «В э
время»,—восклицает декабрист Якушкин,—«республика
нец Лагарп мог только радоваться действиям своего п
томца» [2]). Для декабристов и Пушкина Александр бы
олицетворением народной мощи, нечеловеческим усили
сбросившей иго Наполеона. После «Воспоминаний в Цар
ском Селе», в которых, по справедливому замечани
А. Слонимского, «сквозь грохот Державинского одо
ния, слышится голос того живого, почвенного патр
отизма, который привел декабристов на Сенатскую пл
щадь» [3]), и еще до оды Александру, в начале 1815 год
Пушкин пишет стихотворение «Лицинию», в котором уж
видны первые мысли о свободе политической:

Свободой Рим возрос, а рабством погублен...

и дальше:

Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода...

Безусловно здесь сказалось влияние Куницына, о ко
тором уже столько говорено в пушкинской литературе.
По окончании лицея, Пушкин попадает в среду за
говорщиков. Он становится постоянным гостем братьев
Тургеневых, у которых собиралось множество будущих
декабристов. Там-то, по рассказу Вигеля, Пушкин, одна

---

[1]) Подробно об этом см. А. Л. Слонимский. Пушкин и де
кабрьское движение, С. Соч. II—на, изд. Бр.-Ефр., т. II,
стр. 503—507.

[2]) Записки И. Д. Якушкина. М. 1907 г., стр. 2.

[3]) Слонимский, стр. 507.

кды, вдохновленный открывавшимся из окна видом на устующий Михайловский замок, растянувшись на сто-е, написал свою знаменитую оду «Вольность» [1]). Это ыло в 1817 году [2]). Декабристы еще не успели зайти астолько далеко.

Пушкин знакомится с Чаадаевым, тогда членом Союза Благоденствия». Логинов, автор воспоминаний Чаадаеве, не без основания говорит, что он «способ-твовал развитию Пушкина более, чем всевозможные рофессора своими лекциями».

Два лицейских товарища Пушкина, В. Д. Вольхов-кий и лучший друг его И. И. Пущин вступают в тайное бщество прямо с лицейской скамьи.

Атмосфера таинственности реет в воздухе. Пушкин воей исключительно чуткой душой уже догадывается о уществовании политического заговора. Однажды, встре-ив у Николая Тургенева в числе прочих сотрудников атевавшегося тогда общественно-политического жур-ала, И. И. Пущина, Пушкин отводит его в сторону и оворит: «Верно это ваше общество в сборе... Пожалуй-та, не секретничай!» [3]).

Декабристы различно толкуют сознательное отстра-ение Пушкина от заговора. Одни говорят об опасении одвергнуть перипетиям борьбы гений Пушкина, другие— б опасении, чтобы болтливость и легкомыслие Пушкина е привели тайное общество к краху. И. И. Пущин рас-казывает, что однажды он отправился к Пушкину с ердым намерением открыть ему тайну существования говора и предложить вступить в тайное общество. Но дороге он встретил Сергея Львовича, отца поэта, рас-азавшего ему о новой легкомысленной выходке Пуш-на, и, поразмыслив, Пущин побрел печально домой [4]). Иначе объясняет отстранение Пушкина от тайного щества И. И. Горбачевский. Вообще резкий в сужде-иях, Горбачевский уже в 1861 году пишет М. А. Бесту-еву по поводу воспоминаний Пущина: «Бедный Пу-

---

[1]) Вигель, VI, 10.
[2]) Собр. соч. Пушкина. Изд. Академии Наук, т. II.
[3]) Записки И. И. Пущина о Пушкине. СПБ. 1907, стр. 49.
[4]) Ibid.

щин—он того не знает, что нам от верховной думы бы
даже запрещено знакомиться с поэтом Александр
Пушкиным, когда он жил на юге, — и почему? Пря
было сказано, что он по своему характеру и малодуши
по своей развратной жизни сделает донос правительст
о существовании тайного общества» [1]).

Конечно, Горбачевский сгустил краски. Он, повид
мому, всецело еще находился во власти того неблагопр
ятного и столько же ошибочного впечатления, котор
создалось в обществе вследствие поведения Пушки
в царствование Николая.

На самом деле никаких подобных инструкций дек
бристы не получали. Сообщение Горбачевского опрове
гается уже тем, что, в бытность Пушкина на юге, тайн
общество еще не имело тех форм, да и сам Горбачевск
в ту пору еще не знал о существовании южного обществ
следовательно, и не мог получать никаких инструкц
от верховной думы. Но интересно, что и М. А. Бестуже
очевидно, соглашается с мнением Горбачевского, делая
его письме следующую пометку: «Совестно было ем
(т.-е. Пущину. *С. Г.*) об этом сказать,—но знаю, он дог
дался,—я часто с ним говорил о Пушкине, сидевш
вместе в 3-м отделении Петровского каземата» [2]).

Все это, конечно, уже позднейшие впечатления, и
этими соображениями руководствовались декабрист
отстраняя Пушкина от участия в тайном обществ
Известно, что в их кругах неоднократно дебатировал
вопрос о принятии Пушкина.

Следовательно, и они сознавали идейную близос
с Пушкиным. Если верить указаниям Фонвизина и П
стеля на то, что «Зеленая Лампа» была отраслью та
ного общества (а не верить этому трудно, после блест
щей аргументации П. Е. Щеголева в цитированной вы
статье), то, следовательно, Пушкин проходил даже пре
варительную ступень заговорщика, был, так сказать,
испытании у декабристов.

---

[1]) Горбачевский, стр. 300. Подробно об этом см. «Декабри
И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири» Ред.
биогр. очерк С. Я. Штрайха. М. 1925, стр. 19 и дальше.

[2]) Ibid.

Но вот ссылка перебрасывает Пушкина на юг. И там, однажды попав в семью Раевских, он уже снова оказывается в кругу декабристов. Сами Раевские к заговору не принадлежали, но, волею судеб, оказались в самом центре его [1]). На юге Пушкин знакомится с Пестелем и заносит в свой дневник, так часто цитируемый, восторженный отзыв о вожде декабристов. Пушкин близко сходится с В. Ф. Раевским, «первым декабристом», по выражению П. Е. Щеголева, с М. Ф. Орловым, кн. Волконским, М. С. Луниным. Еще из Петербурга он увез возникшие на литературной почве дружеские связи с А. А. Бестужевым и Рылеевым, с которыми, особенно с первым, поддерживает оживленную переписку.

Наконец, Пушкин попадает в Каменку, имение декабриста В. Л. Давыдова, штаб-квартиру южного общества. В Каменке произошел следующий весьма интересный эпизод. Однажды Пушкин гостил там, одновременно с Орловым, Якушкиным, Охотниковым и др. заговорщиками. Желая испытать Пушкина, они сообщили ему, что существует тайное общество. Пушкин пришел в восторг и выразил желание присоединиться к нему. Когда же заговорщики обратили весь разговор в шутку, он встал, раскрасневшись, и сказал, со слезами на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и все это была только злая шутка» [2]).

Пушкин переезжает в Михайловское, но и в деревенском уединении, в переживаемую им пору наивысшего творческого подъема, мысли о тайном обществе не покидают его. В 1824 году навестил его Пущин. Они пробыли только один день вместе и все-таки Пушкин вновь возвращается к вопросу о существовании заговора. Когда же Пущин снова стал отрицать наличность тайного общества, Пушкин сказал: «Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно я этого доверия не стою»... [3])

Наступают тревожные дни междуцарствия. Пушкину запрещен въезд в столицу, но он возымел желание пови-

---

[1]) М. О. Гершензон.—«Семья декабристов». «Былое». 1906 г.
[2]) Записки Якушкина, стр. 50—52.
[3]) Записки Пущина, стр. 61.

дать Пущина и Кюхельбекера и тайком пускае
в путь. Но только он отъехал, как дорогу ему перебе
заяц, и суеверный Пушкин повернул назад.

В 1827 году Пушкин пишет свое знаменитое «Пос
ние в Сибирь».

... Не пропадет ваш скорбный труд,
И дум высокое стремленье . . . . .
Придет желанная пора. . . . . .
Оковы тяжкие падут.
Темницы рухнут—и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Передавая эти стихи А. Г. Муравьевой, уезжавш
в Сибирь к мужу, Пушкин со скорбью заметил: «Я оче
понимаю, почему эти господа не хотели принять ме
в свое общество: я не стою этой чести» [1]).

Легко себе представить впечатление, произведенное
декабристов этими стихами. Кн. Одоевский спешит от
тить Пушкину. За тысячи верст, от лица своих товар
щей, Одоевский протягивает руку Пушкину:

К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард, цепями
Своей судьбы гордимся мы...
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя!

Тогда же, 16 июля 1827 года, Пушкин напис
«Арион». Быть может, его вдохновила годовщина каз
декабристов, бывшая 13 июля. Он изображает себя пе
цом отважных пловцов-декабристов. И вот:

Погиб и кормщик, и пловец!
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою. . . . .

Пушкин прав, называя себя «певцом» декабристо
Недаром декабрист М. П. Бестужев-Рюмин, говоря о
источниках своего свободомыслия, вспоминал о «воль

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 52.

думных» сочинениях Пушкина, найденных им у капи-
тана Пыхачева. Якушкин рассказывает, что «в то время
не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии,
который не знал бы революционных стихов Пушкина
наизусть» [1]). Перепуганный за судьбу своего любимца,
Жуковский пишет ему: «Наши отроки познакомились
с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии, мыслями;
ты уже многим нанес вред неисцелимый» [2]). Михайлов-
ский-Данилевский после восстания декабристов называет
Пушкина «корифеем мятежников» [3]).

«Кто из молодых людей, несколько образованных, не
читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими
свободой», — писал Николаю декабрист бар. Штейн-
гель [4]).

Так и внешними условиями, и идейно Пушкин был
связан с декабристами теснейшими узами. Он и не
пытается отрицать этого: «Я... был в связи с большею
частью нынешних заговорщиков», — вспоминает он
в письме к Жуковскому в январе 1826 года [5]).

Если бы наши сведения об отношении Пушкина
к декабристам ограничивались только всем вышеизложен-
ным, то, надо полагать, что исследователям Пушкина,
коль скоро они взяли на себя труд ознакомиться со всем
этим материалом, не пришла бы охота прощать Пушкину
«его отрицательное отношение к декабристам».

Но перед нами есть и иной материал. Это, конечно,
стихи Пушкина, обращенные к Николаю, «Записка
о народном воспитании» и статьи его о Радищеве...

Как совершился этот перелом? Был он действитель-
ным или только кажущимся?

От отвлеченных рассуждений обращаемся снова
к фактам.

Легко себе представить, какое впечатление произвело
на Пушкина известие о 14 декабря! Проследим его письма
за это время, такие тревожные и взволнованные. Первое

---

[1]) Семевский. стр. 50.
[2]) Переписка Пушкина, т. I, стр. 340.
[3]) «Русск. Стар.», 1890, XI, 505.
[4]) Бороздин. Из писем и показан. декабристов. СПБ. 1906, стр. 70.
[5]) Переписка. I, 318.

письмо, стоящее в связи с 14 декабря, обращено к Жуко
скому. Письмо деловое. Пушкин просит Жуковского ход
тайствовать перед царем о разрешении ему возвратить
в столицу. «Вероятно»,—пишет он,—«правительство уд
стоверилось, что я к заговору не принадлежу и с возмут
телями 14 декабря связей политических не имел...
Но тут же спешит оговориться: «Положим, что правител
ство и захочет прекратить мою опалу, *с ним я готов усл
вливаться* (буде условия необходимы), но вам решительн
говорю не отвечать и не ругаться за меня. Мое будуще
поведение зависит от обстоятельств...» [1]).

Уже в этом письме Пушкин высказывается достаточн
определенно. Тут и речи нет о верноподданических чу
ствах, о преданности правительству. Безусловно созна
вая свою общественную силу, Пушкин собирается «усл
вливаться», входить *в договорные отношения с прав
тельством.*

В том же тоне письмо к бар. Дельвигу: Пушкин выра
жает желание «*помириться*» с правительством. «В это
желании»,—добавляет он,—«более благоразумия, нежел
гордости с моей стороны» [2]).

Наконец, и самое прошение на высочайшее имя о ра
решении выезда из деревни написано Пушкиным в то
же «договорном тоне». «В его прошении на высочайше
имя»,—замечает В. Е. Якушкин,—«мы даже не встр
чаем обычных в таком случае выражений верноподдани
ческих чувств, уверений в преданности и пр... Поэт ка
бы договаривается с правительством». «Во всем деле о
освобождении»,—добавляет Якушкин,—«и в прошени
и в переписке нет и тени унижения и ласкательства пер
властью» [3]).

Но вот Пушкин освобожден и является на прие
к государю. И там, самому Николаю, со свойственной ем
откровенной независимостью, заявляет, что, случись ем
быть 14 декабря в Петербурге, он бы, конечно, приня
участие в восстании [4]).

---

[1]) Переписка Пушкина, т. I, стр. 317—318.
[2]) Ibid., стр. 326.
[3]) В. Е. Якушкин. О Пушкине. М. 1899, стр. 50.
[4]) Об этом рассказывают все биографы Пушкина вплоть д
Анненкова, стр. 321.

Таков характер первоначальных отношений Пушкина с правительством. Он сохраняет всю свою старую независимость и отнюдь не вступает в компромисс со своими прежними убеждениями. Он, конечно, как правильно замечает Стоюнин, отлично сознавал, что один в поле не воин. Поэтому-то он и полагает, как и пишет Дельвигу, наиболее благоразумным заключить мир с правительством.

«Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости» [1], — пишет он Жуковскому. Если «образ мыслей» приходится хранить «про самого себя», то это значит, что он не согласуется с правительственным образом мыслей. Остается только удивляться той настойчивости, с которой многие исследователи старались навязать нам убеждение в происшедшем, будто бы, в Пушкине переломе.

Вернувшись в столицу, Пушкин нашел русское общество совершенно разгромленным. По выражению Якушкина, «Пушкин остался единственным главным представителем и носителем общественных идей 20-х годов». Что ж ему остается делать? «Он видит, что революция не удалась»,—говорит Якушкин,—«понимает, что повторение ее невозможно и нежелательно, он считает необходимыми другие, мирные, дозволенные средства». Оставшись чуть ли ни единственным носителем идей 20-х годов, он, «чтобы охранить их, этот, так сказать, груз, спасенный им из погибшего челна, решил не ставить их в резкое противоречие с победившим строем, выставлять и проводить их, насколько возможно при «общепринятом порядке». Этим, — по справедливому убеждению Якушкина,—«объясняется вся его общественная деятельность в царствование Николая» [2].

Итак, мы с полной уверенностью можем утверждать, что после 14 декабря никакого ровно перелома в политическом мировоззрении Пушкина не было. Он сохранил свои основные, руководящие идеи и только изменил

---

[1] Переписка, I, стр. 325.
[2] В. Е. Якушкин. Цитир. соч. 52—53.

взгляд *на возможные при данных условиях* средства дл
проведения их в жизнь.

После этих предварительных, так сказать, замечаний
переходим к самому инкриминируемому Пушкину мате
риалу. Как мы убедились выше, Пушкин сохранил свои
убеждения. Чем же тогда объяснить возникновение в нем
мыслей, изложенных им в записке «О народном воспита
нии» и в статьях о Радищеве, мыслей, казалось бы
в корне противоречащих его политическому мировоз
зрению?

О статьях, посвященных Радищеву, не относящихся
непосредственно к нашей теме, мы здесь распространяться
не будем: Герцен первый высказал мысль о том, что в ни
Пушкин прибегнул к иносказательному, эзоповскому
языку, с целью обмануть бдительную цензуру.

Эту мысль блестяще развил В. Е. Якушкин, найдя
горячих сторонников своей гипотезы в лице П. О. Моро
зова [1]), П. А. Ефремова, А. Л. Слонимского [2])
В. В. Водовозова [3]), Н. П. Сильванского [4]) и мн. др.
Напрасны были усилия В. А. Мякотина опровергнуть
якушкинскую теорию на том основании, что Пушкин, мол
неспособен был оперировать с эзоповским языком [5]).

Распространяться на эту тему, как выходящую из
плана нашей задачи, мы не станем. Интересующихся
отсылаем к вышеназванной статье В. Е. Якушкина.

Обращаемся к пресловутой записке «О народном вос
питании».

История ее вкратце такова [6]): 30 сентября 1826 год
Пушкин получил письмо от А. Х. Бенкендорфа, в кото
ром шеф жандармов писал ему следующее: «Ег
императорскому величеству благоугодно, чтобы в

---

[1]) Изд. «Просвещение», т. VI, стр. 641—642.
[2]) «Исторический Вестник», 1904, июнь, 970 и дальше.
[3]) Изд. Венгерова, т. VI, стр. 370—371.
[4]) «Путешеств.», под ред. Щеголева и Павлова-Сильванского
[5]) В. А. Мякотин. «Из истории русск. общества», СПБ. 190
стр. 299—300.
[6]) Подробно см. в статье М. И. Сухомлинова—«Император
Николай Павлович—критик и цензор сочин. Пушкина». «Ис
Вестн.», 1884, т. XV.

занялись предметами о воспитании юношества... Предмет сей должен представить тем обширнейший круг, что вы на опыте видели совершенно все пагубные последствия ложной системы воспитания» [1]).

Пушкин ничего не ответил на это письмо и, примерно, через месяц Бенкендорф счел нужным напомнить поэту о требовании государя. Вскоре после сего Пушкин представил свою записку. Впоследствии, в 1827 году, он говорил своему приятелю А. Н. Вульфу: «Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, но не надо же пропускать такого случая, чтоб сделать добро» [2]). Следовательно, и здесь, в этой записке, Пушкин проводил свои, противоречащие правительству, идеи. Недаром же записка эта, вызвавшая недовольство Пушкиным в либеральном лагере, не пришлась по вкусу Николаю. От имени государя Бенкендорф писал Пушкину: «что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительно основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число молодых людей» (т.-е. декабристов. *С. Г.*) [3]).

Таким образом, уже Николай учуял в записке Пушкина идеи, приведшие к декабрьскому восстанию. Как же случилось, что на основании той же записки такой тонкий знаток Пушкина, проф. П. Н. Сакулин, вывел отрицательное отношение Пушкина к декабристам?

Обращаемся к самой записке. Пушкин видит «корень всякого зла» в отсутствии воспитания. На ряду с различными преобразованиями спорного характера, не имеющими прямого отношения к нашей теме, мы встречаемся с требованием «не хитрить, не искажать республиканских рассуждений, не позорить убивства Кесаря (Юлия Цезаря. *С. Г.)*, превознесенного 2000-ми лет...», с категорическими требованиями уничтожения телесных наказаний и пр. Встречаются упоминания вроде того, что «в России все продажно».

---

[1]) Переписка, I, 375.
[2]) Л. Н. Майков. Пушкин. СПБ. 1899. Стр. 177.
[3]) Переписка, I, 394.

Но переходим к первой части записки, в которой ре
идет собственно о декабристах. Проверим, можно ли
основе ее утверждать отрицательное отношение Пушки
к декабристам.

«Последние происшествия обнаружили много печал
ных истин. Недостаток просвещения и нравственнос
вовлек многих молодых людей в преступное заблужден
Политические изменения, *вынужденные у других народ
силою обстоятельств и долговременным приготовлени*
вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамере
ных усилий».

Пушкин высказывается, как нам кажется, достаточ
определенно. Он не высказывается против самих «пол
тических изменений», проектировавшихся заговорщика
полагая их только преждевременными и Россию недост
точно еще подготовленной. Дальше читаем: «Должн
надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей загово
щиков, образумились; что, с одной стороны, они увиде
ничтожность своих замыслов и средств, с другой,
необъятную силу правительства».

Итак, если бы средства заговорщиков были сильне
а правительство слабее, вопрос для Пушкина решился б
повидимому, иначе. Но, коль скоро так, надо прибегну
к просвещению, к воспитанию, которые должны подгот
вить Россию к восприятию политических изменени
За полнейшим же разгромом общества, за вычетом дека
бристов, единственно, от кого можно было ожидать испо
нения этой задачи, было правительство.

Так понимаем мы значение этой записки и в это
смысле понятны слова, сказанные Пушкиным Вульф
о том, что он боялся упустить возможность сделать добр

Но в папке обвинителей Пушкина, из либерального
лагеря, имеются и еще два стихотворения Пушкина, обра
щенные к Николаю: «Стансы» и «Друзья».

Прежде всего вспомним, что Пушкин своим убежд
ниям не изменил; он только переменил взгляд на практ
ческое исполнение их, поняв необходимость, за отсу
ствием либеральной партии, действовать через правител
ство. «Необъятную силу» правительства он старается

использовать в интересах развития просвещения, прогресса. Он ищет и находит в Николае общие черты с Петром Великим и на этом основании надеется, что новое царствование пойдет на благо России. Но он приравнивает декабристов к буйным стрельцам, следовательно, отрекается от своих недавних товарищей? Конечно же, нет! Ибо мы знаем, что, тогда как «Стансы» были написаны 22 декабря 1826 года, за несколько дней до того, 13-го декабря, Пушкин написал послание Пущину, а вскоре после того, в 1827 году, «Послание в Сибирь» и «Арион». «Для правильной оценки «Стансов»,—говорит В. Е. Якушкин,—«надо стать на историческую точку зрения... Пушкин желает действовать с правительством, для этого оно должно быть просвещено, и он старается выяснить обязанности правительства по отношению к просвещению, указать ему, что, несмотря на все происшедшее, оно может, оно должно быть за прогресс и за реформы. Правительство раздавило вооруженное восстание, но, следуя примеру Петра, оно должно теперь итти по пути преобразования, допускать свободу оппозиции... Таков был смысл стансов, смысл самый благородный; тут не лесть, а высокое наставление власти» [1]).

Между тем, стихи эти вызвали ряд упреков. Даже друзья Пушкина видели в них грубую лесть, искательство перед новой властью. Пушкин, глубоко потрясенный этими упреками, спешит оправдаться в стихотворении «Нет, я не льстец», где он выясняет общие и частные причины, заставляющие его хвалить нового царя. В свою очередь, и эта пьеса вызвала такие же упреки, но и в этом случае Николай оказался, очевидно, прозорливее: выразив Пушкину одобрение, он, тем не менее, воспретил это стихотворение печатать!

Не следует удивляться тому, что Пушкин так жестоко обманулся насчет Николая. Мы знаем, что Николай, при всей своей ограниченности, был великим актером, и многие декабристы оказались жертвами того же обмана. Даже мрачный фанатик революции, П. Г. Каховский, попался на этот обман: «Счастлив подданный, слышавший от своего монарха: «Я сам есть первый гражданин отече-

[1]) Якушкин, 62.

ства, — писал он Николаю из крепости, — дай бог, чтоб отечество было у нас в совокупности с государем Я, желающий блага моей милой родине, благословля судьбу, имея случай излить чувства и мысли мои пере монархом моим, обещающим быть отцом отечества» [1]).

Смысл всех этих, тогда неизвестных публике, писе декабристов, обращенных к государю, тот же, что и смыс пушкинских стихов. Николай предстал им в маске про свещенного монарха, и они, перед смертью, как и Пуш кин, спешили излить ему душу, указать на те необходи мые преобразования, которые, как они тогда не сомнева лись, он не замедлит исполнить.

Надо ли удивляться тому, что Пушкин был обману таким же образом?

Естественно, что и отношение государя лично к Пуш кину дало основания этому последнему рассчитывать на то, что Николай будет монархом просвещенным. Госу дарь обласкал Пушкина, наобещал ему всякие льготы сам стал его цензором и пр. Действительную цену всех этим милостям Пушкин узнал очень скоро. Вопрос о фак тическом отношении правительства к Пушкину доста точно освещен уже в литературе и нам нет нужды снова подробно на нем останавливаться. Скажем вкратце: Пуш кин был поставлен в самое унизительное положение по отношению к Бенкендорфу, человеку грубому и мало образованному. Бенкендорф, который во всю свою жизнь не читал ничего, кроме рапортов и доносов, был сделан цензором и наставником Пушкина, «солнца русской поэзии». Без его ведома Пушкин не в праве был сделать шагу. Бенкендорф относился к нему неизменно свысока, с чувством превосходства, постоянно делая ему, по всякому поводу, замечания в тоне школьного наставления, от чего Пушкин неимоверно страдал [2]).

Возвращая Пушкина из деревни в столицу, Николай сделал красивый жест, проявил монаршую, просвещен ную милость. Но основная цель его была иная: приблизжением к себе поэта, он надеялся обезвредить его, поставив под бдительный надзор. И Пушкин, действительно,

---

[1]) Бороздин, стр. 19, подробно об этом см. в следующей главе.
[2]) См. переписка, т. II, письма к Пушкину Бенкендорфа.

л опутан сетью агентов, доносов и слежки [1]). Пушкин
одолжал считаться столь опасным, что набрасывал
нь подозрения даже на своих друзей. Для примера
иведем случай с таким вполне благонамеренным чело-
ком, как П. А. Плетнев.

9-го апреля 1826 года нач. гл. штаба И. И. Дибич
секретной записке запрашивал СПБ военного генерал-
бернатора П. В. Голенищева-Кутузова о характере отно-
ений Плетнева к Пушкину, на что Кутузов 16-го апреля
ешил ответить, что Плетнев «особенных связей с Пуш-
ным не имеет» и, «входя в бедное положение его, помо-
ет ему в издательских делах». Несмотря на то, 23-го
реля Дибич пишет Кутузову, «что государь повелел
зузнать достоверно, по каким точно связям знаком
летнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по
чинениям его, а также *установить ближайший надзор*
Плетневым». И 29-го мая Кутузов уведомил Дибича,
о секретный надзор за Плетневым установлен [2]).

Уже самая мнительная подозрительность правитель-
ва по отношению к Пушкину могла бы служить дока-
тельством того, что Пушкин не изменил своим убежде-
ям 20-х годов. Но выше мы имели целый ряд еще более
ловательных доказательств развиваемой нами мысли.
ы видели, что Пушкин остался прежним и что инкри-
нируемые ему сочинения отнюдь не стояли в противо-
чии с его стихами, обращенными к декабристам.

Даже осуждая, при данных условиях, революцию
аписка «О народном воспитании»), Пушкин мог обра-
аться к декабристам со словами:

Не пропадет ваш скорбный труд,

деясь, как и сами декабристы, что это послужит для
сского общества благородным примером, благодетель-
м толчком к более глубокому и широкому ознакомле-

---

[1]) Подробно: Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным
дзором. П. 1922.

[2]) Н. Е. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е. СПБ.
10, стр. 134—136.

нию с политическими науками, что, на основе прос
щения, в силу исторической необходимости, Россия з
люционным путем придет к тем самым реформам, ко
рые декабристы пытались провести с оружием в рук

Сохранив свои прежние идеи, Пушкин сохра
и прежние дружеские отношения к декабристам. Еще
своего михайловского уединения, он с невольным тре
том следит за судьбой петропавловских узников.
письма дышат страшной тревогой: «Неизвестно
о людях, с которыми находился в короткой связи, м
мучит. Надеюсь для них на милость царскую», — пи
он в январе Плетневу [1]). «Что Ив. Пущин?» — спра
вает он Дельвига в феврале месяце. «Мне сказывали,
20-го, т.-е. сегодня, участь их должна решиться — сер
не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую»
и т. д., и т. д.

Впоследствии он будет писать все в той же запи
«О народном воспитании»: «Вероятно братья, друз
товарищи погибших успокоятся временем и размыш
нием, поймут необходимость и простят оной в ду
своей». Но умом сознавая необходимость смирить
сознавая практическую нецелесообразность, в интере
самих же пострадавших, открытого протеста, Пушкин с
в душе своей далеко не примирился. Еще в августе пи
он Вяземскому: «Еще таки я все надеюсь на коронац
Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, брать
товарищей—ужасна» [3]). Но и с казнью декабрист
несмотря на уже совершившийся факт, Пушкин прим
риться не мог.

Вспомним стихи Пушкина, обращенные к декабр
стам, слова, сказанные им А. Г. Муравьевой при отъез
ее в Сибирь. И мы убедимся, что Пушкин, сохран
в основе идеи декабристов, сохранил и прежнюю любо
к ним, «120-ти друзьям, братьям, товарищам».

---

[1]) Переписка, т. I, стр. 321.
[2]) Ibid., стр. 327.
[3]) Переписка, т. I, стр. 364.

ГЛАВА V.

Самооценка декабристов.

1.

Декабристы далеко не все верили в возможность спеха заговора. Многие из них хорошо сознавали почти олную неизбежность неудачи. Рядовых членов тайных бществ эта неуверенность часто приводила к разочаро-анию, к уклонению от дальнейшего участия в заговоре, орой даже к дезертирству и ренегатству в самом худшем мысле этих слов. На вождей же тайного общества созна-ие обреченности действовало диаметрально противопо-ожно. Казалось, что они радостно идут навстречу йбели.

Теоретик декабристов—Пестель—больше других мог ерить в возможность успеха, ибо он с действительным оложением вещей соприкасался много меньше, чем те з заговорщиков, которые были призваны действовать потому более основательно могли учесть реальные силы реальные условия. Если впоследствии, имея уже позади есятки лет страданий, они все-таки не сожалели о своем еволюционном прошлом, сломившем их жизнь, значит ыло в их действиях, в их надеждах и чаяниях нечто верх обычной веры и желания успеха.

Декабрист Н. И. Лорер вспоминает, что когда ему первые собирались открыть существование тайного бщества, вдруг в комнату кто-то вошел; разговор пре-ратился, но вошедший оказался также заговорщиком, таким образом, разговор мог быть доведен до конца, Лорер был принят в тайное общество.

«Сорок лет прошло с того времени»—вспоминает он, «и я смело скажу, что ни одной минуты и ни разу я сожалел, что случилось так, а не иначе» [1]).

Кн. Волконский в своих «Записках», писанных семьдесят восьмом году жизни, говорил: «Мои убежден привели меня в Верховный Уголовный Суд, на каторг к тридцатилетнему изгнанию и, тем не менее, ни одного слова своего я и сейчас не откажусь» [2]).

Так говорили, как мы ниже увидим, очень и очен многие старики-декабристы. Где же источник этой необы чайной твердости духа, внутренней силы, благодаря кото рым блестящие гвардейцы, непосредственно из бальны зал попавшие во мрак сибирских рудников, через 40 ле с благодарностью могли вспоминать случай, приведши их в тайное общество?

«Декабристы»,—говорит Г. В. Плеханов,—«считали что их гибель даст благодетельный толчок развитию рус ской политической мысли, и готовы были пожертвовать собою для блага родины» [3]).

Эту мысль давно высказывали историки декабрьского движения.

Сознание обреченности и вера в великую действен ность приносимой жертвы особенно ярко сказались в Северном Обществе. Рылеев, душа и главный двигатель Северного Общества, вложил эту мысль в уста своего героя, Наливайки:

Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа;
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

---

[1]) «Русск. Бог.», 1904, кн. 3, стр. 69. Н. И. Лорер был при нят в «Союз Благоденствия» адъютантом начальника штаб второй армии, И. Г. Бурцевым, привлекшим к тайному обществу множество новых членов, в том числе и таких влиятельных, ка Е. П. Оболенский, И. И. Пущин, М. М. Нарышкин и др. Подробно о Бурцеве см. ниже.

[2]) С. М. Волконский. «О декабристах». П. 1922, стр. 114 Фраза эта, по цензурным условиям, не могла быть напечатана в «Записках» С. Г. Волконского, изд. 1901 г.

[3]) Г. В. Плеханов.—«14 декабря 1825 года». П. 1921, стр. 16.

Погибну я за край родной—
Я это чувствую, я знаю..,
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю.

(«Исповедь Наливайки»).

«Когда Рылеев писал «Исповедь Наливайки», — вспоминает Н. А. Бестужев,—«у него жил больной брат мой, Михаил Бестужев. Однажды он сидел в своей комнате и читал, Рылеев работал в кабинете и оканчивал эти стихи. Дописав, он принес их брату и прочел. Пророческий дух отрывка невольно поразил Михаила.

«— Знаешь ли, — сказал он, — какое предсказание написал ты самому себе и нам с тобою? Ты, как будто, хочешь указать на будущий свой жребий в этих стихах!

«— Неужели ты думаешь, что я сомневался хоть минуту в своем назначении, — сказал Рылеев. — Верь мне, что каждый день убеждает меня в необходимости моих действий, в будущей погибели, которою мы должны купить нашу первую попытку для свободы России и вместе с тем в необходимости примера для пробуждения спящих россиян».

«Мысль быть орудием или жертвою начатков свободы», — продолжает Николай Бестужев, — «наполняла все его существование, составляла единственную цель его жизни» [1]).

В тревожные декабрьские дни, предшествовавшие восстанию, заговорщики, учитывая наличные силы, конечно, уже знали, что восстание обречено на неудачу. Когда воссоздаешь в своем представлении картину этих последних дней, в течение которых декабристы беспрестанно собирались у Рылеева, невольно кажется, что все расчеты, все разговоры о том, как действовать, велись ими только для видимости. В их разгоряченных, экзальтированных умах рождались самые невероятные проекты. Как-будто все это делалось для фикции, в интересах соблюдения формы, тогда как всеми хорошо сознавалась обреченность и эта великая вера в действенность жертвы. «Умрем, но как славно умрем», — восклицал поэт князь

[1]) «Рылеев». Воспоминания Н. А. Бестужева. М. 1919, стр. 6—7.

Одоевский. «Не стану говорить о возможности успеха»,— замечает будущий диктатор декабристов, кн. Е. П. Оболенский,—«едва ли кто из нас мог быть в этом убежден Каждый надеялся на случай благоприятный, на неожиданную помощь, на то, что называется счастливою звездою; но, при всей невероятности успеха, каждый чувствовал, что обязан Обществу исполнить свое назначение, и с этими чувствами, этими убеждениями в неотразимой необходимости действовать каждый стал в ряды» [1]).

Действительно, таково было настроение виднейших заговорщиков. В самой неизбежной, как казалось, неудаче они видели высший смысл. Николай Бестужев,— вспоминал его брат Александр, — «чем более узнавал он Рылеева, тем менее стал доверять средствам общества и не раз говорил мне, что все это химера, но, после известия о смерти царя, он уже действовал по убеждению, что это принесет пользу отечеству» [2]).

Учитывая это настроение руководителей и вождей петербургских заговорщиков, мы, может быть, иначе будем оценивать действия декабристов в самый день восстания и нам не покажется таким нелепым их пассивное поведение на Сенатской площади. Они не могли не понять, что при индифферентизме народных масс, с двумя-тремя полками, они не могли покорить самодержавную Россию; возможный минутный успех неизбежно вызвал бы страшное кровопролитие и был бы безрезультатен, ибо, при своих ничтожных реальных силах, инсургенты не имели бы средств к закреплению успеха. Если накануне, в экзальтированной обстановке Рылеевского сборища, они еще могли рассчитывать на «счастливую звезду», то теперь, на площади, в виду стягивающейся массы противостоящих им войск, они должны были осознать всю иллюзорность, всю фантастичность своих надежд.

Эта «стоячая революция», как ядовито острили современники, — имела свой смысл. Без больших человеческих жертв декабристы достигали поставленной цели: «разбудить спящих россиян», стать искупительными

---

[1]) Воспоминания кн. Е. П. Оболенского. «Общ. движ. в России», стр. 250.

[2]) Н. А. Котляревский. «Декабристы». СПБ. 1907, стр. 413.

жертвами свободы. Тем, что 14-го декабря они не проявили агрессивных действий, они только доказали, что не были слепыми романтиками, фантазерами, неспособными учитывать действительность... Действительность продиктовала их решение не открывать бесполезной стрельбы, не итти в бесплодное наступление. Цель их и без того была достигнута.

Иное настроение господствовало на юге: там — и в Тульчине, и в Каменке, и в Василькове — безусловно верили в успех. «Дела Южного Общества»,—рассказывает через 30 лет кн. Волконский,—«замышляющего радикальный переворот (теперь скажу, — может быть, несбыточный, преждевременный), быстрыми шагами подвигались вперед» [1]).

Следовательно, тогда, тридцать лет назад, Волконский не сомневался в успехе. Тем более верили в успех С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин, создавшие целый ряд проектов военных переворотов. Верил, конечно, и Пестель; достаточно вспомнить отзывы о нем его начальников и товарищей-декабристов, чтоб убедиться в том, что деятельность Пестеля в тайном обществе была результатом строго продуманной и рассчитанной уверенности в успехе. К этому мы еще вернемся, когда снова столкнемся с Пестелем в Петропавловской крепости. Присоединению к Южному обществу Общества Соединенных Славян должно было только еще способствовать усилению этой уверенности. И в самом деле, казалось, что силы Южного общества были достаточно велики: Волконский командовал бригадой, безусловно ему преданной; кроме того, в состав Южного общества входил целый ряд полковых командиров: сам Пестель командовал Вятским пехотным полком, И. С. Повало-Швейковский—Саратовским, А. З. Муравьев—Ахтырским гусарским, В. К. Тизенгаузен—Полтавским, П. В. Аврамов—Казанским. Черниговский полк, в котором служило множество заговорщиков, был всецело предан, что он впоследствии блестяще доказал, С. И. Муравьеву-Апостолу; в артиллерии, входившей в состав 8-й дивизии, служило множество «Славян», ведших среди нижних чинов широкую пропаганду.

---

[1]) Записки Волконского, стр. 420.

Тем не менее, агрессивность действий Южного общест вызывала в некоторых членах серьезные опасен и сомнения в возможности успеха. К числу таких «сомн вающихся» принадлежал, например, полк. В. К. Тизе гаузен, человек уже пожилой и отчаянно волновавшийс за свою будущность. Особенно же горячо доказывал неи бежность провала М. И. Муравьев-Апостол. «Я вполн убежден, что пока ничего нельзя сделать»,—писал о еще за год до восстания,—«ничего не сделать и в Пете бурге. Наш образ действий, по моему мнению, порожде полным ослеплением... Наши силы—чисто внешние, у на нет ничего надежного... чтобы построить большое здани нужен прочный фундамент, а о нем-то менее всего думаю у нас» [1]).

Надо полагать, однако, что, сложись условия действи иначе, силы Южного общества были достаточно велики чтобы привести, если даже и не к победе заговорщиков то, во всяком случае, к серьезной междоусобной граждан ской войне, которая бы неизбежно послужила тяжелы ударом самодержавию.

Но обстоятельства сложились крайне неблагоприятн для заговорщиков. Бесчисленные доносы Витта, Бош няка, Шервуда, Майбороды—поставили Южное обществ в необходимость действовать даже без надлежащей под готовки. По доносу Шервуда, был арестован Ф. Ф. Вад ковский. Затем, 14-го декабря, в самый день петербург ского восстания, арестован был Пестель, а вслед за ним Юшневский и Павел Аврамов. В конце декабря пришли известия о событиях на Сенатской площади, а 31-го дека бря прибыл фельдъегерь с повелением арестовать С. И. Муравьева-Апостола, кн. Барятинского и Але ксандра Поджио [2]).

Все эти катастрофические события не могли не повлиять весьма сильно на многих, более малодушных заговорщиков, которых полный разгром тайного общества побудил озаботиться о собственной безопасности.

---

[1]) М. В. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов». Киев 1906, стр. 274—5.

[2]) А. П. Заблоцкий-Десятовский, цит. соч. Т. I, стр. 241.

Сергей Муравьев, освобожденный из-под ареста ротными командирами своего батальона, поднял восстание. Положение вещей было более, чем катастрофично; большинство вождей общества: Пестель, Юшневский, Барятинский, находились уже под арестом. Волконского, незадолго перед тем, роды жены и сознание неизбежности близкого ареста принудили поспешить в деревню проститься с семьей. Внезапность вынужденного обстоятельствами восстания обрекала его на неудачу, ибо, при полнейшей разобщенности еще остававшихся на свободе заговорщиков, несогласованности действий, невозможности моментальной концентрации сил, Муравьев оказался во главе одного только Черниговского полка [1]).

Верили ли С. И. Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин в возможность успеха, выступая в поход с одним только Черниговским полком? Матвей Муравьев говорил на следствии, что брат его с самого начала восстания нисколько не верил в благополучный исход его, что только силою обстоятельств он был поставлен в необходимость принять на себя командование. Ту же мысль развивал М. Муравьев и позднее, уже в 1871 году в своей статье о восстании Черниговского полка: «Неожиданные события, столь быстро последовавшие одно за другим: арест и затем немедленное освобождение, вследствие возмущения офицеров, поставили брата в безвыходное положение. Участвовавший в походах 1812, 1813 и 1814 годов, Сергей Иванович достаточно был сведущ в военном деле, чтобы не питать никакой надежды на успех восстания при силе, заключавшейся в горсти людей» [2]).

Едва ли можно заподозрить Матвея Муравьева в сильном искажении истины. Показывая на следствии, что брат его абсолютно не верил в успех восстания и был только вынужден стать во главе восставшего полка,

---

[1]) Подробно о восстании Черниговского полка см.: «Записки И. И. Горбачевского». М. 1916; М. И. Муравьева-Апостола—«Восстание Черниговского полка» в сб. Штрайха; Вадковский—«Белая Церковь» в лондонск. изд. «Записок декабристов» вып. 2—3; С. Берсенев—«С. И. Муравьев-Апостол». М. 1921; статья Ю. Г. Оксмана в сб. «Декабристы».

[2]) Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. «Воспоминания и письма». П. 1922, стр. 52.

Матвей Муравьев еще мог намеренно искажать истину в своем неуклонном стремлении, по возможности, ослабить вину брата, участь которого он предчувствовал. Но у него не было никаких оснований ту же мысль, буд она не соответствовала бы истине, повторять через сорок пять лет после того дня, когда Сергей Муравьев взошел на эшафот. «Успех восстания был сомнителен для Муравьева с самого начала»,—замечает П. Е. Щеголев,—«но подчиняясь силе обстоятельств, он вынужден был развивать все имевшиеся у него возможности для усиления восстания» [1]).

Сознавая, что восстание обречено на неудачу, Сергей Муравьев, конечно, сознавал и то, что в его власти приостановить действия и тем самым, в значительной степени, ослабить свою вину перед судом. Если при самоотверженной преданности его идее свободы этот мотив и не мог играть в его глазах никакой роли, то был и другой мотив, который глубоко-религиозным Сергеем Муравьевым не мог быть оставлен без внимания: поднимая восстание, он сознательно вел на гибель многих своих товарищей. И в самом деле, участники восстания Южного общества поплатились гораздо тяжелее петербургских: пор. М. А. Щепилло был убит в бою под Белою Церковью, М. П. Бестужев-Рюмин повешен, прапорщик Ипполит Муравьев-Апостол (младший брат Матвея и Сергея) и поручик А. Д. Кузьмин, давшие клятву победить или умереть, после поражения лишили себя жизни, остальные: И. И. Сухинов, бар. В. Н. Соловьев и А. Е. Мозалевский — по этапу отправлены в Сибирь в бессрочные, а А. А. Быстрицкий — двадцатилетние каторжные работы.

Учитывая безусловно все эти неизбежные следствия, Сергей Муравьев, тем не менее, не приостановил действий. Следовательно, и он, подобно Рылееву, Оболенскому, Николаю Бестужеву и др., веровал в то, что самая неудача восстания послужит первой ступенью к завоеванию свободы, послужит первым необходимым толчком, благородным примером. Вспоследствии, уже в крепости, в ожидании казни, Сергею Муравьеву пришлось успокаивать двадцатилетнего Бестужева-Рюмина, боявшегося

---

[1]) П. Е. Щеголев. «Историч. этюды», изд. 2-ое, стр. 345—346

смерти. Сергей Муравьев, как вспоминает его казематский сосед, «со стоицизмом древнего римлянина уговаривал его не предаваться отчаянию, а встретить смерть с твердостью, не унижая себя перед толпой, которая будет окружать его, встретить смерть, как мученику за правое дело России, утомленной деспотизмом, и в последнюю минуту иметь в памяти справедливый приговор потомства» [1]).

Так до самой смерти Сергей Муравьев сохранил непоколебимую веру в правоту своего дела, которому он отдал всю жизнь, веру в действенность, в продуктивность жертвы.

2.

Иное было состояние духа Павла Ивановича Пестеля. В 1922 году С. Я. Штрайх опубликовал два письма Пестеля из крепости к генералам В. В. Левашову и А. И. Чернышеву [2]).

Письма производят воистину жуткое впечатление. Пестель пишет: «Я не только отвечал на все вопросы вполне точно и правдиво, но кроме того, высказал все, что только мог вспомнить... Это было единственное средство, которым я мог доказать, как горячо и глубоко я сожалею о том, что принадлежал к тайному обществу. Поверьте, генерал, что это раскаяние заставляет меня испытывать непрестанные страдания и мучения, хотя я счастлив тем, что, по крайней мере, не принимал участия ни в каких действиях».

С. Я. Штрайх комментирует эти письма: «Ужасом предсмертной тоски они исполнены. Печальное разочарование сквозит в каждой строке...». Пестель растерялся, поняв, «что ему не спастись, ясно увидев виселицу, воздвигаемую для него Николаем Павловичем».

Нам кажется, что опубликование подобных писем, принадлежащих тем более вождю и идеологу декабристов, обязывает публикующего их к более солидному и основательному комментированию, основанному не только, по преимуществу, на голом тексте самих писем, но и на зна-

---

[1]) «Воспоминания о Кронверкской куртине. Из записок декабриста» (М. Пущин). «Полярн. Звезда». 1861, кн. 6, стр. 67.

[2]) «Былое», 1922, № 20, стр. 106—110.

комстве с обстановкой, в которой они создались, мож быть, даже на некотором экскурсе в психологию автор Иначе, конечно, у читателя неизбежно должно сост виться ложное представление.

Прежде всего, нам представляется совершенно неосно вательным объяснение этих писем страхом смерт Пестель не раз встречал смерть: герой Отечественно войны, получивший за отличие в Бородинском сражени (в котором он был ранен), золотую шпагу с надписы «За храбрость», он впоследствии за отличия в военны действиях 1813—14 г.г. получил ряд наград, до аннен ского креста 2-ой степени [1]).

Мог ли он после этого бояться смерти? «Печальное разочарование сквозит в каждой строке, в каждом слове»,—говорит С. Я. Штрайх. На этом замечании должн также остановиться подробнее. Надо помнить, что Пестел был человеком исключительных дарований, человеком выдающимся. Пушкин, вспоминая о своей встрече с Пестелем, говорил: «Умный человек во всем смысле этого слова... Он один из самых оригинальных умов, кото рых я знаю». Главнокомандующий 2-й армией, граф Вит генштейн, говорил, что Пестель везде будет на своем месте и на посту министра, и в командовании армией.

Нечего говорить уж об отзывах о Пестеле самих дека бристов: кн. Оболенский, Н. В. Басаргин, кн. Барятин ский, Н. И. Лорер — все преклонялись перед ним, верил в его гениальность [2]). Если такой человек десять лет своей жизни отдает всецело на служение одному делу, значит, что он глубоко верует в правоту этого дела, и едва ли разгром заговорщиков и заключение могут при вести его к «печальному разочарованию».

Вне всякого сомнения то, что причины, побудившие написать эти письма, надо искать глубже.

Вы, конечно, помните, как Подколесин дивился сме лости рабочих: «Какой это смелый русский народ! Стоят на самой верхушке... Я проходил мимо дома, так штука турщик штукатурит и не боится ничего...» Вот так и заго-

---

[1]) Н. Павлов-Сильванский. «Декабрист Пестель пред Верх. Уг. Судом», стр. 7.

[2]) Там же, сводка отзывов о Пестеле, стр. 3 и дальше.

ворщики, и первый Пестель, стояли на головокружительной высоте, подвергаясь постоянной опасности сорваться.

Если такой штукатур, балансирующий на дощечке, сорвется, он может разбиться на смерть, а может и остаться жить, но искалеченным. Что страшнее: умереть или притти в себя и узнать, что все члены твои переломаны, искалечены? Солдат, смело идущий в атаку, смело же умирает в строю, но если на залитых кровью носилках его, с оторванными снарядом ногами, приволокут в походный лазарет, он станет кричать, плакать...

Страшно быть физически искалеченным, еще страшнее быть искалеченным духовно; никто не бросит упрека в малодушии солдату, за минуту до того смело подставлявшему грудь под выстрелы, если он станет кричать в то время, как врач ковыряет окровавленными руками в его искалеченной ноге.

Пестель испытал нечто подобное, может быть, еще более страшное: нечистые руки залезали в его душу, извлекали оттуда на свет, на позорище самое заветное, светлое, мечты, которым были посвящены многие и лучшие годы жизни.

«Пестель всегда умно и упорно защищал свое мнение, в истину которого он верил, как обыкновенно верил в математическую истину»...—вспоминает И. Д. Якушкин.—«Из всех нас он один в течение почти десяти лет, не ослабевая ни на одну минуту, упорно трудился над делом тайного общества. Один раз доказав себе, что тайное общество верный способ для достижения желаемой цели, он с ним слил все свое существование» [1]).

И вот теперь судьи рисовали его в образе совратителя молодых неопытных офицеров, коверкали его идеи, мысли. Делу всей его жизни придавался ничтожный, жалкий характер. Смалодушествовавшие в первый момент следствия некоторые подсудимые из второстепенных членов Южного общества на очных ставках клеветали на Пестеля. П. В. Абрамов показывал на следствии: «Ежеминутно обдумывая горестное мое положение, могу сказать, что ввергнут в оное не собственным преступным каким-либо

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 23—24.

желанием, но *через обман меня полковником Пестел* злейшим из людей, с коими я встречался когда-ли в жизни» [1]).

Легко себе представить, каково было впечатление, пр изводимое всем этим на Пестеля, какую боль за св детище должен был он испытывать.

Было и еще одно обстоятельство, на которое долж быть обращено сугубое внимание. Вот, что рассказыва один из союзников: «Пестель говорил очень тихо. Он бы после болезни, испытавши всевозможные истязан и пытки времен первого христианства. Два кровавы рубца на голове были свидетелями этих пыток. Полага должно, что железный обруч, крепко свинченный голове, с двумя вдавленными глубокими желобами, ост вил на голове его свои глубокие два рубца» [1]).

Таковы были условия моральные и физические, в кот рых находился Пестель. Сейчас, не имея письменных св детельств, мы можем только догадываться о разыгра шейся в его душе драме. О ходе следствия он мог суди лишь по отзывам самой комиссии и по очным ставка с наиболее малодушными товарищами. Отсюда, во всяко случае, вначале должно было возникнуть в нем разочар вание. Но не в самом деле, а в заговорщиках, слагавш всю вину на него. Пусть таких было всего несколь человек, но он невольно прибегал к обобщению. Сознан того, что дело всей его жизни рухнуло безвозврат разочарование во многих товарищах, моральная пытк выражающаяся в бесконечных допросах, которых ем пришлось испытать больше всех, в осквернении его св тынь, наконец, пытка физическая — сделали свое дел в январе, т.-е через месяц, примерно, после аре Пестель переживает так хорошо знакомый многим дек бристам временный упадок духа.

Но, повторяем, даже в эти самые тяжелые для не дни, смерти Пестель не боялся. В письме Чернышеву высказывается вполне определенно: «Сообщите мне чт либо, чтобы вывести меня из угнетающей неизвестност которая, клянусь вам, в тысячу раз хуже смерти».

---

[1]) Павлов-Сильванский, стр. 4.
[2]) Пол. Зв., кн. 6, стр. 66.

Останавливают в письмах Пестеля еще заверения преданности государю. «После амнистии мое существование будет даром его (государя. *С. Г.*) великодушия, следовательно, должно будет состоять только из верности, усердия и полной исключительной преданности личности и семейству его величества».

Надо полагать, что эти строки лицемерны; не боясь смерти, как таковой, Пестель хотел, жаждал жить, иметь возможность исчерпать таившиеся в нем силы и возможности. Он один из многих декабристов, если не единственный, усвоил сполна правило, что «цель оправдывает средства», что «на войне все средства хороши». Этическая недопустимость убийства не помешала ему в решении подвергнуть истреблению всю царскую семью, коль скоро этого требовал успех революции, тогда как все прочие виднейшие декабристы, за исключением Каховского и Лунина,—и Рылеев, и Сергей Муравьев-Апостол, и Оболенский, безнадежно спотыкались об это противоречие.

Более, чем вероятно, что теперь, в интересах спасения своей жизни и свободы, Пестель с такой же легкостью пренебрег этической недопустимостью лжи, фарисейства, лицемерия. Вспомним, что и многие последующие революционеры поступали так же, например, М. А. Бакунин в своей знаменитой «Исповеди» [1]).

Степень допустимости этого приема с точки зрения этики революционной, — это вопрос иной, но обсуждение его не должно нас интересовать сейчас.

Пестель пережил временный упадок духа; ему, конечно, тем труднее было перенести крушение своего дела, коль скоро он веровал умом в его успех, не в пример своим товарищам, которые, как мы уже говорили, сознательно шли на самопожертвование. Но, повидимому, справился Пестель очень скоро. По крайней мере, вскоре после того протоиерей Мысловский, духовник декабристов, писал о нем следующее: «Сей преступник есть отличнейший в сонме заговорщиков, как по данному ему воспитанию, так и *по твердости духа*... везде и всегда был равен себе самому. *Ничто не колебало твердости его.* Казалось, он один готов был на раменах вынести тяжесть

[1]) См. об этом Полонский. «М. А. Бакунин», т. I, II. 1920.

двух альпийских гор. В комиссии всегда отвечал с вид
мою гордостью и с каким-то самомнением» [1]).

Достаточно ознакомиться с показаниями Пестел
чтобы найти подтверждение этому последнему [2]).

Итак, Пестель очень скоро вернул себе все свое сам
обладание. Приговор Пестель встретил совершенно сп
койно. «Первыми»—вспоминает сенатор Дивов,—«ввел
тех пятерых осужденных, которые приговорены к пов
шению. Я не заметил на их лицах ни малейшего см
щения» [3]).

Так же спокойно встретили все пятеро осужденны
смерть. «Они были совершенно спокойны»,—рассказы
вает помощник полицейского надзирателя, сопровожда
ший их на казнь,—«но только очень серьезны, точно ка
обдумывали серьезное дело» [4]).

Со смертью навсегда захлопывается для исследовател
книга мыслей человека; остаются только факты и доку
менты, а это, как мы только что видели, материал далек
не безупречный. Поневоле приходится прибегать к дога
кам. к общим умозаключениям.

Но нам кажется, что все высказанное должно при
вести нас к убеждению, что Пестель никогда и нисколь
не изменил своим убеждениям.

3.

Опубликованные письма Пестеля не стоят особняко
в литературе о декабристах. С некоторого времени публи
кация различных «покаянных» писем декабристов стала
чрезвычайно модной. Всевозможные «раскаяния» дека
бристов сделались каким-то общим местом. На рядового
читателя подобные письма производят ошеломляюще
впечатление; невольно в уме возникает вопрос о пере
оценке ценностей, о проверке героизма декабристов. Так
диктатор заговорщиков, кн. С. П. Трубецкой, уже давно
и бесповоротно осужден даже историками. «Для Трубец
кого нет оправдания», — говорит проф. М. В. Довнар

---

[1]) Павлов-Сильванский, стр. 3.
[2]) См. Павлов-Сильванский.
[3]) «Р. Ст.». 1897. № 3.
[4]) Общественн. движ. в России, стр. 464—465.

Запольский [1]). Мы с невольным ужасом читаем эти покаяния, эти многоречивые признания тех, в ком привыкли издавна чтить героев.

А между тем это не вяжется с тем, что мы знаем жизни этих «каявшихся». Кн. Трубецкой во время Отечественной войны славился своей храбростью и отличился под Бородиным, Люценом и Кульмом. Под артиллерийским огнем он шутил над падавшими духом офицерами. Другой «каявшийся», Г. С. Батеньков, прикрывая отступление при Монмирале, столь упорно защищал позицию, что был окружен и с 12-ю солдатами остался на месте. Официальное донесение гласило, что «потеряны пушки со всею прислугою, по чрезмерной храбрости командовавшего ими офицера».

Количество подобных примеров храбрости, проявленной будущими декабристами, можно увеличивать по произволу. На портретах вы всех их увидите украшенными великим множеством знаков отличия. Князь Волконский, входя в театр, из скромности не снимал шинели, чтобы показать свою грудь, сплошь покрытую орденами. Надо помнить и то, что во время восстания 14-го декабря и восстания на юге заговорщики под огнем неприятеля также проявили высшую храбрость.

Все это заставляет глубже призадуматься над якобы «недостойным» поведением декабристов на суде. До известной степени работа по «оправданию» декабристов уже сделана М. В. Довнар-Запольским [2]).

Он указывает на то, что среди подсудимых многие уже давно охладели к тайному обществу, а членами его были еще в ту пору, когда революционные мотивы не стояли во главе угла. «Для всех таких членов», — пишет М. В. Довнар-Запольский,—«был простой выход из положения — в откровенном признании... И многие старались это делать со всем усердием. Отсюда идет ряд разоблачений».

М. В. Довнар-Запольский указывает и на недопустимые следовательские приемы: «Является во дворец Була-

---

[1]) М. В. Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов». Киев. 1906, стр. X.

[2]) См. предисловие к его сборнику «Мемуары декабристов».

тов и отдает императору свою шпагу. Николай I его
лует, благодарит, называет товарищем. Штейнгелю он
поминает о многочисленном его семействе и обещает взя
на свое попечение. Розену обещает спасти. Гангебло
берет под руку и дружески расхаживает по кабине
с юным поручиком... Обещания «заступничества», «с
сения», «покровительства», рассыпались широко. Все э
сильно действовало. Многим просто могло казаться: на
быть откровенным и тогда никто не пострадает».

Надо помнить и то, что на допросах у декабрист
создавалось впечатление, будто правительству все у
известно и, следовательно, дальнейшее запирательст
уже бесполезно.

Надо помнить и условия их тюремной жизни. «Нехв
тало казематов, в виду множества жертв... Стекла око
покрытые в проклейку слоем мела, не пропускали в э
логовища солнца. Арестованный не мог делать более тр
или четырех шагов по диагонали... Были также испроб
ваны нравственные пытки. Заключенные получали иног
душераздирательные письма от своих родителей, кот
рые, будучи обмануты видимостью, воздавали слишко
громкую хвалу великодушию того, кто никогда его
проявлял (т.-е. Николая I. *С. Г.*). Священнику поручен
было приносить религиозное утешение, но, главным обра
зом, вызывать на признания... Часть заключенных на
ходилась на хлебе и воде. Многие имели кандалы на но
гах и руках» [1])...

Можно смело заключить, что, в виду всего этог
большинство заключенных не было во время следстви
вполне нормально. Декабрист Поливанов умер в крепо
сти, полк. Булатов разбил голову о каменную стену каз
мата, Фаленберг сошел с ума и оклеветал сам себ
многие: Я. М. Андреевич, И. Ф. Фохт, Г. С. Батенько
М. И. Муравьев-Апостол, Фурман, полк. Враницки
были на границе умопомешательства; Анненков—пытал
повеситься на полотенце. В таком состоянии создавали
эти «раскаяния». Полупомешанный Андреевич, три ме
сяца закованный в ручные и ножные кандалы, написа
в Следственный Комитет письмо сумасшедшего:

---

[1]) А. М. Муравьев. «Записки» П. 1922, стр. 19—21.

«Движимый горестью и удручением связующих меня елез. Кои заслужил я через мои преступные деяния, меливаюсь просить вторично правосудных членов вычайше учрежденного комитета; видя мое печальное радание, уважьте сию униженную просьбу, и, если есть зможность, облегчите участь мою, хотя снятием желез, коими я почти три месяца не разлучен, кои днем ночью мне не дают спокою» и т. д. И Комитет спешил свидетельствовать «раскаяние» поручика Андреевича [1]).

Все эти «раскаяния» производились в состоянии писа. Позволяем себе привести еще один только пример: учай с героем Отечественной войны, Батеньковым.

18-го марта Батеньков дал следующее показание: Странный и ничем для меня необъяснимый припадок, родолжавшийся во время производства дела, унизил ой характер. Постыдным образом отрекался я от лучего дела моей жизни... я не только был членом тайного щества, но член самый деятельный... Тайное общество ше... состояло из людей, коими Россия всегда будет рдиться... Чем меньше была горсть людей, тем славнее я них, ибо, хотя, по несоразмерности сил, глас свободы здавался не долее нескольких часов, но и то приятно, го он раздавался» [2])...

Вряд ли нужно еще говорить о «раскаяниях» декабриов. Должно помнить и то, что впоследствии, о чем уже ило говорено выше и к чему мы еще вернемся, декаисты сквозь каторгу и ссылку, через десятки лет пронесли непоколебимую веру в свое дело, в свои идеи.

Тем не менее, такой тонкий знаток декабристов, как Е. Щеголев, счел возможным сказать по этому поводу ледующее: «Привлеченные к следствию заговорщики— прапорщика до генерала—не проявили никакой стойсти, и с удивительной безудержностью спешили поветь своим судьям все тайные действия, все слова, выолвленные со значением и без значения, в пустой бол-

---

[1]) П. Е. Щеголев. «Николай I и декабристы». П. 1919, р. 5—6.

[2]) Д. С. Мережковский. «От войны к революции». П. 1916, р. 113.

товне, все мысли, даже самые сокровенные; спешили звать возможно больше имен, хорошо зная, что вс указание влечет за собою арест; не останавливались временам даже перед наветами и оговорами своих т ршей и раскаивались, раскаивались без конца. Сл вали *без особых усилий* добивались от своих подс ственных ответов на все вопросы».

Любопытно узнать, что же тогда понимает П. Е. голев под «особыми усилиями», коль скоро все можные моральные и физические пытки, о которых р была выше, в применении к декабристам, не произв на него ровно никакого впечатления?

И чем мы тогда сможем объяснить тот факт, что, ворив и тем самым погубив друг друга, декабрис будучи насильственно собраны в одном месте, сплотил в такую дружную, неразрывную семью? П. Е. Щего не разъясняет этого нашего недоумения, но сами де бристы-мемуаристы позаботились об этом. Они расс зали, что в их беседах разъяснились все уловки и не пустимые следовательские приемы, и сами же они щищают от нападок своих многоречивых товарищей: леева, Трубецкого и др.[1]).

Но в устах П. Е. Щеголева все эти обвинения п обретают внутренний вес и заслуживают сугубого в мания, которого они не вызвали бы в нас, если бы ис дили от лица менее компетентного. Поэтому нам при дится на этом остановиться несколько подробнее.

П. Е. Щеголев утверждает, что на следствии все говорщики были болтливы. В опровержение его слов п водим факты, в первую голову, конечно, относитель виднейших декабристов: так, Лунин и Иван Пущин допросах проявили замечательную стойкость, упор отмалчиваясь, не называя никаких имен и будучи п странны только в показаниях, лично до них касавших А. П. Юшневский и И. С. Повало-Швейковский либо в отрицали, либо давали нарочито путанные ответы; А. Барятинский и В. Л. Давыдов «вспоминают» какие-ли

---

[1]) См., напр., воспоминания Н. А. Бестужева, И. Д. Яку кина, П. Н. Свистунова.

факты только тогда, когда убеждаются в том, что эти факты и без того доподлинно известны Комитету. Наконец, Пестель, Волконский, С. Муравьев, Никита Муравьев, Бестужев-Рюмин, Якушкин начали с упорного отрицания имен и фактов, и лишь когда увидели, что Комитету и без того очень многое известно, они стали откровеннее, но, излагая чистосердечно факты и личное свое участие, упорно воздерживались называть новые имена. Якушкин, например, назвал двоих из принятых им членов, Пассека и Чаадаева, из которых первый уже был в могиле, а второй—заграницей, следовательно, обоим повредить он не мог [1]).

Так держали себя вожди заговорщиков. О поведении рядовых декабристов мы распространяться здесь не будем. Из них многие, действительно, не выдержали испытания. С причинами этого мы уже познакомились выше. П. Е. Щеголев стоит особняком в своем убеждении, что следователями не было применено никаких «особых усилий» [2]).

Далее П. Е. Щеголев пишет: «Напрасно было бы объяснять такое чрезмерное обнажение тайн сознательным стремлением уяснить правительству смысл и значение своей заговорщицкой деятельности и, таким образом, как бы продолжить пропаганду дела. Такое объяснение не отвечает положению вещей, ибо, надо признать, огромное большинство декабристов выказало самое настоящее малодушие. Если бы они не были на следствии так красноречивы, так многоглаголивы, если бы больше думали о возможных результатах своих оглашений и выдач, то, несомненно, было бы меньше жертв, меньше страданий и самая революционная идея не была сведена к тому ничтожному бытию, в какое она попала после суда над декабристами» [3]).

Но, ведь, одно дело, если заговорщики выдавали и оговаривали своих товарищей, другое дело—если они рас-

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 100.

[2]) Подробно, кроме мемуарной литературы, см. у Боровкова, а также в сб. М. В. Довнар-Запольского, «Мемуары декабристов», в предисловии.

[3]) П. Е. Щеголев. «Декабристы». II, 1920, стр. 13.

пространялись о целях, идеях и действиях тайного об
ства. По этим двум пунктам нельзя ни в коем случ
как это делает П. Е. Щеголев, ставить общий диагн
ибо первое—определенно предосудительно и могло бы
вызываемо исключительно своекорыстными расчета
во втором же случае заговорщики могли руководст
ваться различными побуждениями. Разберемся в эт
в отдельности.

Автор говорит, что если бы заговорщики меньше о
варивали своих товарищей, то было бы и меньше жер
Между тем, мы знаем, что из многих сот заговорщик
только сто двадцать подверглись суду, да еще сто чел
век—исправительным наказаниям. П. Е. Щеголев уп
скает, очевидно, из виду бесконечные доносы на декабр
стов, начавшиеся еще с 1821 года, доносами Бенкендор
и Грибовского, которые нашли себе продолжателей в ли
Шервуда, Майбороды и др. Вследствие этого еще в 18
году правительство знало поименно множество загово
щиков: на юге Пестель, Вадковский, Юшневский, Серг
и Матвей Муравьевы, Бестужев-Рюмин, Барятинск
А. Поджио, П. Аврамов и др. были арестованы еще преж
восстания. В Петербурге Николай 12-го декабря пол
чил от барона Дибича из Таганрога список заговорщ
ков. Из 120 декабристов, осужденных Верх. Угол. Судо
свыше 30-ти, т.-е. более четвертой части, лично участв
вали в мятеже, следовательно, и их арест не нуждало
в оговоре. Благодаря всему этому, большинство заговор
щиков было арестовано в самый день 14-го декабря и п
том, 15-го и 16-го.

Эти цифры и факты, сами по себе, опровергают утве
ждение, что декабристы сами способствовали увелич
нию количества жертв. Огромная масса арестованны
либо лично участвовала в мятеже, либо же была поим
нована в доносах. Еще в доносе 1821 года было поимен
вано двенадцать заговорщиков, в бумагах арестованно
В. Ф. Раевского оказался список всех южных членов; та
кие же списки представили Шервуд, Витт и Майборода
Далее мы не знаем точного содержания беседы Ростов
цева с Николаем. Воистину, декабристов нельзя заподо
зрить в том, что они вовлекли в процесс множество но
вых лиц.

Что же касается второго пункта, то тут распространяться много не приходится, ибо об этом уже много говорено выше и еще речь впереди. Но неужели П. Е. Щеголев действительно полагает, что если б заговорщики укрыли от суда свои идеи и цели, если б число жертв было меньше и если б тогда правительство смогло покончить с декабристами втихомолку, не наделав такого шума,—14-е декабря сыграло бы бо́льшую роль в истории развития русской революционной мысли? На это ответом может послужить все содержание настоящей работы.

Мы остановились несколько подробнее на вопросе о «покаяниях» и «разочарованиях» Пестеля и других декабристов потому только, что хотели раз и навсегда реабилитировать память их от всех этих поверхностных суждений, засоряющих тот истинный духовный облик их, который нам должно хранить.

4.

«Виновность определяется не действиями, а намерением... Само деяние, и все с ним связанное, не доказывает еще ничего, ибо можно сделать много зла при самых благих намерениях и много добра—при самых превратных» [1])...

После объявления смертного приговора, Сергей Муравьев-Апостол писал эти строки отцу, из крепости.

Пришла пора декабристам оценивать происшедшее. После первого упадка духа, большинство из них, повидимому, скоро оправилось; это можно заключить на том основании, что все они с абсолютным спокойствием выслушали приговор.

Вопрос о том, как держать себя на следствии, как мы уже видели выше, для них решался различно. Мы говорим, конечно, о тех, которые остались верны руководившим ими идеям. Барятинский, Ив. Пущин, Юшневский, Повало-Швейковский старались говорить возможно меньше, постоянно ссылаясь на запамятование, на то, что не вполне понимают задаваемые Комитетом вопросы.

---

[1]) Сборн. Зензинова, стр. 32.

Особенно в этом отношении выделялся Лунин, проявивший исключительную твердость в «запамятовании» фактов и имен. Другие — Пестель, Сергей и Никита Муравьевы, Бестужев-Рюмин, Волконский, начав тоже с отрицания и «запамятования», вскоре, убедившись, что Комитету многое известно, стали пространно излагать факты, замыслы, изъяснять степень личного их участия в заговоре, стараясь только не впутывать лиц, еще не известных правительству. Сознавая, что для них это последний случай высказаться, что им предстоит либо умереть, либо быть заживо погребенными, они боялись похоронить, унести с собою, в себе, свои идеи, свои помыслы и стремления, те насущные требования, гласное изъявление которых составляло основную цель их участия в заговоре, обреченном на неудачу. Ведь, иначе если б они погибли ошельмованными, не досказав, не объяснив того сокровенного, за что они погибли,—их жертва оказалась бы бесплодной. И они бросают в лицо своим следователям смелые истины, ибо это был единственный путь придать им гласность.

Было и еще нечто, что побуждало многих декабристов быть не в меру откровенными и многоречивыми; это актерская игра, которою столь блестяще обманул их Николай I. Мы уже говорили о следовательских приемах, применяемых Николаем [1]).

Ему удалось не только усыпить недоверие к нему декабристов, но и убедить их в том, что он чуть ли не единомышленник их, что он преисполнен одинаковыми с ними чувствами, также стремится к преобразованиям и всеми силами хочет облегчить их участь. Отсюда у них, таких цельных и прямых людей, мерявших всех на свой аршин, складывалось убеждение, что нужно только быть откровенным, и это спасет многих невинных.

«Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели других—мука нестерпимая»,—писал Каховский из крепости государю.—«Я, растерзанный, у ног ваших умоляю, государь, спасите несчастных» [2]).

---

[1]) Подробно об актерстве Николая в монографии П. Е. Щеголева: «П. Г. Каховский», М. 1919, стр. 89 и дальше.

[2]) Сб. Бороздина, стр. 26.

Вспомним, что таким же образом вся мыслящая Россия, в том числе даже Пушкин, была обманута видимым милосердием Николая.

С другой стороны, декабристы безусловно уверовали в то, что Николай с искренним участием внемлет их стремлениям, что он жаждет тех же преобразований. И они ужасались пред тем, что на него, царя-реформатора, готовы были поднять руку.

И, не довольствуясь показаниями, декабристы спешат в письмах к царю изложить причины, приведшие их к заговору, высказать свои требования, твердо веруя в то, что Николай поймет их и исполнит.

«Уверенный, что вы, государь, любите истину, я беру дерзновение изложить пред вами исторический ход свободомыслия в России и вообще многих понятий, составляющих нравственную и политическую часть предприятия 14 декабря»,—пишет Ал. Бестужев [1]). Та же мысль была и у других корреспондентов Николая из крепости. А. И. Якубович пишет: «Когда меч правосудия висит над моей головой, хочу хотя истиной служить отечеству и, как награды за сей поступок, прошу, государь, доверенности к моим словам, она (т.-е. доверенность. *С. Г.)* поведет к счастью миллионов граждан и даст вам прочную славу и благодарность поданных и любви потомства» [2]).

«Умоляю ваше величество»,—пишет барон Штейнгель,—«благом многих миллионы» людей, коих вы нареклись отцом: не презрите моих наблюдений и сведений. Дерзаю представить обнаженную истину: она должна быть доступна престолу мудрого монарха, восприявшего бразды правления с намерением—жить для отечества» [3]).

В это последнее декабристы верили все. Николай знал, чем купить их доверие. «Счастлив подданный, слышавший от своего монарха: «Я сам есть первый гражданин отечества»,—пишет Каховский.—«Я, желающий блага моей милой родине, благословляю судьбу, имея случай излить чувства и мысли мои перед монархом моим, обещающим быть отцом отечества» [4]).

---

[1]) Бороздин, стр. 35.
[2]) Ibid, стр. 55.
[3]) Ibid, стр. 75.
[4]) Ibid, стр. 19.

И, действительно, в этих письмах они открывают Николаю суровые истины. Тот же Каховский пишет: «Государь! Я видел слезы сострадания на глазах ваших. Вы человек, вы поймете меня! Можно ли допустить человеку, нам всем подобному, вертеть по произволу своему участью пятидесяти миллионов людей? Где, укажите мне страну, откройте историю,—где, когда были счастливы народы под властью самодержавной, без закона, без прав» [1]). Это ли язык «чистосердечного раскаяния»?

И все они,—идеалист-фанатик Каховский, и расчетливый, ученый Штейнгель,—веруют в дальнейшее развитие идей, посеянных декабристами. «Одинаковое чувство»,—пишет Каховский,—«одушевляет все народы Европы и сколь ни утеснено оно, но убить его невозможно: сжатый порох сильнее действует. И пока будут люди, будет и желание свободы» [2]).

А Штейнгель выражается еще определеннее: «Сколько бы ни оказалось членов тайного общества или ведавших про оное, сколь бы многих по сему преследованию ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования... Чтоб истребить корень свободомыслия, нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование. Но если сие невозможно, то остается одно: препобедить сердца милосердием и увлечь умы решительными, явными приемами к будущему благоденствию России» [3]).

Так, на краю смерти, в крепости, декабристы сохранили веру в свое дело и в то, что оно принесет благодатные плоды.

Указывая Николаю на отсутствие средств борьбы с теми идеями, которые были провозглашены 14 декабря, декабристы тем самым доказывали, что единственный возможный путь для правительства—удовлетворение этих самых требований.

Итак, необходимо было декабристам высказаться в последний раз. Но они не имели возможности притти к пред-

---

[1]) Ibid, стр. 24.
[2]) Ibid, стр. 15.
[3]) Ibid, стр. 69—70.

зарительному соглашению, строго продумать то, что следовало говорить, а что следовало утаить. Решать надо было моментально, стоя перед следовательским столом или в темнице. «Согласно с нашею мыслью, чтобы знали, чего хотело наше общество»,—вспоминает Н. А. Бестужев,—«Рылеев открыл многие вещи, которые открывать бы не надлежало» [1]).

Но где критерий? И можно ли осудить за лишнее слово человека, душа которого раскрывается в последний раз перед смертью?

Нам нет нужды подробно останавливаться на тех требованиях, которые декабристы излагали в своих показаниях и в письмах к царю, ибо это не входит в план нашей работы. Они излагали политическую, общественную, нравственную программу декабризма. Казалось, ни один мельчайший вопрос не был оставлен ими без внимания. Они излагают свои мысли о просвещении, об учебных заведениях, о торговле и промышленности, о судопроизводстве, о состоянии войск, о военных поселениях, о положении различных сословий, о влиянии иностранцев и, конечно, о крепостном праве и т. д. Они повторяли в целости всю свою программу.

Таким образом, мы видим, что декабристы после 14-го декабря сохранили то же отношение к смыслу и значению заговора, которое, если и не совсем сложилось, то уже начинало слагаться в них еще до восстановления.

Эта оценка их сводилась к убеждению в том, что их «скорбный труд не пропадет», что жертва не останется безответной, принесет плоды, что голос их будет услышан теми, кому услышать его должно. Явилась и новая вера в то, что правительство само пойдет по пути преобразований. И эта наивная вера лишний раз доказывает их целостность.

Декабристы умирали легко, потому что верили, сердцем знали, что смерть их нужна России, что кровь их—кровь искупительная. «Положите мне руку на сердце и посмотрите, скорее ли оно бьется»,—сказал Рылеев священнику, сопровождавшему его на казнь [2]).

---

[1]) К. Ф. Рылеев. Воспоминания Н. А. Бестужева. М. 1919, стр. 53.

[2]) Ibid, стр. 55.

А Каховский писал государю:—«Жить и умереть дл меня одно и то же. Мы все на земле не вечны; на престол и в цепях смерть равно берет свои жертвы... Но что може быть слаще, как умереть, принеся пользу?» [1]).

Тот же Каховский, по словам современников, сто перед виселицей, сказал: «Зверя поймали, да зубы оста лись». «От людей можно отделаться, но от их идей— нельзя!»—писал много позднее из Сибири Лунин. С этой уверенностью в том, что посеянный плод взойдет, умерл пятеро из декабристов на виселице и с этой же уверен ностью остальные пошли на каторгу.

5.

Эшафот на кронверке Петропавловской крепости бы только еще первым действием той драмы, которой участ никами были декабристы. После 13 июля стали отъезжать от ворот крепости фельдъегерские тройки, унося декабри стов к новой жизни. Тогдашняя Сибирь мало чем на поминала Сибирь, которую мы теперь знаем. Это воисти ну была живая могила.

Условия жизни декабристов на каторге достаточно хо рошо известны. Мы знаем, что долгое время с них не сни мали кандалов, что вначале в их камерах не было окон, что ответ на письмо приходил, примерно, через год, ле карства получались, когда в них давно уже миновала нужда и т. д., и т. д. Известно и то, что около ста людей, абсолютно изолированных от мира, были заключены в одно тесное помещение, исключавшее почти всякую воз можность уединения. Между ними были гордые потомки Рюриковичей и Гедиминовичей, были и мелкопоместные, разоренные дворяне, люди самых различных—и жизнен ных, и политических—credo. Надо помнить и то, что в быт ность их в тайных обществах, им всем приходилось не раз жестоко спорить и расходиться; что пережитый ими в крепости кризис, невольные оговоры друг друга, страш ные очные ставки, когда, в виду грозящей смерти, мно гим случалось отстаивать свои показания во вред дру гому,—все это легко могло создать неловкость, неприязнь,

---

[1]) Бороздин, стр. 23.

двусмысленность отношений. Очень многие и вообще не были прежде знакомы между собою.

Но было нечто сверх всего этого, что объединило их всех воедино, создало одну, крепко спаянную, дружную семью, из этих насильственно согнанных, разношерстных людей. Декабристов объединяло сознание общности жертвы и общая вера в действенность их подвига. Казалось бы, именно теперь, когда буря уже отшумела, улеглась, и остались только причиненные ею разрушения, декабристы должны были ужаснуться происшедшему, пасть духом.

Ничего подобного мы не встречаем. Они все замечательно бодро переносили свое изгнание, продолжая вести культурную жизнь, работая и совершенствуясь. Чем это объяснить? В 1827 году кн. Одоевский, один из самых молодых декабристов (род. в 1803 г.), отвечая на послание Пушкина, писал:

... будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы...
Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...

Итак, вот источник духовной крепости декабристов.

Вскоре после того Лунин, при содействии своих товарищей, написал два сочинения—«Взгляд на тайное общество» и «Разбор донесения Следственной Комиссии», о котором уже было говорено выше.

Прежде чем обращаться к этим сочинениям, должно сказать несколько слов об их авторе. Лунин являлся одним из наиболее убежденнейших революционеров. На следствии, на трафаретный вопрос: откуда и когда заимствовал он свободный образ мыслей, Лунин кратко и резко ответил: «Свободный образ мыслей образовался во мне с тех пор, как я начал мыслить, к укоренению же оного способствовал естественный рассудок» [1]).

Тем не менее, Лунин очень скоро охладел к тайному обществу и, уехав в 1821 году в Варшаву, потерял с ним всякую связь. Однако ж, когда стало в Варшаве известно о событиях 14 декабря, Лунин категорически отказался

[1]) Декабрист М. С. Лунин. «Сочинения и письма». Редакция и прим. С. Я. Штрайха. П. 1923, стр. 94.

от предоставленной ему цесаревичем Константином воз
можности бежать, пожелав разделить судьбу своих това
рищей. Объясняя на суде причины отдаления своего от
тайного общества, Лунин говорил: «Причины, побудив
шие меня уже с давнего времени к тому, были: непостоян
ный и безуспешный ход занятий общества, изменения в
предположенной цели и в средствах к достижению оной,
бесполезное размножение членов»,—и пр. «Не поставляю
себе в оправдание отдаление мое от тайного общества»,—
спешит он оговориться,—«ибо я продолжал числиться в
оном и при других обстоятельствах продолжал бы, ве
роятно, действовать в духе оного» [1]).

С «Разбором Донесения» мы уже знакомы. «Взгляд
на Русское Тайное Общество» отражает в себе всю исклю
чительную, непоколебимую веру декабристов в великую
пользу, принесенную тайным обществом.

«Тайное 10-летнее существование, при подозритель
ном и враждебном правительстве»,—пишет Лунин,—«до
казывает, что Т. О. руководилось мудростью и было по
сердцу народу» [2]).

Лунин излагает все задачи декабристов. Вместе с тем
он верует в продуктивность деятельности тайного обще
ства: «Оно рассеяло едва ли не общий предрассудок о не
возможности другого, кроме существующего, порядка и
убедило народ, что раболепство перед лицами должно за
мениться повиновением закону... Нравственное влияние
произведенное развитием этих идей, было так сильно, что
император Александр обязался даровать конституцию
русским, когда они в состоянии будут оценить пользу
оной. (Речь на Варшавском сеймe 1818 г. 15 марта)... Т. О.
даже после своего разрушения, проявляется в сущности
каждого правительственного постановления и в каждом
замечательном событии последнего десятилетия» [3]).

«Существенные вопросы конституционного порядка
были установлены и так объяснены, что решение их в бу
дущности, более или менее, отдаленной, стало неиз
бежно» [4]).

---

[1]) Сочинения и письма, стр. 95.
[2]) Ibid, стр. 61.
[3]) Ibid, стр. 63—64.
[4]) Ibid, стр. 61.

Лунину не суждено было дожить до «Великих Реформ», он умер в 1845 году. Случись ему быть их свидетелем, он бы, конечно, не удовлетворился этими куцыми, жалкими реформами, но, тем не менее, предсказание его уже и тогда до известной степени оправдалось; ибо, безусловно, наряду с экономическими факторами, побудительной причиной к проведению реформ было и развившееся общественное мнение, источником которого было 14 декабря. Так, вопрос об уничтожении крепостного права не сходил с очереди с той поры, как он был возбужден с такой настойчивостью декабристами.

Особенно сильно и ярко звучат заключительные строки лунинской статьи: «Власть, на все дерзавшая, всего страшится. Общее движение ее—не что иное, как постепенное отступление, под прикрытием корпуса жандармов, перед духом тайного общества, который охватывает ее со всех сторон. *От людей можно отделаться, но от их идей нельзя.* (Car on se defait des hommes, mais non pas de leurs idées).»

«Желания нового поколения стремятся к сибирским пустынями, где славные изгнанники светят во мраке, которым стараются их затмить. *Их жизнь в заточении постоянно свидетельствует об истине их начал.* Их слово так сильно, что запрещают выражать его даже в простых письмах к родным. У них отняли все: звание, имущество, здоровье, отечество, свободу; но не могли отнять у них любовь народную» [1]).

Еще сильнее письма Лунина из Сибири. Обращены они к сестре его Е. С. Уваровой, но сам Лунин видел в них агитационное средство. «Письма из Сибири»,—пишет он,—«по своему политическому содержанию обратили на себя внимание правительства. Генерал-губернатор передал мне повеление не писать в течение года. Запрещение излагать свои мнения свидетельствует о важности их и о той робости, которую вообще люди испытывают при первом взгляде на истину» [2]).

Дабы не перегружать нашу работу порой неизбежными отступлениями, мы вынуждены из великого множе-

---

[1]) Ibid, стр. 66. Курсив наш. *С. Г.*
[2]) Ibid, стр. 29.

ства интересных и блестящих мыслей Лунина выбра
только то, что непосредственно касается тайного об
ства.

Большое место уделяет Лунин в своих письмах
просу об уничтожении крепостного права. Говоря о
слугах тайного общества в деле раскрепощения к
стьян, он замечает: «Нравственное влияние тайно
союза на умы произвело местное уничтожение барщин
частное освобождение, произведенное многими владел
цами, и общее улучшение в состоянии рабов. Замети
что эта важная отрасль трудов тайного союза заслуж
ла, повидимому, одобрение правительства, ибо ни Сле
ственная Комиссия, ни Верховный Уголовный Суд не ра
судили за благо упомянуть об оной ни в донесении,
в приговоре» [1]).

Вместе с тем, Лунин уже знает, откуда надо ждать р
волюции: «Из вздохов заключенных под соломенны
кровами рождаются бури, низвергающие дворцы»,
восклицает он [2]).

Итак, дворянство только зачало революцию, но в эт
зачатии, в этом первом акте революции 14-го декаб
огромная сила.

Эти письма, писанные, примерно, через 10 лет пос
ссылки, хранят ту же действенную веру в великий смы
тайного общества. «Постепенно зреющая мысль в кра
нашем должна снова обратить общее внимание на де
тайного общества. Общественное мнение развивает
быстро, когда над ним лишь надзирают, не направля
его... Это естественный ход в политике. Когда вопрос
разрешен, а только замят или обойден, то он всплыва
опять, порождая неожиданные затруднения, вначале
существовавшие» [3]).

С этой неиссякаемой верой в конечное торжеств
своих идей, верой в то, что их «скорбный труд не пр
падет», несли декабристы свое изгнание.

---

[1]) Ibid, стр. 49.
[2]) Ibid, стр. 53.
[3]) Ibid, стр. 44. Подробно о М. С. Лунине см.: С. Я. Гессе
и М. С. Коган—Декабрист Лунин и его время, Лен. 1925.

Конечно, так думал, так верил не один Лунин, а большинство декабристов, начиная от наиболее выдающихся и деятельных и кончая рядовыми заговорщиками. Если Волконский мог с гордостью заявить, что он не отказывается ни от одного произнесенного слова, если Лорер мог благодарить случай, приведший его в тайное общество, значит, оба они,—и Волконский, один из вождей заговорщиков, и Лорер, во всех отношениях рядовой декабрист,—глубоко верили в продуктивность своей деятельности.

Совсем уже незаметный декабрист, Ал. Мих. Муравьев, брат Никиты, увлеченный случаем в заговор, в Сибири пишет записки, посвящая их жене и детям; он пишет: «Читая эти строки, они узнают, что их изгнанный отец страдал за прекрасное и благородное дело и что он мужественно нес цепи за свободу своего отечества» [1]).

Другой, такой же незаметный декабрист, П. С. Бобрищев-Пушкин, иронизирует над правительством в цитированной выше басне «Брага», указывая на неизбежность при данных условиях политического взрыва [2]).

Должно помнить, что декабристы вынуждены были с чрезвычайной осторожностью говорить о своем прошлом, для которого еще далеко не наступило время истории. Известна судьба Лунина: за свои политические сочинения и письма Лунин, проживавший уже на поселении в Урике, был отправлен в Акатуйскую каторжную тюрьму, где вскоре и умер.

Поэтому, в своих мемуарах, писанных ими по большей части еще в Сибири, декабристы стараются передавать только голые факты, в надежде, что факты и сами будут говорить за себя более красноречиво, чем то могли сделать они. Но у всех у них теплится эта вера, сознание того, что они исполнили свой долг, сделали то, что сделать им надлежало.

М. А. Бестужев вспоминает свои мысли, когда он, через два дня после восстания, шел в Зимний дворец, чтобы отдать себя в руки правительства, с целью разделить участь своих товарищей. Михаил Бестужев был

---

[1]) А. М. Муравьев. Записки. П. 1922, стр. 11.
[2]) Декабристы. Материалы и характеристики. М. 1907, стр. 7.

одним из главных виновников возмущения. И он даже в этот момент не пожалел о своих действиях. Не будь восстания, «нас бы без огласки, втихомолку, по-одиночке перехватала тайная полиция, и мы бы безвестно сгнили в сырых подвалах тюрьмы. А теперь—иное дело. Острое шило, в виде штыка, брошенное мною в правительственный мешок, утаить было невозможно... С ясным сознанием своей участи, не падая духом, бодро я приближался с тяжким бременем креста к Голгофе, которая виднелась в серых громадах Зимнего дворца, мысленно целуя крест, на котором будут распинать меня» [1]).

Якушкин рассказывает, что во время исполнения приговора над ними, «на кронверке стояло несколько десятков лиц, большею частью принадлежавших к иностранным посольствам; они были, говорят, удивлены, что люди, которые через полчаса будут лишены всего, чем обыкновенно так дорожат в жизни, шли без малейшего раздумья, с торжеством и весело говоря между собою».

Были среди сосланных декабристов и такие, которые полагали заговор, а в особенности восстание преждевременным, нецелесообразным. Так, П. Н. Свистунов вспоминает: «Из одиннадцати членов южного общества, служивших в Петербурге, нас было тогда шестеро налицо, не соглашавшихся участвовать в восстании... я откровенно высказывался при Трубецком и Оболенском против готовящегося восстания в надежде отклонить их от предприятия, предвещавшего лишь гибель» [2]).

Но, несогласный с тактикой тайного общества, Свистунов твердо помнит священную цель заговорщиков, перед которой отступают на задний план неразумные, по его мнению, действия.

«Не подлежит сомнению тот факт»,—пишет он,—«что люди, замышляющие переворот в России, подвергались неминуемой потере всех преимуществ, какими пользовались вследствие положения своего в обществе. Лишь пла-

---

[1]) Воспомин. Бестужевых. Записки Якушкина, 108.

[2]) П. Н. Свистунов. «Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14-го декабря и о декабристах», «Руссл. Арх.» 1870 г., 1665—1666.

менная любовь к отечеству и желание возвеличить его, доставив ему все блага свободы, могут объяснить готовность пожертвовать собою и своей будущностью. При несоразмерности способов с предназначаемой целью, люди практические в праве назвать такое громадное предприятие безрассудной мечтой, но чистоту намерений нет оснований оспаривать» [1]).

Незадолго перед смертью, на девятом десятке жизни, тот же Свистунов, оставляя свой автограф в альбоме журнала «Русская Старина», записывает с гордостью: «Петр Николаевич Свистунов — последний из декабристов» [2]).

И. И. Пущин писал своим сестрам по пути в Сибирь: «О пагубном 14-го декабря не должно решительно судить по тому, что напечатано было для публики. Будет время, когда-нибудь, что несколько пояснится это дело для многих, которые его видят теперь, может быть, с другой точки», и добавляет,—что декабристов нужно судить не по тому, что они *сделали*, а по тому, что *хотели сделать* [3]).

Декабристы гордились своим прошлым, гордились своими цепями, годами, проведенными на каторге. Декабрист А. Ф. Фролов, в 1882 году, 78 лет от роду (1804—1885), не может простить Д. И. Завалишину того, что тот, по пути в Сибирь, вспоминая блестящее начало своей карьеры, с горечью прибавил: «И с этой высоты так низко пасть!», при чем он указал на свои ноги, закованные в кандалы» [4]).

«В среде людей»,—добавляет Фролов,—«гордившихся своими цепями и судьбой, он не мог, не должен был чувствовать себя в своем кругу» [5]).

---

[1]) Ibid, стр. 1643—1644.

[2]) Некролог П. Н. Свистунова. «Русск. Ст.» 1889, т. 61, стр. 669.

[3]) Декабрист Пущин. Ред. С. Я. Штрайха, стр. 157—158.

[4]) Воспоминания А. Ф. Фролова по поводу статей Д. И. Завалишина. «Русск. Ст.», 1882 г., т. XXXIV, май, 481.

[5]) Ibid, стр. 481.

Ежегодно, в день 14-го декабря, «первый день Российской Вольности»,—сибирские узники устраивали торжественный обед [1]). Этот день их разгрома, день их гибели, был вместе с тем для них всех торжественным днем. Николай Бестужев, один из наиболее выдающихся декабристов, вспоминая тревожные дни, предшествовавшие восстанию, рассказывает: «Часто в разговорах наших сомнение насчет успеха выражалось очень положительно. Не менее того мы видели необходимость действовать, чувствовали надобность пробудить Россию. Рылеев всегда говаривал:

— «Предвижу, что не будет успеха, но потрясение необходимо, тактика революций заключается в одном слове: *дерзай*, и ежели это будет несчастливо, мы своей неудачей научим других» [2])...

В бытность декабристов на каторге, по словам Якушкина, конечно, «очень часто речь склонялась к общему нашему делу, и с каждым днем... все более и более прояснялось значение нашего общества, существовавшего девять лет, вопреки всем препятствиям, встречавшимся при его действиях» [3]).

6.

Все вышесказанное относится к вопросу об оценке декабристами значения для России самого заговора и восстания.

И вот мы убедились в том, что декабристы, сквозь долгие десятилетия, сквозь крепость и рудники, пронесли высокую и благородную веру в действенность своего подвига, в то, что «из искры возгорится пламя».

Но это еще далеко не все. Политический заговор, переворот были, ведь, только средством к осуществлению намеченных целей. Как же судили старики-декабристы свои воззрения, свои цели, приведшие их в тайное общество?

«По истечении почти что полувека после совершившегося события, когда и молодость давно миновала,

---

[1]) Воспоминания Бестужевых, стр. 228.
[2]) Ibid, стр. 34.
[3]) Якушкин, стр. 149—150.

унялась буря страстей, когда немногие оставшиеся овременники события, вследствие изменения их воз-рений на жизнь, способны судить о своем прошедшем, ак о деле постороннем, казалось бы, настало время правдивой и беспристрастной оценки действий и побу-ждений», говорил П. Н. Свистунов [1]).

Теоретически это так, но на практике выходило не-го другое. Прежде всего, должно помнить, что какой-ибо определенной и общепринятой политической про-раммы у декабристов не было, да и быть не могло, уже о одному тому, что заговорщики отнюдь не намерева-ись навязывать, диктовать свою волю, свои убеждения ароду. Вопрос о форме правления должно было решить редставительное собрание. «Русская Правда» Пестеля «Конституция» Никиты Муравьева долженствовали ыть не более, как проектами, предложениями. В них ыли формулированы взгляды, убеждения только их второв, с которыми прочие заговорщики вольны были оглашаться или не соглашаться. «Конституция» идео-ога Северного Общества Н. М. Муравьева была построена а основе конституционной монархии, что не мешало играть руководящую роль в том же Северном обществе Рылееву, горячему республиканцу.

Большинство декабристов воодушевлено было попро-ту сознанием необходимости перемен, сознанием, что ак дальше продолжаться не может. Дальше абстрак-ных мечтаний о свободе, о вольности многие из них не шли. Большего и нельзя требовать от двадцати-летних строевых офицеров, от рядовых декабристов, пред-назначавших себя к роли исполнителей-действователей. «Большинство членов тайного общества»,—замечает Ро-зен,—«никогда не думало, не мечтало быть законодате-лями, представителями, администраторами; они приняли на себя работу саперов, пионеров, мостовщиков». Тут вспоминается невольно ответ Вас. Л. Давыдова следствен-ной комиссии, докучавшей ему допросами о Тугенд-бунде: «Я член не Тугендбунда, а просто бунта» [2]).

---

[1]) «Русск. Арх.» 1870, стр. 1698.
[2]) Розен, стр. 422.

Политические убеждения их носили самый общий х
рактер, почему они и не могли впоследствии проверя
отдельные тезисы своей политической программы. К
выше мы уже убедились, они, в большинстве, остали
стоически верны общей, руководившей ими, идее.

Из идеологов же декабристов немногие оставили св
детельства о своих позднейших политических убежд
ниях: Рылеев, Пестель, С. Муравьев-Апостол, Каховски
Бестужев-Рюмин были повешены. Никита Муравь
после ссылки ничего не писал (по крайней мере, до н
ничего не дошло).

Таким образом, трудно судить о том, как относили
декабристы, в бытность свою на каторге, к вопросу
образе правления. Впрочем, для многих, даже выда
щихся декабристов, вопрос о форме правления не игра
первенствующей роли. Так, в своем показании о засед
нии в квартире Ф. Н. Глинки, на котором обсуждало
вопрос о форме правления, Лунин говорил:

«И тут мое мнение было: конституционное правлен
с ограниченною исполнительною властью *при монарх
или президенте, полагая того и другого в одинаково
виде*» [1].

Что же касается реформ социальных, в первую го
лову, конечно, крестьянской реформы, то декабрист
остались и в Сибири такими же горячими, непримири
мыми врагами крепостного права. Но к этому нам ещ
предстоит вернуться.

7.

В таком большом и опасном предприятии, каким бы
заговор декабристов, насчитывавший многие и многи
сотни участников и длившийся в продолжение без ма
лого десяти лет, конечно, не могло обойтись без ренега
тов. Великое множество заговорщиков в разное врем
отстало от тайного общества. Причины были различны

Одним из первых отклонился от участия в тайно
обществе его первый инициатор, Александр Николаеви
Муравьев. Якушкин рассказывает следующее о выход
А. Муравьева из тайного общества.

---

[1]) Павлов-Сильванский, стр. 48.

«В 1818 году, 6-го января, назначен был всему гвардейскому отряду парад в Кремле. Погода была прегадкая, унтер-офицеры на линиях были неверно поставлены—парад не удался. Царь взбесился и посадил начальника штаба Александра Муравьева под арест на главную гауптвахту. После чего Александр Муравьев вышел в отставку и женился. Жена его, бывши невестой, пела с ним «Марсельезу», но потом, в несколько месяцев, сумела мужа своего, отчаянного либерала, обратить в отчаянного мистика, вследствие чего он отказался от тайного общества» [1]).

В этом рассказе сквозит нескрываемая ирония. Из крепости Александр Муравьев писал государю: «Луч горней благодати коснулся моей души омраченной; я вдруг увидел бездну, над которою стоял с несчастными сообщниками своими, и долго в слезах раскаяния молил небо простить мне их и мои преступления» [2]).

Нам, по понятным причинам, неизвестно—удалось ли А. Н. Муравьеву вымолить прощение у неба, но у государя он прощение вымолил. Он был приговорен сперва к шести годам каторжных работ и вечному поселению в Сибири, но государь только отправил его на житье в Сибирь, не лишая прав и дворянского достоинства. Повидимому, А. Муравьев имел случай убедиться и в небесном прощении, так как несмотря на «отчаянный мистицизм» и соприкосновение с «горней благодатью», он не отказался и от благ мирских, сделав блестящую, для ссыльного, карьеру: уже в 1827 году, он был городничим в Верхнеудинске, потом—в Иркутске, далее—тобольским губернатором, потом—вятским, симферопольским и, наконец, в 1856 году — он уже нижегородский губернатор.

Очень возможно, что А. Н. Муравьев был искренен в своем раскаянии, поскольку вообще можно говорить

---

[1]) Якушкин, стр. 20. А. Н. Муравьев женился на княжне М. М. Шаховской. Она была двумя годами старше его и в 1818 г ей было уже 28 лет, почему она и могла иметь влияние на мужа. Она умерла в 1835 г. в Сибири.

[2]) Донесен., стр. 20.

об искренности в отношении человека болезненно увлекающегося, неуравновешенного и неустойчивого.

В ином совершенно свете представляется нам вопрос об отклонении от тайного общества его младшего брата, Михаила Николаевича, будущего графа Муравьева-Виленского, иначе «Муравьева-Вешателя».

Если Александр Муравьев был человеком увлекающимся, человеком мгновенного импульса, брат его Михаил, в противоположность ему, был человеком в высокой степени расчетливым. Восторженный его биограф Д. А. Кропотов замечает, что М. Н. Муравьев вступил в Союз Спасения, убедившись, что членами его состоит большая часть его друзей и сослуживцев [1]).

Воистину, трудная задача стояла перед Д. А. Кропотовым: объяснить участие в тайном противоправительственном обществе человека, который впоследствии расстрелял и сослал на каторгу сотни, если не тысячи людей [2]). Д. А. Кропотову ничего иного не оставалось, как объяснить заговорщицкую деятельность М. Муравьева желанием спасти брата Александра [3]). Но сам же Кропотов выдает с головой своего героя, ссылаясь на то, что побудительной причиной вступления в Союз было участие в нем всех его окружавших.

«По всем видимостям»,—справедливо замечает П. Е. Щеголев,—«элементы идеалистические играли совсем незначительную роль в мотивах, побудивших М. Н. Муравьева примкнуть к тайной организации» [4]). Каковы же тогда были мотивы? На это ответить не трудно. Михаил Муравьев, видя, что тайное общество охватывает все лучшее, что было тогда в русском обществе, понадеялся через него сделать свою карьеру. Человек весьма осторожный и расчетливый, он рискнул на это, тем более, что Союз Спасения казался ему организацией отнюдь не стоящей в противоречии с правительственной политикой.

---

[1]) Д. А. Кропотов. «Жизнь графа М. Н. Муравьева». СПБ 1874.

[2]) «Русск. Ст.» 1883, т. XXXVII, март., стр. 225.

[3]) Кропотов, цит. соч., стр. 204.

[4]) Щеголев, Декабристы. Очерки. Петр., 1920, стр. 12.

Но с течением времени, когда тайное общество стало постепенно приобретать все более революционные формы, практический, расчетливый ум Михаила Муравьева ужаснулся роковых возможностей, которые таились в его дальнейшем соучастии в Союзе.

Одновременно он узнал о разговоре государя с князем П. М. Волконским насчет тайного общества. Волконский старался успокоить государя, отвечавшего ему: «Ты ничего не понимаешь; эти люди могут кого хотят возвысить или уронить в общественном мнении; к тому же, они имеют огромные средства; в прошлом году, во время неурожая в Смоленской губернии, они кормили целые уезды», при чем Александр назвал Мих. Муравьева, Якушкина, Фонвизина, Пассека и др. [1]).

И вот перед М. Муравьевым вставала сложная дилемма: как поступить? С одной стороны, он сознавал, что дальнейшее пребывание в тайном обществе для него далеко не безопасно; с другой стороны, тайное общество приобрело уже такое значение, пользовалось таким авторитетом, что, однажды вступив в него, порвать с ним было бы тоже неблагоразумно, ибо еще неизвестно было, чем кончится единоборство между правительством и заговорщиками. В этих своих колебаниях, М. Н. Муравьев вынужден был решиться на крайний шаг.

«Михаил Николаевич Муравьев»,—рассказывает барон Розен,—«пробыв три года членом тайного общества, достигнув известности, как отличнейший офицер, получив значительное прибавочное жалованье и чин подполковника, пренебрег всеми ласковыми отговариваниями высших своих начальников и вышел в отставку в конце 1820 г., только, чтобы удалиться из центров тайного общества» [2]).

И в самом деле, зная расчетливый карьеризм М. Муравьева, выход его в отставку можно объяснить только чрезвычайно серьезными причинами. С другой стороны, буде мы поверим Д. А. Кропотову, что М. Н. Муравьев

---

[1]) Зап. Якушкина, стр. 64.

[2]) Бар. А. Е. Розен. «Михаил Николаевич Муравьев и его участие в тайном обществе 1816—1821 г.г.» «Русск. Ст.» XVI, 1884, январь; переп. в «Записках» Розена, изд. 1907 г., стр. 422.

участвовал в тайном обществе только ради спасения брата Александра, чем объяснить то, что, тогда как А. Н. Муравьев выступил из тайного общества в 1819 г., Михаил еще в течение 2-х лет продолжал в нем числиться и выступил только в 1821 году, после Московского съезда?

М. Н. Муравьев решился на время прервать блестящий ход своей карьеры с тем, чтоб, удалясь в деревню, отдалиться от тайного общества, а в дальнейшем действовать по обстоятельствам. В 1821 же году, когда слухи о существовании заговора все настойчивее стали достигать правительства и когда определилось, что членам тайных обществ и правительству не по пути, М. Н. Муравьев сделал окончательный выбор и, здраво рассудив, гадательным выгодам, которые могло сулить ему участие в заговоре, в случае его успеха, он предпочел прочную основу «верноподданничества».

Было и еще множество заговорщиков, подобных М. Муравьеву, только более низшего порядка, которые убоявшись развития тайного общества, поспешили оставить его.

«Молодые офицеры»,—иронически замечает Розен,—«в обер-офицерских эполетах, с огромным запасом тогдашнего либерализма и филантропических и космополитических идей, дослужившись до штаб-офицерских эполет и до вакансии в отдельные начальники, в полковые командиры, и, наконец, убедившись, что Пав. Ив. Пестель и сообщники его не шутят и не забавляются голословными совещаниями на съездах и сходках, а весьма серьезно увлеклись делом общества,—частью последовали примеру М. Н. Муравьева» [1]).

Образцом можно привести полковника П. Н. Комарова, искренно перепуганного радикальным оборотом политики тайного общества. Это была личность, повидимому, крайне несимпатичная. Товарищи его оставили о нем самые неблагоприятные отзывы: Якушкин вспоминает, что Комарову очень слабо доверяли [2]), Волкон

---

[1]) Ibid.
[2]) Якушкин, 52.

ский называет его «будущим доносчиком» [1]), Басаргин—«человеком не совсем чистых правил» [2]).

В своих пространных показаниях, которые, действительно, правильнее было бы назвать доносом, Комаров с нескрываемым страхом вспоминает, как «показались на сборищах в Тульчине люди высшего разбора, принадлежащие к обществу уже прежде или вновь поступившие,—с образом мыслей несравненно более смелым противу прежнего, в отношении к суждению о правительстве. В числе коих: генерал-интендант Юшневский, Фонвизин, Мих. Орлов, Охотников, кн. Сергей Волконский, Лунин и Муравьев Никита» [3]). Комаров устрашился сообщества этих людей «высшего разбора», и с этой поры все силы свои положил на то, чтобы уйти из тайного общества. Но, зная недоверие к нему заговорщиков, он боялся навлечь на себя их гнев, и потому искал благовидного предлога. Случай представился на Московском съезде. Но страх перед заговорщиками его не оставлял—измена всегда отличается робостью; и, давая, свои показания, Комаров испуганно добавляет: «Осмеливаюсь... ваше императорское величество поручить себя, в случае надобности, покровительству вашему, ибо нельзя, чтоб когда-нибудь не сделались известными некоторым сии откровения мои, кои могут ожесточить ненависть в их родных или друзьях» [4]).

Итак, не правительственной кары опасался Комаров, а гнева тайного общества, хотя и разбитого и разгромленного. Таких разноименных Комаровых было много.

Герцен и его сподвижники писали в 1858 году: «Вечный позор... ляжет на тех из деятелей тайного общества, которые передавшись в противоположное направление, сделались plus royalistes, que le roi, и во главе которых, мы поставим Михаила Муравьева... который в России известен изречением: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, но из тех, которые вешают» [5]).

---

[1]) Волконский, 409.
[2]) Басаргин, 14.
[3]) Довнар-Запольский. «Мемуары декабристов», 30.
[4]) Ibid, стр. 38. Комаров избегнул наказания и только был уволен в отставку.
[5]) «14 Декабря 1825 и имп. Николай». Изд. «Пол. Зв.» London 1858, стр. 232.

Такое огульное обвинение было бы, конечно, несправедливо. Некоторых лиц нужно определенно выделить в особую категорию, в первую голову, М. Ф. Орлова и И. Г. Бурцева.

Полковник Бурцев, бывший адъютант Киселева, был деятельнейшим членом «Союза Благоденствия», соперничая во влиянии с Пестелем. Достаточно сказать, что он привлек в тайное общество кн. Е. П. Оболенского, И. И. Пущина, М. М. Нарышкина, Н. И. Лорера и множество других [1]). Но Бурцев принципиально резко расходился с Пестелем, будучи сторонником умеренных действий. Между ними шла постоянная скрытая борьба. Оба пользовались в обществе большим авторитетом, и ясно было, что один из них должен был покинуть общество [2]). И так как совершенно очевидно было, что на юге Пестель одерживает верх, Бурцев после Московского съезда вынужден был оставить тайное общество.

Якушкин так рассказывает об отпадении Бурцева: «Бурцев, по приезде своем в Тульчин, объявил на общем совещании о несуществовании тайного общества. Все присутствующие члены напали на него и на членов, бывших на съезде в Москве, доказывая очень справедливо, что 8 человек не имели никакого права уничтожить целое тайное общество. Они тут же дали друг другу обещание никак не прекращать своих действий». Бурцев остался один совершенно в стороне [3]). Вообще не жалуя его, Якушкин объясняет отпадение Бурцева его честолюбием, страдавшим от видимого превосходства Пестеля [4]).

Иначе объясняет то же самое Басаргин, связанный с Бурцевым старинной дружбой. По его словам, поступок Бурцева и других членов съезда имел сокровенную цель. Видя усиление влияния Пестеля, цели которого шли вразрез с их целями, отчасти из самолюбия, отчасти из опасения, что общество может быть раскрыто, они

---

[1]) Якушкин, 25.

[2]) Подробно: М. В. Довнар-Запольский. «Тайн. Общества декабристов», стр. 71 и дальше.

[3]) Якушкин, 56—57.

[4]) Ibid, 42.

решили только на время покинуть общество, выжидая более благоприятного времени, в надежде умерить впоследствии влияние Пестеля. Басаргин при этом ссылается на самого Бурцева [1]). Князь Волконский называет Бурцева «человеком с дарованиями, но систематиком и подчиняющим свои убеждения каким-то формулам,— а в деле, нами задуманном»,—добавляет Волконский,— «формулы охлаждают чувства, и... он из ревностных членов постепенно удалялся и, наконец, вышел из общества» [2]).

Так или иначе, из всего вышесказанного определенно следует, что Бурцева нельзя заподозрить в измене. Отстранился ли он от тайного общества, вследствие уколов честолюбия, либо вследствие того, что ум его не был скроен для политических заговоров, или же, что всего вернее, по той причине, что взгляды Пестеля, расходившиеся с его взглядами, одержали в обществе верх, ясно одно, что Бурцева нельзя поставить на одну доску с ренегатами-декабристами.

Хотя ему и удалось на следствии доказать, что он в 1821 году выступил из тайного общества тем не менее, он жестоко пострадал: был отрешен от должности, продержан шесть месяцев в крепости и отправлен на Кавказ, где вскоре (в 1829 году) был убит.

Наконец, совсем особое место в деле декабристов занимает генерал-майор Михаил Федорович Орлов, сын младшего из екатерининских Орловых, герой 1812 года. Орлов вернулся в Россию горячим либералом и революционером. В своем нетерпении, в своей горячности он далеко опередил прочих декабристов 13—16-х годов и своим свободомыслием навлек на себя опалу, результатом чего явилась отправка его в Киев, начальником штаба 4-го корпуса, которым командовал Н. Н. Раевский-старший. Там Орлов увековечил свое имя организацией первых в России школ по ланкастерскому методу взаимного обучения, а своими публичными выступлениями и всем своим поведением снискал себе славу оплота либерализма.

---

[1]) Басаргин, 13—14.
[2]) Волконский, 404.

В 1820 году Орлов был назначен дивизионным командиром в Кишинев, и тогда же свое индивидуальное содействие тайному обществу закрепил формальным присоединением к заговору.

И в Кишиневе он был центром свободомыслия. Вокруг него группировались такие горячие революционеры, как умерший вскоре Охотников, майор В. Ф. Раевский и другие. Но, собственно, как заговорщик, как член тайного общества, Орлов мало себя проявил, а на Московском съезде выступил из общества.

Причины выхода Орлова из общества декабристами объясняются так: Якушкин говорит, что на съезде Орлов настаивал на том, что тайное общество должно решиться на самые крутые меры, и для достижения своей цели предлагал выпустить фальшивые ассигнации и пр. Его предложения вызвали категорические протесты. «Орлову того-то и нужно было»,—рассказывает Якушкин.—«Помолвленный на Раевской (Екатерине Николаевне)—в угодность ее родным, он решил прекратить все сношения с членами тайного общества» [1]).

Волконский, близкий друг, а впоследствии и родственник Орлова, подтверждает до некоторой степени Якушкинскую версию. Он рассказывает, что брат Екатерины Николаевны, А. Н. Раевский, поставил непременным условием брака выход из Союза Орлова, который, «выехав из Киева, был в шатком убеждении, что ему делать» [2]). Но, будучи тоже участником Московского съезда, Волконский ничего не упоминает про предложение Орлова. Весьма возможно, что Волконский сделал такое упущение из боязни осквернить память Орлова; ведь сам он тяжко мучился обвинением в том, что будто он, Волконский, употреблял поддельную печать Полевого Аудиториата. Должно помнить тогдаш-

---

[1]) Якушкин, 53. М. И. Муравьев-Апостол, уже по возвращении из Сибири, сделал на портрете М. Ф. Орлова следующую надпись: «Михаил Федорович Орлов на Московском съезде тайного общества сделал предложение»... Портрет М. Ф. Орлова из собрания Ал. Фомина. Воспроизведен в его книге «К истории вопроса о развитии в России общественных идей в начале XIX века».

[2]) Волконский, 410.

ние нравы и понятия, в частности, понятия самих декабристов о морали и чести. Недаром, ведь, про них говорили, что они «революцию собрались сделать в белых перчатках». И сам Якушкин говорит о том, что он не поверил серьезности предложения Орлова [1]).

Итак, у декабристов сложилось прочное убеждение в том, что Орлов вышел из тайного общества вследствие своей женитьбы на Раевской. «Это объяснение, однако, едва ли соответствует действительному настроению Орлова»,—замечает М. В. Довнар-Запольский,—«он был человеком практических действий и вполне вероятно, что он серьезно предлагал те меры, о которых сообщает Якушкин» [2]). Зная прямую, цельную натуру Орлова, трудно поверить и тому, чтобы его действия на Московском съезде были только уловкой к выходу из общества. «На такое низкое лицемерие Орлов был неспособен, да ему и не простили бы его», — говорит М. О. Гершензон [3]).

Весьма возможно, следовательно, что Орлова, действительно, не удовлетворял ход дел. Но вне сомнения и то, что помолвка с Е. Н. Раевской сыграла также роль в стремлении его конкретизировать, выяснить свое положение. С тем вместе, выступая из тайного общества и тем исполняя требование брата своей невесты, Орлов оставлял за собой свободу действий и, формально выйдя из общества, фактически продолжал действовать в духе оного, поддерживая прежние связи. В свою очередь, заговорщики продолжали слепо верить в него, не сомневались в том, что он попрежнему с ними, и, даже перед 14 декабря, собирались именно ему поручить командование мятежными войсками, буде Орлов приедет в Петербург [4]).

Арестованный Орлов сделал все возможное к тому, чтобы обелить себя перед правительством. В этом отношении его показания мало симпатичны, но следует отме-

---

[1]) Якушкин, 53.
[2]) Мемуары декабристов, XVIII.
[3]) М. Гершензон. «История молодой России». М. 1908 г., стр. 25.
[4]) Подробно у М. Гершензона.

тить чрезвычайную скупость имен в этих его показаниях [1]).

Впрочем, его оправданиям придали мало веры. Цесаревич Константин Павлович после процесса декабристов говорил, что Орлова следовало первого повесить.

Орлова спасло заступничество его брата Алексея, генерал-адъютанта, печальной памяти «героя» 14 декабря. Алексей Орлов был для царя нужным человеком, поэтому Николай не мог оставаться глух к его просьбам. Заступничество Алексея Орлова сразу же сказалось на положении Михаила. Он был доставлен в Петропавловскую крепость 29 января, при собственноручной записке Николая на имя коменданта крепости, А. Я. Сукина: Присылаемого при сем генерал-майора Орлова посадить в Алексеевский равелин... содержа хорошо». А уже на следующий день, 30-го, Сукин получил предписание: «Генерал-майору Орлову дать видеться с братом Алексеем и перевести на офицерскую квартиру, дав свободу выходить, прохаживаться и писать, что хочет, не выходя из крепости» [2]).

М. Ф. Орлов просидел полгода в крепости, а затем был отставлен от службы, с запрещением въезда в столицы, но и это запрещение вскоре было снято.

Случайно уцелевший обломок декабрьской махины, Орлов уже никогда не мог найти применения в жизни. М. О. Гершензон ярко описал его медленное умирание. Он умер в 1842 году.

Существовавший в течение без малого десяти лет заговор декабристов был слишком грандиозной организацией, чтобы не иметь в своей среде изменников общему делу, ренегатов, разочаровавшихся и, наконец, попросту, по разным причинам, отошедших от общества.

Это неизбежно и более, чем ясно. Среди декабристов были люди разного калибра; много было случайных участников, случайных попутчиков, которым, по существу, незаслуженная кара пришлась не по плечу.

---

[1]) «Мемуары декабристов».

[2]) П. Е. Щеголев. «Николай I и декабристы». Петр., 1919, стр. 9—10.

Мы отнюдь не намерены сверх меры идеализировать декабристов, представляя их единой монолитной массой, которая вся, как один, с торжеством несла свой крест за свободу России.

Но надо признать, что большая часть декабристов с великой радостью, с высокой гордостью садились в Петровском заводе за обед, устраиваемый в годовщину 14-го декабря.

ГЛАВА VI.

Тридцатые и сороковые годы.

Несмотря на жестокую нетерпимость молодого царя, с исключительной настойчивостью преследовавшего все, что имело хотя бы отдаленное касательство к заговору декабристов, возбуждение, вызванное в русском обществе, особенно в молодежи, улеглось не скоро. Былые члены тайных обществ, избежавшие катастрофы, вынуждены были молчать, дабы неосторожным словом не навлечь на себя новых подозрений правительства, результатом чего неизбежно явилось бы расследование и об их прежней деятельности. Устрашенные судьбой своих товарищей, декабристов, они должны были быть вдвойне осторожны тем более, что убеждены были в бесплодности, в обреченности всех возможных попыток в кошмарное николаевское безвременье.

Русское общество той эпохи представляло собою безрадостную картину. Некрасов вправе был устами княгини Трубецкой восклицать: «Где были дубы до небес, теперь лишь пни стоят». Общество обезлюдело, как никогда. Интелигенции, еще слабой, еще только нарождавшейся, было сделано страшное кровопускание: процесс декабристов совершенно обескровил ее. Те же, кто подобно Пушкину, был «на берег вынесен грозою», пришли в себя на чужих берегах. Все они были выведены из строя. М. Ф. Орлов был отправлен на житье в деревню; Ф. Н. Глинка—выслан в Корелию; Грибоедов уже не

возвращался из Грузии и т. д. Должно помнить и то, что кроме 120 человек, осужденных Верховным Уголовным Судом, свыше ста человек было определено в дальние гарнизоны [1]).

Должна была народиться какая-то новая общественная сила; она и явилась впоследствии, в лице среднего слоя русского общества, постепенно приобщавшегося культуре и общественной жизни. Но для этого требовалось время, а высший слой русского общества, из которого вышли декабристы, направлявший доселе ход общественной и политической жизни, безнадежно выпустил из своих рук руководящую нить. Страх перед царями, готовыми обрушиться на всякого инакомыслящего, был невообразимо велик. М. П. Погодин, тогда еще студент, приехавший в Петербург через несколько дней после восстания, узнав об аресте своего друга, декабриста П. А. Муханова, испугался, как бы в его сочинении «Нищий», в котором Погодин изображал ужасы крепостного права, не нашли признаков единомыслия его с заговорщиками и не потребовали к допросу. Долго должен был успокаивать Погодина его приятель, молодой тогда поэт Ф. И. Тютчев, как раз находившийся в Петербурге [2]).

Надо ли повторять, что этот страх далеко нельзя назвать неосновательным? Выше мы ознакомились с теми средствами, которые применялись Николаем ко всем, кто выдавался из общего ранжира. «История нашей литературы»,—замечает Герцен,—«или мартиролог, или список ссыльных. Даже те, которых правительство пощадило, погибают, едва распустившись, спеша оставить жизнь» [3]).

«Высшее общество поспешило с подлым и бесчеловечным рвением отказаться от всех человеческих чувств, от всех идей образованных людей»,—добавляет он [4]).

Но он, конечно, несколько сгущает краски. Старые идеи все еще теплились, только они были загнаны далеко вглубь.

---

[1]) Н. Шильдер. — «Николай I», т. I.
[2]) Николай Барсуков.—«Жизнь и труды М. П. Погодина». СПБ. 1888. Кн. I, стр. 328—29.
[3]) Герцен. — «О развитии революционных идей», стр. 93—94.
[4]) Ibid., стр. 101.

Тем не менее, мы знаем, какой интерес проявля
русское общество к судьбе сибирских изгнанико
стихи Рылеева, письма Лунина из Сибири и пр. расх
дились во множестве рукописных экземпляров.

Сказывалось это и в отношении к уцелевшим, «пр
щенным» деятелям тайных обществ. Даже самый благ
родный из них, М. Ф. Орлов, про которого Герцен ск
зал, что если он не попал в Сибирь, то это была *не е
вина, а его брата*, навлек на себя недовольство образ
ванной Москвы. «Неприятно было видеть на московски
гуляньях и балах Михаила Федоровича в то время, ка
все его товарищи уничтожались на каторге. Орло
не умел носить траур, который ему повелевала благ
пристойность высшая».

И даже те представители русского общества, которы
декабристам не сочувствовали, отдавали должное знач
нию декабрьского движения. Об этом можно судить
уцелевшим дневникам, ибо в разговорах и в перепис
этот вопрос, конечно, обходился самым тщательны
образом.

Тот же Погодин, который так боялся быть привлече
ным к делу декабристов и которого едва ли можно под
зревать в свободомыслии, в вольнодумстве, сознава
огромность значения 14-го декабря. Вскоре после то
в 1826 году он записывал в своем дневнике:

«Я давно уже разделил Российскую историю на д
периода. Первый —феодализм с Рюрика, второй—деспо
тизм—с Иоанна III. Третьему семя положено 14 дек
бря... И сие 14 декабря к будущему относится так, ка
Иоанн Калита к Иоанну III» [1]).

Тогда же другой студент, будущий цензор А. В. Н
китенко, тоже не сочувствовавший декабристам, посет
квартиру арестованного своего друга и покровител
князя Е. П. Оболенского, заносил в свой дневни
«С горьким, щемящим чувством вошел я в комнаты, г
прошло столько замечательных месяцев моей жизн
и где разразился удар, чуть не уничтоживший мен
во прах. Там все было в беспорядке и запустени
Я встал у окна и задумался. Солнце садилось, и после

---

[1]) Барсуков, кн. II, стр. 18.

ие лучи его с трудом пробивались сквозь облака, ыстро застилавшие небо. В печальных комнатах ца-ила могильная тишина: в них пахло гнилью и унынием. де отважные умы, задумавшие итти наперекор судьбе одним махом решать вековые злобы? В какую бездну есчастья повергнуты они! Уж лучше было бы им разом асть в тот кровавый день, когда им стало ясно их бес-илие обратить против течения поток событий, неблаго-риятных для их замысла» [1]).

Таким образом, значительность происшедшего оцени-алась даже теми, кто декабристам не сочувствовал.

Особенно сильное впечатление производили на самых азнообразных людей личные встречи с сосланными де-абристами.

Николаевское поколение было не похоже на поколе-ие александрово. Если представителем, образцом по-оления декабристов мог считаться Пушкин, олицетво-явший в себе буйный, действенный протест, далекий от кептицизма, пребывающий весь в жизни сей, то теперь, а смену ему, явился Лермонтов. На Кавказе, в 1839 г., ермонтов встретился с поэтом-декабристом Одоевским, ереведенным в отдельный кавказский корпус солдатом. б этой встрече двоих сосланных поэтов, Н. А. Котляров-кий пишет:

«Лермонтов, типичный представитель разочарованного ротеста, скептик и сын николаевской эпохи, мог видеть Одоевском живой пример старшего поколения. Перед им был также один из протестовавших, но, примирив-ийся с проигрышем, идеалист, человек, которого ника-ие житейские невзгоды не заставили усомниться в том, о что он верил» [2]).

Когда Лермонтов встретил этого былого блестящего расавца, гвардейского офицера, облеченного в солдат-кую шинель, недавнего каторжника, по выражению его оузника, барона Розена, со «звонким детским смехом живой речью» [3]), дни Одоевского уже были сочтены.

---

[1]) Никитенко, I, 141.

[2]) Н. Котляревский. Декабристы кн. А. Одоевский и А. Бе-тужев. СПБ. 1907, стр. 6.

[3]) А. Розен. Стихотворения кн. А. И. Одоевского. СПБ. 888, стр. 9.

В том же 1839-м году ему суждено было умереть в похо
ной палатке, на восточном берегу Черного моря, от эп
демической горячки. Лермонтов со скорбью откликнул
на смерть друга, «милого Саши». Он писал:

. . . Дела твои и мненья,
И думы— все исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит —
Куда они? Зачем? Откуда — кто их спросит...
И после их на небе нет следа...

(«Памяти Александра Ивановича Одоевского»)

Другой поэт, Тютчев, обращался к декабристам:

Безумцы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что хватит вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить.
Едва дымясь, она сверкнула
На снеговой громаде льдов.
Зима железная дохнула,
И не осталось и следов.

(«Декабристам»).

И, действительно, могло казаться, что «вечный полю
остался незыблем, что «на снеговой громаде» николае
ского царствования не осталось «и следов». Тем более, ч
хронологически ближайшие к декабристам революци
неры, Петрашевский и его сподвижники, получившие в
следствии название петрашевцев, уже сильно отличали
от декабристов и, казалось, пошли иными путями. В осн
вание угла декабристы ставили революцию политич
скую, политические реформы; петрашевцы были уже р
волюционерами социальными. Воспитанные на произв
дениях Сен-Симона, Фурье, Луи Блана, петрашевцы у
тяготели и идейно были связаны с западно-европейски
социалистическими течениями, почему, сколько мы м
жем судить, они и не чувствовали и не признавали прее
ственной связи своей с декабристами. Если судить
Достоевскому, одному из петрашевцев, они декабрист
и не поняли. В недавно опубликованных черновик
романа «Бесы» мы встречаем такую ремарку: «О бун

-го декабря, как бессмысленном деле, которое не устоло бы и двух часов»...

Разночинец Достоевский не доверял дворянам-декабристам, не верил в глубину, в искренность их убеждений. Для него они остались «бунтующими барами». В тех «Бесах», сын дворового, Шатов, подсмеивается над декабристами:

«Бьюсь об заклад, что декабристы непременно освободили бы тотчас русский народ, но непременно без земли, что им тотчас русский народ непременно свернул бы голову»... Когда, в 1867 году, Достоевскому пришлось ехать за границу, он занялся систематическим изучением заграничной русской печати, усердно читал «Полярную Звезду», «Колокол» [1]) и только тогда он более или менее основательно ознакомился с историей декабристов, чем можно судить, например, по такой заметке его «Дневнике Писателя»: «Кстати словечко о декабристах, чтоб не забыть; извещая о смерти одного из них, в наших журналах отозвались, что это, кажется, один из самых последних декабристов, — это не совсем точно. Из декабристов живы еще И. А. Анненков... Жив М. И. Муравьев-Апостол, родной брат казненного, живы Свистунов и Назимов, может быть, есть и еще в живых» [2]).

Позднее, петрашевцам, которым амнистия 1856 года заменила каторгу поселением в Иркутске, пришлось еще столкнуться с некоторыми декабристами, не успевшими выехать в Россию, в том числе с А. В. Поджио.

Н. А. Белоголовый, свидетель этих встреч, рассказывал о них: «Хотя трудно было бы и даже совсем невозможно отыскать преемственную связь в развитии идей между декабристами и петрашевцами, но одинаковая участь, одинаково загубленная жизнь, те же тяжкие испытания сибирской каторги, — все это вместе неизбежно сближало между собою этих людей двух разных поколений [3]). «Однако, знакомство это не было знакомством

---

[1]) См. Дневник А. Г. Достоевской, П. 1923, стр. 91.

[2]) Л. П. Гроссман. Библиотека Достоевского. Одесса. 1919, стр. 85. На самом деле, в 1876 г., когда Достоевский писал эти строки, в живых было еще 10 декабристов. См. ниже, стр. 189.

[3]) Н. А. Белоголовый. «Воспоминания и другие статьи». Изд. 4-е. СПБ. 1901, стр. 102.

двух близких и родственных миросозерцаний», — говорит Е. Покровская о Достоевском [1]), но это может быть распространено и на всех петрашевцев. Для них декабристы все еще остаются прежде всего представителями дворянства. В этом отношении чрезвычайно характерна характеристика, которую дает Достоевский в «Бесах» «этим легендарным господам», в частности Лунину, противопоставляя его Шатову [2]).

Сравнивая в 1877 году петрашевцев с декабристами Достоевский снова подчеркивает барское происхождение этих последних [3]).

Но, несмотря на это разномыслие, несмотря на разочарованный скептицизм, характерный для николаевской эпохи, декабристы, уже среди своих младших современников, на ряду с людьми, которые, подобно Никитенке и Погодину, не сочувствуя им, отдавали им должное, нашли и восторженных поклонников и почитателей.

В 30-х г.г. Вл. Философов, тогда кадет, писал в своем дневнике:

«О, если бы всевышний дал мне когда-нибудь силу отомстить за Бестужева (Марлинского), я бы с охотою пожертвовал жизнью, ненужною для человечества. Всевышний, я верю, что рано или поздно кровь праведника вопиет о мщении, и на развалинах самодержавной власти воздвигнется сильное и цветущее здание, и на месте Александровской колонны благородное потомство воздвигнет памятники Бестужевым и другим жертвам 14-го числа».

Впоследствии, Философов в Сибири познакомился со многими декабристами, благодаря чему уважение к их идеям и благоговение перед ними самими еще более усилилось в нем, но и для него 14-е декабря—«необдуманный порыв юношеского энтузиазма» [4]).

---

[1]) Декабристы. Неизд. материалы и статьи, под редакц. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. Л. 1925, стр. 320.

[2]) Сборн. «Достоевский», под ред. Я. С. Долинина. П. 1922, стр. 369.

[3]) Сборник памяти А. П. Философовой. Т. I. А. В. Тыркова. «А. П. Философова и ее время». П. 1915, стр. 49—50.

[4]) Ibid., 58 и дальше.

Иначе оценивал восстание декабристов другой их младший современник, знаменитый в истории русского революционного движения, поэт Николай Огарев, сподвижник Герцена. Огарев, вспоминая свою кавказскую встречу с Одоевским, писал, что члены «тайных обществ... шли на гибель сознательно, видя в этом первый, вслух заявленный протест России против чуждого ей правительства, первое, вслух сказанное сознание, первое слово гражданской свободы; они шли на гибель, зная, что это слово именно потому и не умрет, что они вслух погибнут. Все, что могу заметить»,—добавляет Огарев,—«они были глубоко правы, и с каждым годом русского развития эта правота станет выставляться яснее, и тем смешнее и ничтожнее будут казаться всякие наемные писаря Следственной Комиссии» [1]).

Эти строки появились в печати далеко за пределами России, в Лондоне, в Вольной Русской Типографии. В пределах России нельзя было говорить и писать таким языком.

Тогда же, в 1838 году, Огарев встретил на Кавказе, кроме Одоевского, и других декабристов, переведенных на Кавказ, М. М. Нарышкина, А. Е. Розена, В. Н. Лихарева, Н. И. Лорера, М. А. Назимова... «Встреча эта»,—говорит он,—«возбудила все мои симпатии до состояния какой-то восторженности. Я стоял лицом к лицу с нашими мучениками, я — идущий по их дороге, я — обрекающий себя на ту же участь» [2]). Эту встречу Огарев запечатлел в известных стихах.

Так нравственное обаяние и сила, которые излучали декабристы, рождали среди молодежи новых бойцов, формировавших свежие революционные кадры.

---

[1]) Н. Огарев. Кавказские Воды. «Пол. Звезда», 1861 г., кн. 6. стр. 348.

[2]) Там же.

ГЛАВА VII.

Шестидесятые годы.

Николай I умер в начале 1855 года. В Сибири и на Кавказе тогда еще жило множество декабристов [1]).

Вступление на престол Александра II ознаменовалось двумя крупными событиями, имеющими непосредственное отношение к судьбе декабристов; во-первых, помилованием уцелевших изгнанников и, во-вторых, переизданием, по распоряжению Александра II книги статс-секретаря бар. М.А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая Первого», которая, повидимому, должна была отразить отношение нового правительства к декабристам.

---

[1]) В Сибири: И. А. Анненков, Н. В. Басаргин, Г. С. Батеньков, М. А. Бестужев, В. А. Бечаснов, Н. С. Бобрищев-Пушкин, П. С. Бобрищев-Пушкин, А. Ф. фон-дер-Бригген, А. А. Быстрицкий, Аппол. Веденяпин, кн. С. Г. Волконский, П. Ф. Выгодовский, И. И. Горбачевский, Д. И. Завалишин, И. В. Киреев, А. А. Крюков, М. К. Кюхельбекер, Юлиан Люблинский, А. Е. Мозалевский, М. И. Муравьев-Апостол, кн. Е. П. Оболенский, А. В. Поджио, И. И. Пущин, П. Н. Свистунов, бар. В. Н. Соловьев, кн. С. П. Трубецкой. П. И. Фаленберг, А. Ф. Фролов, бар. В. И. Штейнгель, кн. Д. И. Щепин-Ростовский и И. Д. Якушкин.

На Кавказе: Н. А. Загорецкий, Н. И. Лорер, М. А. Назимов, М. М. Нарышкин, А. Н. Сутгоф, гр. З. Г. Чернышев и Н. Р. Цебриков.

Ранее амнистии получили право, за выслугою, возвратиться в Россию: А. П. Беляев, П. П. Беляев, кн. В. М. Голицын, М. И. Пущин и бар. А. Е. Розен.

Манифест, возвращавший свободу декабристам, был опубликован в день коронации, 26-го августа 1856 года. Причины, его вызвавшие, конечно, не следует искать в личном благородстве нового царя, в его великодушии или попросту человеколюбии. Освобождение декабристов было данью времени, обстоятельствам.

Тридцатилетнее царствование Николая I, завело Россию в отчаянный тупик, результатом чего явились неудачи Крымской войны, несмотря на материальное могущество России и на героизм русских войск.

Этот неизбежный военный разгром декабрист Н. И. Тургенев предсказал еще в 1847 году [1]), а когда началась война, в 1853-м году, уже все ясно почуяли неизбежность кризиса. Среди русских патриотов появились тогда первые «пораженцы», видевшие во внешнем поражении России залог ее внутреннего обновления.

И, действительно, Александр II с первых же шагов, вынужден был несколько ослабить железную узду, слишком туго натянутую его предшественником [2]). В ту пору даже Победоносцев был горячим либералом, Катков мечтал о либеральной конституции для России, и т. д. [3]).

Сам Александр отнюдь не был либералом. После 1848 года он был настроен крайне реакционно. Тогда трудно было предвидеть в нем «царя освободителя», ибо он выступал горячим сторонником крепостного права; менее всего Александр рожден был быть реформатором; особенно, если учесть, что, несмотря на просвещенное воздействие Жуковского, в итоге из него все-таки вышел штампованный русский царь-фронтовик. Притом, он обладал весьма неустойчивой, легковесной натурой. Воспитатель его, Мердер, писал о нем: «При встрече с малейшей трудностью, с малейшим препятствием, Александр впадал в некоторый род усыпления и бездействия» [4]).

От такого царя трудно было ожидать признания за декабристами прав на помилование. Но, подобно тому,

---

[1]) Н. И. Тургенев, La Russie et les Russes, 1847, т. III, стр. 13 и дальше.

[2]) Подробно: А. А. Корнилов. Общественное движение в России. М. 1909, стр. 5 и дальше.

[3]) Воспоминания В. В. Берви. «Гол. Мин.» 1910, № 4, стр. 145.

[4]) «Былое» 1922 г., № 20, стр. 120.

как в силу обстоятельств Александр убедился в необходимости реформ, он, повидимому, понял и то, что декабристов вернуть надо.

Склонный к сантиментальности и «красивым жестам», Александр выбрал вестником прощения кн. М. С. Волконского, сына декабриста, находившегося как раз в Москве. В день коронации к нему явился курьер из Кремля. «На имя Михаила Сергеевича Волконского повестка явиться к шефу жандармов князю Долгорукову»,— рассказывает сын его, С. М. Волконский.—«Отец спешит в Кремль. Входит в приемную, пошли доложить. Выходит князь Долгоруков с пакетом в руке: «Государь император, узнав, что вы находитесь в Москве, повелел мне передать вам манифест о помиловании декабристов с тем, чтобы вы везли его вашему отцу и его товарищам»... В тот же вечер отец выехал... Москва горела огнями, гремела кликами, когда по той самой дороге, по которой тридцать лет тому назад Мария Николаевна (Волконская) в кибитке ехала, держа путь на Нерчинск, — в тарантасе выезжал Михаил Сергеевич (ее сын), увозя с собою манифест о помиловании» [1])...

Либеральная часть общества, в ту пору, не задумывалась над причинами, побудившими Александра помиловать декабристов. Манифест был принят радостно. И, вдруг, после этого появилась в свет книга бар. Корфа.

История этой книги такова: в 1848 году у наследника Александра Николаевича явилось желание, чтобы события, сопутствовавшие вступлению на престол его отца, были запечатлены на бумаге. Исполнение его желания поручено было статс-секретарю, барону Модесту Александровичу Корфу, бывшему лицейскому товарищу Пушкина.

Вспомним, что именно в 48-м году молодой Александр, под впечатлением революционных событий на Западе, резко повернул в сторону обскурантизма. Естественно было, что в подобном настроении он мыслью вернулся к революционной вспышке, так еще недавно озарившей ярким светом его отечество.

---

[1]) С. Волконский. О декабристах. П. 1922, стр. 113.

Перед бароном Корфом стояла трудная задача: объяснить необъяснимое, объяснить причины междуцарствия. Николай не пожелал предавать сочинение Корфа гласности. Корф спешил объяснить это «истинным величием» и «скромностью» Николая, но, конечно, нежелание государя опубликовать книгу Корфа объяснялось сознанием того, что все-таки необъяснимое так и не было объяснено и что не следует, без нужды, лишний раз напоминать публике о злосчастной поре междуцарствия. Книжка была дважды напечатана, оба раза по 25 экземпляров, исключительно для членов царской семьи.

И вот, после вступления на престол, Александр II повелел снова напечатать эту книгу, но на этот раз уже для публики.

Сочинение барона Модеста Корфа, имело значение только постольку, поскольку оно должно было отразить отношение к декабристам правительства.

«Смех, с которым бы мы встретили подобное сочинение, если б какой-нибудь автор напечатал его самодуром, смолкает перед этими словами «по высочайшему повелению», и уступает место чувству искренней и тяжелой горести», — писали издатели лондонской «Полярной Звезды» [1]).

В те годы какой-то сатирик написал весьма остроумные куплеты, в которых рассказывал, что, живя против казарм, он каждое утро просыпался от шума, производимого произнесением командных слов:

Шаг вперед! Два назад!
Тридцать три на месте!..

И вот, следя за обновлением университета, за развитием торговли, свободы печати, парламентаризма, он неизменно вспоминал эти символические слова, слышанной им команды:

Шаг вперед! Два назад!
Тридцать три на месте!..

Возвращая ссыльных декабристов, Александр сделал этот «шаг вперед», и сейчас же, по манере российских

---

[1]) 14 декабря и Николай I, стр. 14.

венценосцев, поспешил, выпуская книгу Корфа, сделать эти, узаконенные обычаем, «два шага назад».

Нам нет нужды заниматься подробным разбором этой книги; она того не стоит. Барон Корф далеко обогнал графа Блудова в низкопоклонстве, в угодничестве самого низкого пошиба.

Первая часть книги посвящена истории междуцарствия. Самый отъявленный революционер, или, по тогдашнему, «карбонар», едва ли мог бы нарисовать в более мрачных красках поведение Александра I, Константина и Николая в отношении вопроса о наследнике престола.

Самый рассказ о восстании декабристов не прибавлял, конечно, ничего нового к истории декабристов.

Тогда же эта книга получила жестокую и достойную отповедь от Герцена и его соратников [1]). Вся книга Корфа пестрит ложью и клеветой: князь Трубецкой, будто бы, растратил 5.000 руб., собранных на нужды Общества; на площади заговорщики подкупали чернь «деньгами и вином»; Михаила Павловича спасли три матроса, которые избили прикладами покушавшегося на него (В. Кюхельбекера) и т. д., и т. д.

В каждой строке, в каждом слове чувствуется грубая лесть, неумеренное желание возвеличить, вознести Николая, доказать сомнительную преданность ему войск и народа и унизить его противников.

Повторяем, вслед за Герценом, что сама по себе эта книга, по своему содержанию, по стилю и по всему, настолько ничтожна, что если бы она принадлежала перу какого-нибудь досужего писаки, на нее, верно, никто бы не обратил внимания. Но книге этой придан был характер декларации правительства об отношении к декабристам. В этом заключалось ее значение.

«Перед книгой барона Корфа мы не могли, не должны были молчать. Кому же и поднять голос за великих предшественников наших, как не нам, русским, покинувшим наше отечество для того, чтоб раздавалось хоть где-нибудь свободное русское слово»,—писал Герцен в предисловии к упомянутой выше книге.—«Тем больше, что мы

---

[1]) «14 декабря 1825 и император Николай». Издано редакцией «Полярной Звезды» по поводу книги барона Корфа. 1858 г.

от них считаем наше духовное рождение, что их голос разбудил нас к жизни и их пример поддержал через все существование наше» [1]).

Как же случилось это странное, на первый взгляд, противоречие в действиях нового императора по отношению к декабристам? При ближайшем рассмотрении, оно не покажется нам столь странным. Надо принять во внимание некоторую двусмысленность, создавшуюся в отношении Александра к его покойному родителю. С одной стороны, вынужденный обстоятельствами итти вразрез с его политикой, в частности, возвращать из Сибири декабристов, которых Николай не простил и на смертном одре, Александр, с другой стороны, чувствовал необходимость поддержать пиэтет отца, которого начинали осуждать слишком громко и беззастенчиво. Неудачным выражением сыновнего уважения, должно быть, и явилась эта книга, по поводу которой Герцен, не без иронии, писал в письме к Александру II: «Мы уверены, что и в этом случае ваше намерение было хорошо, но и в этом случае оно вам не удалось» [2]).

Издатели лондонской «Полярной Звезды» не ограничились разбором книги Корфа. Тогда же Герцен написал по поводу той же книги пространное письмо, обращенное к Александру II.

Прежде всего, в нем он отметил то противоречие, которое создавалось между официальными версиями о бессилии и незначительности заговора и тем страхом, который проявило перед ним правительство:

«Придворные риторы не подумали об одном: если это была толпа развратных и буйных шалунов, воспользовавшихся нелепостью импровизированного междуцарствия для того, чтобы пошуметь на площади и через несколько часов рассеяться, — то как объяснить страх Николая перед 14 декабрем, эту idée fixe его царствования, которую он не забыл на смертном одре?» [3]).

Для Герцена восстание 14-го декабря отнюдь не было обречено на неудачу. Мы видели выше, что не только все, даже и сторонники декабристов полагали, что восстание

---

[1]) Назв. соч. VII.
[2]) Библ. Декабр., вып. 2, М. 1907, стр. 1.
[3]) Ibid., стр. 2.

не может иметь успеха, но что такого же мнения держалось большинство самих декабристов.

Герцен первый указал на те стратегические возможности, которые открывались перед заговорщиками и тем самым уравновешивали шансы между противниками.

«Попытка 14-го декабря вовсе не была так безумна, как ее представляют»,—писал Герцен.—«Им не удалось, вот все, что можно сказать, но успех не был безусловно невозможен. Что было бы, если бы заговорщики вывели солдат не утром 14-го, а в полночь, и обложили бы Зимний дворец, где ничего не было готового? Что было бы, если бы, не строясь в каре, они утром всеми силами напали бы на дворцовый караул, еще шаткий и неуверенный тогда? Много ли сил надо было иметь Елизавете I при воцарении, Екатерине II для того, чтобы свергнуть Петра III?» [1]).

В другом своем труде о декабристах Герцен подробно останавливается на силах Южного и Северного Обществ [2]).

Итак, по мнению Герцена, декабристы легко могли победить, произвести серальный переворот. Но они не того хотели:

«Весьма может быть, что они потому-то и не бросились во дворец, а открыто построились на площади, как бы испытывая, с ними ли общественное мнение, с ними ли массы? Они не были с ними, и судьба их была решена» [3]).

К этому злосчастному вопросу, к отсутствию связи между декабристами и «массой», Герцен еще не раз возвращается, усматривая в этом Ахиллесову пяту декабристов.

«Невозможны более никакие иллюзии: народ остался равнодушным зрителем 14-го декабря», говорит он в другой раз [4]).

В брошюре, посвященной специально заговору декабристов, Герцен вполне уже конкретизирует свою мысль:

---

[1]) Герцен. Письмо к Александру II, стр. 8.
[2]) Герцен. Русский заговор 1825 г. СПБ. 1907, стр. 13—16.
[3]) Герцен. «Письмо», стр. 9.
[4]) Герцен. О развитии революционных идей в России. СПБ. 1907, стр. 101.

«Все заговорщики страстно хотели освобождения крестьян; но мы видим, что только один Пестель старался основать революцию на народе и на экономическом начале, и вот последствия: в день восстания, на Исаакиевской площади и в центре второй армии, заговорщикам не хватало народа. Их либерализм был слишком иноземен, чтобы быть популярным. От нас далека мысль упрекать их»,—добавляет Герцен.—«То было логическое следствие цивилизации, перенесенной в один только класс, и того отдаления, в котором цивилизованная Россия держалась от России народной» [1]).

Приводимые Герценом соображения безусловно верны, но должно обратить внимание и еще на одно обстоятельство, едва ли не самое серьезное в вопросе: почему декабристы не нашли отклика в «массах». Мы знаем, что главным ядром, главным действующим лицом, как революции 1905 г., так и потом Октябрьской революции, был рабочий класс. Это вполне естественное следствие централизованности рабочего класса, дающей больший простор организованности и укреплению сознательности. Крестьянство и теперь, в массе, играло пассивную роль.

Тем менее могли искать действенной опоры в крестьянстве, сто лет назад, декабристы, когда крестьянство, абсолютно разобщенное, закрепощенное, находившееся в неограниченной власти крупных и мелких царьков-помещиков, едва ли могло быть способно к каким-либо организованным действиям.

Рабочий же класс тогда еще почти не существовал. Существовавшая кустарная и отчасти мануфактурная промышленность не отрывала работника от земли, не создавала централизации больших масс рабочих на крупных предприятиях, вследствие коей, в будущем, стала возможна широкая пропаганда революционных идей и агитация в рабочих районах.

Тогда декабристы не имели всех этих средств, открывающихся с развитием фабрично-заводской промышленности, создающей пролетариат.

Поэтому, уже в силу экономического положения России, декабристы могли опереться исключительно на ар-

---

[1]) Герцен. Русский заговор, стр. 23.

мию. В армии они вели некоторую агитацию, притом, весьма успешную, безусловно способны были увлечь ее за собой. Таким образом, революция декабристов только и могла быть *революцией военной* и, как выше мы уже говорили, Герцен полагал, что она имела все шансы на успех. Он считал, что заговорщики попросту упустили момент для действий. «Мы вполне уверены»,—пишет он,—«что, если бы, начиная с конца 1824 года (заговорщики) не теряли драгоценного времени, восстание имело много шансов на успех. Но два доноса, посланные в Таганрог (естественные последствия этой потери времени), и неожиданная смерть Александра окончательно расстроили план Пестеля» [1]).

Еще гораздо более подробно останавливается Герцен на вопросе о задачах и значении декабристов.

Интересно отметить, что по поводу статей его декабрист П. Н. Свистунов писал: «Возбужденное в русском обществе любопытство не могло удовлетвориться... статьями покойного Герцена, сильно предубежденного в пользу всякой революционной попытки, и поэтому неспособного к беспристрастному суждению о факте, мало притом ему известном» [2]). Безусловно, в словах Свистунова есть доля правды, но дальнейший ход исследования истории декабристов доказал нам, что в основных положениях своих Герцен едва ли ошибался.

Нечего говорить о том, что все стремления, все задачи декабристов находят в Герцене самый горячий отклик. Особенно приветствовал он демократические воззрения Пестеля. «Пестель не был ни утопистом, ни мечтателем»,—пишет Герцен,—«совсем напротив: он ни на шаг не отходил от действительности, он знал дух своей нации. Если оставить земли дворянству, то получилась бы олигархия, народ даже не понял бы своего освобождения; русский крестьянин хочет быть свободным только с землей».

«Так же Пестель первый подумал о допущении народа до участия в революции»...

---

[1]) Герцен. Русский заговор. 13.

[2]) П. Н. Свистунов. Несколько замечаний по поводу новейших книг и статей о событии 14 декабря и о декабристах. «Русск. Арх.», 1870, кн. 6, стр. 1634.

Герцен признает, что практически Пестель заблуждался. «Теперь мы можем сказать, что Пестель увлекался; ни друзья его не могли работать над социальной революцией, ни народ не мог итти вместе с дворянством, но только великим людям дано ошибаться таким образом, упреждая развитие народных масс».

«Практически, моментом, он ошибался, а теоретически его мысль была откровением» [1]).

Каково же было значение заговора и восстания декабристов?

«Был ли этот заговор своевременен»,—пишет в другом сочинении Герцен,—«доказывает... невероятное распространение заговора по всему государству в каких-нибудь семь лет» [2]). «Время для тайного политического общества было выбрано во всех отношениях прекрасно» [3]).

Значение заговора Герцен понимал совершенно справедливо, именно в идеологической стороне его, в том, что он явился первым толчком, первым фазисом революционного движения.

«Это была первая в России оппозиция, поистине революционная... 14 декабря открыло новую фазу нашему политическому воспитанию; может показаться странным, что то громадное влияние, которое имело это дело и которое сильнее действовало, чем пропаганда и чем теория, было само восстание... Чего недоставало русским, это не либеральных стремлений или сознания злоупотреблений, им недоставало прецедента, который бы им придал смелость инициативы... Тишина, немая пассивность были нарушены; с высоты своих виселиц эти люди разбудили душу нового поколения, повязка спала с глаз» [4]).

Вот, почему Герцен вправе был назвать декабристов—духовными отцами своими и своих сторонников.

Он отметил и ту дифференциацию общества, тот разрыв общества с правительством, который произошел в результате 14-го декабря: «14-е декабря заставило правительство бросить лицемерие и поднять знамя деспо-

---

[1]) Герцен. О развитии революц. идей, 83.
[2]) Герцен. Письмо, 7.
[3]) Герцен. О развитии революц. идей, 80.
[4]) Ibid.

тизма» [1]). Император Николай увидел, что с образов
нием больше итти нельзя, не утратив долю деспотич
ского произвола, и отрекся от... образования.

«Общество увидело, что конституционными бичевка
не свяжешь царскую власть, пока огромное множест
народа, безгласно раздавленное, не принимает никако
участия в общественном деле» [2]).

Таково было отношение Герцена к декабристам, и
только его, но и всей тогдашней политической эмигра
ции. Выше мы уже говорили об отношении к декабриста
Н. П. Огарева.

Другой политический эмигрант, издатель выходивш
в Брюсселе газет «Будущность» и «Правдивый», кн. П. Д
Долгоруков, по своим убеждениям умеренный прогре
сист, поместил в «Колоколе» восторженный некроло
декабриста Волконского [3]). Международный Комите
чествовал годовщину 14 декабря и обращался к Герцен
с просьбой написать о декабристах историческ
очерк [4]).

Но если Герцен видел в декабристах своих духовны
отцов, декабристы отнюдь не видели в нем своего духов
ного сына.

Прежде всего, декабристы осуждали Герцена за эми
грацию. Оболенский говорил, что стыдно, сидя на чужо
острове, распинать свою родину [5]). «Для моего деда»,—
рассказывает внук декабриста, С. Г. Волконского,—«эми
грантство было чем-то недопустимым. Он считал, во-пер
вых, что человек должен иметь мужество своих убеждени
в своей стране, не выезжать за границу... Заплативши
за свои убеждения тридцатью годами ссылки, он имел
право так говорить. Во-вторых, он находил, что сидеть
в Лондоне и на глазах Европы выносит сор из избы, как
делал Герцен в своем «Колоколе», недостойно человека,
который любит родину» [6]).

---

[1]) Герцен. Развит. революц. идей, 85.
[2]) Герцен. Письмо, 9.
[3]) Белоголовый, 122—123.
[4]) Герцен. Русский заговор, 3.
[5]) «Русск. Арх», 1873, I, стр. 510.
[6]) С. М. Волконский, 120.

Это, в большой степени, несправедливо резкое отношение декабристов к Герцену характерно для их беспристрастия, на которое не подействовали бесконечные дифирамбы, расточаемые по их адресу Герценом. В самом же критическом отношении их к Герцену крупную роль, без сомнения, сыграло то обстоятельство, что они лично его не знали, и представление их о нем складывалось исключительно на основе знакомства с его изданиями.

Единственный из декабристов, лично знавший Герцена, А. В. Поджио, относился к нему иначе. Они познакомились в 60-х г.г. в Женеве. Легко себе представить, с каким восторженным почетом встретил Герцен ветерана-декабриста. Отношения между ними сразу же установились самые теплые и дружеские. Впоследствии им не раз случалось спорить и расходиться по различным политическим вопросам, что, впрочем, не нарушало «между ними ни добрых отношений, ни частых свиданий и бесед, как между истинно образованными людьми и патриотами, преследующими одну и ту же цель, но расходящимися в выборе дорог к ней» [1]).

Тогда как Герцен мог судить о декабристах только по скудным печатным и рукописным материалам, имевшимся у него в руках, большая часть современного ему русского общества получила возможность придти в непосредственное соприкосновение с возвращенными декабристами.

Перед нами чрезвычайно интересная страница истории: взаимоотношения возвращенных декабристов с правительством, с одной стороны, и вновь народившимся обществом — с другой. Поскольку этот вопрос абсолютно не освещен в печати, позволяем себе остановиться на нем несколько подробнее.

Декабристы не верили, а, может быть, и старались не верить, в возможность для них когда-нибудь вернуться в Россию.

«Не твои годы будут помехой нашему свиданию, а твердое убеждение, что край родной для меня закрыт»,— писал в 1842 году Е. П. Оболенский мужу сестры, А. В. Протасьеву [2]).

---

[1]) Подробно см. у Н. А. Белоголового.
[2]) «Историч. Вестн.», 1890, № 39, стр. 138.

И вот, М. С. Волконский привез неожиданную ве
о помиловании. Все почти оставшиеся в живых
кабристы потянулись в Россию.

В Сибири оставались только М. К. Кюхельбек
И. И. Горбачевский, В. А. Бечаснов, М. А. Бестуж
А. Ф. Фролов, П. И. Фаленберг, А. А. Крюков, И. В. К
реев, Д. И. Завалишин и А. В. Поджио, которым ма
риальные и семейные обстоятельства не позволили т
нуться в путь. Но тяга в Россию была настолько вели
что впоследствии все они, за исключением первых тр
бросили насиженные места и вернулись на родину [1]).

Сперва декабристам было запрещено жительст
в Москве и Петербурге, а им очень хотелось вернуть
именно в столицы.

Штейнгель просил у государя снять с него этот з
прет, ссылаясь на то, что в Москве похоронены его дет
а в Петербурге живет жена, с которой он был разлуч
в течение тридцати лет. Но III Отделение не нашло во
можным дозволить Штейнгелю жительство в столица
Он поселился в Колпине, и только в ноябре государь ра
решил ему переехать в Петербург [2]). По этому повод
Батеньков писал Оболенскому: «Один только барон об
грел себе место в столице. Почему же и всем не желат
бы того же, а совокупным стремлением и настойчивость
при нынешнем расположении к добру, почему бы и н
одолеть надзор и ограничения. Кажется, уж одни лет
наши дают достаточный залог» [3]).

Несмотря на этот, как будто бы, действительно, вполн
достаточный залог, правительство относилось к возвра
щенным старикам-декабристам крайне подозрительно
Московский генерал-губернатор Тучков, в молодости н
избежавший участия в заговоре декабристов и ныне от
носившийся к ним крайне благожелательно, вынужде
был намекнуть А. В. Поджио, что петербургские власт
смотрят чрезвычайно косо на частые приезды декабристо
в столицу [4]).

---

[1]) Из них Д. И. Завалишин возвращен был по требованию
правительства.

[2]) Обществен. движен. I. 318.

[3]) «Русск. Ст.», 1901, с. VIII, стр. 103.

[4]) Белоголовый, 92.

Тем не менее, постепенно декабристы получали право жить в столицах, и еще ранее описанного случая, в 1859 году, тот же Поджио, приехав в Москву, нашел уже там М. М. Нарышкина, Е. П. Оболенского, И. И. Пущина, П. Н. Свистунова, И. Д. Якушкина, С. П. Трубецкого и др. Все они постоянно собирались у жившего в отдаленной части Москвы, в Хамовниках, Якушкина, который из-за ревматизма почти не выходил из дому. Полиция вскоре обратила внимание на эти частые собрания, о которых было донесено тогдашнему московскому генерал-губернатору, графу Закревскому (предшественнику Тучкова), который, — «в предупреждение, чтобы эти 60—70-летние старики не затеяли новой революции»,—замечает Н. А. Белоголовый,—«распорядился о немедленной высылке их из Москвы, обязав подпиской, что всякий раз, как им встретится надобность по делам побывать в Москве, они должны испрашивать разрешения у московского начальства на определенный и короткий срок» [1]).

Если опасения правительства и не имели под собою оснований, то, во всяком случае, они не были столь абсурдны, как это может показаться. Для того, чтобы понять это и нарисовать себе то положение, которое должны были возвращенные декабристы занять в современном обществе, надо вспомнить, что представляли собою декабристы в 50—60 г.г.

Тридцатилетняя ссылка не оторвала их от жизни. Из своего сибирского уединения декабристы напряженно следили за развитием культурной и политической жизни. Правда, с отчаянными опозданиями, но ими получались журналы, газеты, великое множество книг. Люди исключительно сильного интеллекта, пионеры культуры, они не позволили себе оторваться от жизни, и, физически вырванные из круговорота ее, они духовно продолжали жить в сфере тех же развертывающихся событий, тех же интересов, прогрессировавших совместно с течением жизни

Надо помнить и то, что последние пятнадцать-двадцать лет своего сибирского заточения многие декабристы прожили в Иркутске. Иркутск был и тогда уже, т.-е. в 40—50 г.г. крупным губернским городом, со шко-

---

[1]) Ibid., 82.

лами, общественными учреждениями и т. д. Сибирски губернатором был о ту пору знаменитый в истории раз вития Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский, который к дека бристам относился настолько благосклонно, что дво чиновников поспешили даже донести об этом в Петер бург. Ко времени вступления его в исполнение должно сти, декабристы, жившие в окрестностях Иркутска должны были всякий раз испрашивать специальное раз решение на право въезда в город, и только княгини Вол конская и Трубецкая, с детьми, жили в Иркутске без выездно. Муравьев немедленно положил конец этим сте снениям и тем самым облегчил нравственную и матери альную стороны их существования [1]).

До его появления, иркутское общество опасалось сближаться с семьями декабристов, вследствие неистовств прежнего ген.-губ. Руперта. «Муравьев и супруга его... познакомились с княгинями Волконской и Трубецкой, и этим самым указали, какое место эти последние должны занимать в обществе, и своим личным примером как бы поощрили сближение с декабристами» [2]).

Донос не изменил отношения Муравьева к декабристам [3]). Таким образом, непосредственное общение с иркутским обществом, бурление нарождавшегося губернского города, еще способствовали тому, что декабристы не отстали от жизни.

Итак, в Россию возвращались не жалкие инвалиды, которым была открыта только одна карьера — карьера

---

[1]) Н. Барсуков. Гр. Н. Н. Муравьев-Амурский. М. 1891. Кн. I, стр. 185.

[2]) Ibid., стр. 187.

[3]) Считаем уместным привести здесь ответ Н. Н. Муравьева на донос, в том виде, как его передает один из сибирских губернаторов, Б. В. Струве: «Николай Николаевич ответил на этот донос приблизительно следующее: «Что он убежден, что, так называемые декабристы, искупив заблуждения своей юности тяжелою карою, принадлежат к числу лучших подданных русского царя; что никакое наказание не должно быть пожизненным, так как цель наказания есть исправление, а это вполне достигнуто по отношению к декабристам, и что нет основания оставлять их изверженными навсегда из общества, в составе которого они имеют право числиться по своему образованию, своим нравственным качествам и теперешним политическим убеждениям. «Русск. Вестн.», 1888 г., стр. 169.

смерти, какими, вероятно, рассчитывало их видеть правительство, но люди, полные духовных и жизненных сил и кипучей энергии. Знакомство с их жизнью в России только еще подтвердит это наше мнение.

Граф М. Д. Бутурлин, знавший Е. П. Оболенского в Калуге, вспоминает о нем, что «от природной сердечной доброты и вследствие (вероятно) долговременной ссыльной жизни и бремени годов, князь Евгений Петрович сделался настоящим дитятей в практической жизни» [1]).

Едва ли это верно: переписка Оболенского с Я. И. Ростовцевым и с друзьями-декабристами (о которой речь впереди), противоречит такому о нем отзыву. По всему, что мы о них знаем, возвращенные декабристы представляются нам в совсем ином свете.

Мы имеем возможность восстановить в своей памяти картину жизни едва ли не всех возвращенных декабристов. Это, без сомнения, чрезвычайно интересная страница русской истории. Вот, что мы узнаем:

И. А. Анненков, поселившись в Нижнем-Новгороде, занимал «место Нижегородского уездного предводителя дворянства несколько трехлетий сряду, пока здоровье его не расстроилось окончательно» [2]).

П. Н. Свистунов много работал в деле «освобождения крестьян и устроения их нового быта» [3]). Возвращенный при новом государе из ссылки, М. А. Назимов принял самое деятельное участие в близком для его сердца деле освобождения крестьян»,—читаем мы в его некрологе...

Он состоял гласным губернского земского собрания... был первым председателем губернской земской управы и т. д. [4]). Барон А. Е. Розен, в эпоху реформ, пробыл два трехлетия мировым посредником, на свои средства устроил крестьянский банк, школу и пр. [5]).

---

[1]) Записки гр. М. Д. Бутурлина. «Р. Ст.», 1898 (8), стр. 531.
[2]) Барон А. Е. Розен. И. А. Анненков. «Р. Ст.», 1878, XXII, 525. Переп. в Записках.
[3]) Некролог П. Н. Свистунова. «Р. Ст.», 1889, т. 61, стр. 669.
[4]) Некролог М. А. Назимова. «Ист. Вестн.», 1888, XXXIV, стр. 260.
[5]) Некрологи А. Е. Розена. «Ист. Вестн.», 1884, VII, 223—4 и «Р. Ст.», 1884, VI, 657—8.

Из сорока двух декабристов, которых застала амнистия, двадцать один впоследствии еще занимались литературной деятельностью.

При таком положении вещей, естественно, что декабристы могли еще представлять собою весьма реальную общественную силу, и нам понятными становятся опасения правительства в первые годы после их возвращения. Понятно и то, почему Корф в своей книге старается, по возможности, не называть декабристов по именам. «Корф, когда ему случается назвать кого из заговорщиков, делает это как бы нехотя»,—иронически замечали лондонские критики.—«Ему неприятно напоминать эти имена публике» [1]). Любопытно и то, как в эти первые годы писались некрологи декабристов. В 1865 г. умер Оболенский. «Евгений Петрович Оболенский начал свое поприще в военной службе, был старшим адъютантом при начальнике всей пехоты гвардейского корпуса»,—писал декабрист Розен.—«В конце 1825 года кончилось его поприще и началось другое, новое, переполненное страданиями и лишениями всякого рода и продолжавшееся до 1856 года 26-го августа, до манифеста Александра II» [2]).

Только много позднее стало возможным называть свободно вещи своими именами. И в 1884 году, в некрологе бар. Розена, мы уже встречаем непосредственное указание на то, что «катастрофа 14-го декабря разбила его блистательную карьеру»... и далее смелый ответ Розена на вопрос государя, почему он не просит о милости: «В. В., у нас есть справедливость и закон, милости мне не нужно» [3]).

Русское общество встретило возвращенных декабристов восторженно, что и неудивительно при господствовавшем тогда либеральном настроении.

М. Н. Волконская вспоминает, что ее муж «по возвращении на родину был встречен сердечно, а некоторыми даже восторженно» [4]).

---

[1]) «14-е декабря и Николай I», стр. 260.
[2]) Г. «День», 1865 г., № 18.
[3]) «Ист. Вестн.», 1884, VII, 223.
[4]) Записки кн. М. Н. Волконской. Изд-во «Прометей», стр. 104.

Былые участники тайных обществ, уцелевшие в свое время от декабрьского разгрома, наперебой спешили засвидетельствовать свою любовь и уважение к седовласым изгнанникам [1]). Журналы и газеты, от аксаковского «Дня» и до катковского «Русского Вестника», открыли им свои страницы.

Действительно, общество не могло не быть сильно заинтересовано появлением этих глубоких старцев из недр сибирских в самый момент частичного осуществления их, столь дорого им стоивших, мечтаний.

«Мы представляем собою знамя, и оно служит только для того, чтобы не выразить словом то, что на душе у каждого лежит, но не заявляется гласно», писал Оболенский М. И. Муравьеву-Апостолу [2]).

«От фатального декабря, как от бегства из Мекки в Медину, считается летоисчисление всех возможных эмансипаций», замечает Батеньков в письме к Оболенскому [3]).

Значение возвращенных декабристов, именно, как почетного знамени, было настолько велико, что могущественный Я. И. Ростовцев, в самый разгар подготовительных работ по раскрепощению крестьян, находил время писать в Калугу недавнему каторжнику, Оболенскому, пространнейшие письма, в которых доказывал благородство побуждений, приведших его тридцать три года назад в кабинет Николая с доносом на декабристов и, глубоко уязвленный нападками на него, по этому поводу, герценовского «Колокола», спешил представить Оболенскому длинный ряд оправданий [4]).

Лев Толстой, в своем неоконченном романе «Декабристы», верно схватил это благожелательное отношение русского общества к возвращенным декабристам, у одной ее части являющейся плодом праздного любопытства, у другой — действительной глубокой симпатии.

---

[1]) Белоголовый, 86.

[2]) «Декабристы. Материалы для характеристики». М. 1907, стр. 73.

[3]) «Русск. Ст.», 1901, сб. VIII, 104.

[4]) «Русск. Архив». 1873, I, 506 и дальше.

Ростовцев являлся представителем той, третьей част общества, которая сознавала, что так или иначе, а пр настоящих условиях, с декабристами должно считаться.

Декабристы вернулись в Россию в самый разгар ча ний и надежд, вызванных новым царствованием. Харак терны слова княгини М. Н. Волконской: «Ваш отец (т.-е. С. Г. Волконский)... говорил, что во всякой друго стране он также был бы подвергнут строгому наказани На это я ему отвечала, что наказание не было бы таки суровым, так как не приговаривают человека к каторж ным работам, к одиночному заключению и к 30 года ссылки только за его политические убеждения и за то что он был членом тайного общества... *Теперь в Петер бурге и Москве всюду говорятся гораздо более серьезны вещи, и все-таки никого за это не арестовывают*» [1]).

Декабристы были слишком цельными натурами, чтоб усомниться в том, что все эти «серьезные вещи», гово ривши еся тогда в столицах, преломятся в действия. Чу ждые политическим интригам, они видели только факты не зная их тайной подоплеки. Они были свидетелям зарождения как бы новой жизни, и с великой радостью встречали ее первые слабые дуновения.

«В хорошее время возвратился А. В. Поджио и Сибири»,—пишет Н. А. Белоголовый.—«Контраст между тем временем, когда его сослали туда, и его возвраще нием, был колоссальный и походил для него более на сказку, чем на действительность. Переворот этот в его личной жизни совпал с первым десятилетием царствова ния императора Александра II. Едва ли в ту пору у Александра II были более преданные подданные, чем эти старцы, появлявшиеся тогда из недр Сибири, как бы на веселый праздник» [2]).

«Вот и новый год наступил, любезный друг, Матвей Иванович!»—приветствует Оболенский Матвея Муравьева в 1861 г.—«Обнимем друг друга с старой дружбой и пожелаем новому поколению того счастья, которого мы желали себе, т.-е. осуществления в полной мере того, что ныне

---

[1]) Волконская, 104. Курсив наш.
[2]) Белоголовый, 81.

будет положено в основание нашей будущей гражданской жизни» [1]).

На первый взгляд, это содружество декабристов с правительством может показаться странным и ненормальным, тем более, что мы доподлинно знаем, что никакого ровно компромисса, никакого существенного сдвига в их убеждениях не произошло. Они пылали теми же чувствами, которые тридцать лет назад привели их в Сибирь. А. В. Поджио, по словам его друга Н. А. Белоголового, «вернулся из Сибири еще более убежденным либералом и конституционалистом, чем каким попал в нее» [2]).

«Вернувшись из Сибири», — пишет внук декабриста, С. М. Волконский, — «декабристы попали в тот же круг мыслей и чувств, за которые поплатились и в котором прожили, там, в Сибири, в течение тридцати лет» [3]). В этом и только в этом, конечно, смысл содружества декабристов с правительством. Они верили в Александра II, им хотелось, они должны были верить в него; для них он являлся опорной точкой их надежд, веры в осуществление их стародавних мечтаний, ибо в сподвижников Александровых, беззубых стариков николаевской школы, верить они не могли.

«И впоследствии, когда им пришлось уже, в большой степени, разочароваться в своих надеждах, они по-прежнему старались сохранить веру в Александра, слагая всю вину на сановников» [4]).

Но даже и в эти первые годы декабристы не принимали огулом, на веру, все либеральные обещания правительства. Особенным скептицизмом отличался И. И. Горбачевский, из сибирской глуши с горячим интересом следивший за общественно-политическою жизнью и старавшийся охладить юношескую веру Оболенского: «Прости меня великодушно, мой Евгений Петрович, за мое неверие: решительно, не только сомневаюсь, но даже решительно не верю ни вашей гласности, ни вашему прогрессу, ни даже свободе крестьян от помещиков; все это,

---

[1]) «Декабристы», 64.
[2]) Белоголовый, 86.
[3]) Сергей Волконский. «О декабристах», 114.
[4]) Белоголовый, 81.

мне кажется, болтовня праздных людей, у которых нет ни желания, ни воли сделать другим добро» [1]).

Это последнее чрезвычайно характерно не только для Горбачевского, но и для всех декабристов. Для них требование отмены крепостного права было прежде всего актом человеколюбия. Их сердце восставало против рабства, а уже позади сердца шел разум. В действиях правительства участвовал только разум: для него раскрепощение крестьян было актом чисто политическим, и там, где декабристы, отрекаясь от личных интересов, стремились сделать добро, правительство видело только политическую, социальную необходимость.

Отсюда недоверие Горбачевского к крестьянской реформе: «Что может быть из такого порядка вещей, где люди в своем деле сами и судьи», — пишет он [2]).

«С любопытством читал в твоем письме о крестьянах; одному удивляюсь: чтобы сделать людям добро, надо для этого время и формалистика какая-то. Конечно, говорят, это нужно для порядка и устройства, пускай так; но за что же им-то навязывать, что им не нравится?» [3]) Нотки недоверия звучат и в письмах других декабристов. Критикуя крестьянскую реформу, Батеньков пишет: «Нельзя сказать, чтоб я сам глубоко входил в это дело, но понимаю, что бюрократическим путем оно вполне не устроится» [4]).

«Свобода идет своим порядком и беспорядком — старое не хочет умереть, а новое еще не окрепло и не может еще пересилить старое», — пишет Оболенский [5]).

«Не будем льстить себя надеждой, чтоб веками накопленное зло при имени свободы рассыпалось, как прах от ветра», — пишет он в другой раз.—«Свобода доселе находилась только в букве закона, но не вступила в права жизни; но постепенно этот младенец вырастет, окрепнет и будет мужем» [6]).

---

[1]) Горбачевский, 238.
[2]) Ibid., 238.
[3]) Ibid., 262.
[4]) «Р. Ст.», 1901, сб. VIII, 107.
[5]) «Декабристы», 76.
[6]) «Декабристы», стр. 65. См. также об этом Б. Л. Модзалевский: «Письма декабриста Оболенского к С. Н. и Н. С. Кашкиным» в сборн. «Декабристы». М. 1925.

Но, несмотря на все эти сомнения, несмотря на сознание того, что дело не так делается, как надлежало бы, уже самый факт освобождения крестьян, вне связи с теми формами, в которые оно отливалось, самые эти слова: «свобода крестьян» глубоко потрясли декабристов. Поджио называл 19-е февраля счастливейшим днем своей жизни [1]). Волконский был в Париже, в русской церкви, когда с высоты амвона он услышал слова манифеста; разрыдавшись, 73-летний старик упал на колени [2]).

Декабристам необходима была вера в счастливое завершение начатого ими дела, необходима для нравственного оправдания принесенной ими жертвы. И даже у недоверчивого Горбачевского невольно прорывается: «Одно еще меня поддерживает, — это вера в какое-то будущее, хорошее, в идею, которую тогда только *покину, когда перестану жить*» [3]).

Оболенский так отзывался о современном русском обществе: «Молодое поколение опередило нас и должно опередить. Но в нынешнее переходное время все стихии будущего находятся в хаотическом состоянии и, как в мироздании, отделяются друг от друга, чтобы занять определенные им места, когда свет истины проникнет через все их слои и осветит все их темные стороны, которые тогда примут тот характер истины, который им доселе недостает... Одним словом, у нас в ходу все возможные крайности, но разумной середины еще нет, или она не высказалась» [4]).

И в самом деле, русское общество было чрезвычайно многолико: славянофилы, западники, Герцен, Огарев, революционеры-социалисты, нигилисты, тогда еще только нарождавшиеся, и т. д.

В этих многообразных, противоречивых течениях искали старики-декабристы золотой середины. В их собственном мировоззрении были общие черты со славянофилами, были общие черты с западниками, но ничего общего, конечно, не было с нигилистами. «Нигилисты»,

---

[1]) Белоголовый, стр. 94.
[2]) Сергей Волконский, стр. 130.
[3]) Горбачевский, стр. 261.
[4]) Декабристы, 73—74.

ни во что не ставившие поэзию и эстетику, вообще отрицавшие искусство, восклицавшие, что «сапоги выше Шекспира», что «яичница нужнее Пушкина», были абсолютно чужды декабристам и смотрели на них, как на своеобразный анахронизм. В свою очередь, и декабристы, констатируя их заблуждения, относились к ним с нескрываемым снисходительным превосходством. Горбачевский писал о них: «Нигилисты, которые представлены в романе Базарова, меня не удивляют, и их явление не есть по-моему новость; мне кажется, они всегда были и будут при таком порядке вещей, и они в этом почти не виноваты: где неопытность, молодость, там и крайности» [1]).

Выше мы упоминали уже, что декабристы имели общие черты как с западниками, так и со славянофилами. Общие их корни с западниками шли издалека, из времен юности. «Декабристы и по воспитанию, и по стремлениям, и по вкусам своим были, конечно, западниками», — писал С. М. Волконский [2]).

Но, возвратясь из Сибири, они нашли общие точки соприкосновения со славянофилами. Прежде всего, тех и других роднила глубокая любовь к родине и вера в нее. Декабристы, как и славянофилы, веровали в преимущество даров природы перед дарами культуры. И потом, конечно, их роднила общая беззаветная любовь к народу, к «меньшому брату».

Поэтому-то, незадолго перед собственной смертью, похоронив своего старого товарища, М. М. Нарышкина, князь Оболенский, написав его некролог, послал его именно И. С. Аксакову, чтобы тот напечатал его в своем «Дне», что и было исполнено. А вскоре после того, в том же «Дне» появился некролог самого Оболенского, написанный тоже декабристом, бароном А. Е. Розеном.

С великой охотой открывая столбцы своей газеты декабристам, И. С. Аксаков и сам пишет о них, в самых восторженных тонах, превознося их «высокую, внутреннюю простоту», отсутствие в них «всякого раздражения,

---

[1]) Горбачевский, 268. Речь идет, конечно, о романе Тургенева «Отцы и дети».

[2]) С. М. Волконский, 116.

всякого желания покрасоваться своим прошлым» и т. д. Это сближение и взаимное расположение привело, наконец, к тому, что Волконский, напр., стал завсегдатаем в домах Аксаковых, Самарина, Хомякова, в которых он чувствовал себя «духовно дома» [1]).

Для выяснения отношения славянофилов к декабристам должно остановиться еще на следующем эпизоде.

В конце 1831 года, один из будущих основоположников славянофильства, И. В. Киреевский, получил разрешение на издание журнала «Европеец». Первый же номер «Европейца» навлек на себя гнев императора Николая, умудрившегося найти в нем намеки на конституцию, и даже на революцию. Решено было уже объявить Киреевского сумасшедшим, по примеру Чаадаева, но, в конце концов, дело ограничилось новыми стеснительными мерами в области издания журналов [2]).

Тогда-то явилась на свет записка графу Бенкендорфу (Mémoire au comte Benkendorf), написанная от имени И. В. Киреевского. В ней автор жестоко порицал декабристов. «Было время»,—пишет он,—«когда молодое поколение мечтало о реформах в стране, о системах управления, подобных тем, какие мы находим в странах Европы, о порядке вещей, в точности воспроизводящем порядок, установившийся в этих странах... никто не подозревал, что эти учреждения, возникнув из совершенно чуждого нам общественного строя, не могут иметь ничего общего с потребностями нашей страны... Каково бы ни было действительное достоинство различных законодательств Европы, раз все социальные формы являются там необходимыми следствиями из великого множества предшествовавших фактов, оставшихся нам чуждыми, они никоим образом не могут быть для нас пригодными» [3]).

Для славянофилов совершенно логично было именно так относиться к стремлениям декабристов. Но выше мы видели, что к самим декабристам они относились в высо-

---

[1]) Ibid., 117.

[2]) Подробно см. М. К. Лемке. Николаевск. жандармы и литература, 1825—1856 г.г. Изд. 2-е, СПБ. 1909, стр. 71—74.

[3]) Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, под редакц. М. Гершензона. М. 1914, т. II, стр. 302—304.

кой степени благожелательно и, повидимому, если и сч
тали их стремления неуместными, то признавали сво
временность самого их выступления, как такового.

Помимо всего этого, в высокой степени неблагови
ным представляется самый факт этого суда над декабр
стами, производимого купно с Бенкендорфом.

Но «Записка» эта имеет свою историю. По слова
опубликовавшего ее Гагарина, П. Я. Чаадаев состави
ее с тем, чтобы И. В. Киреевский от своего имени пре
ставил ее Бенкендорфу. М. О. Гершензон отмечает, ч
«основные мысли, изложенные в «Записке», — религио
ные и политические, — чрезвычайно близки к тем, каки
выражал Чаадаев около этого времени» [1]). Сам же Кир
евский в 1844 году писал по поводу этой «Записки
А. С. Хомякову: «Оправдание мое, которое ходило тогд
по Москве, было писано не мною, и не по моим мы
лям» [2]), снимая, таким образом, с себя ответственност
за эту «Записку».

Но естественно было славянофилам осуждать стрем
ления декабристов. И, вне сомнения, не без основани
вкладывал Чаадаев вышеприведенные мысли в уст
Киреевского (тогда, впрочем, самая группа славянофи
лов еще не существовала). Отношение славянофило
к декабристам было и должно было быть двойственны
Если не родственные, то близкие, во всяком случае
в своих стремлениях к обновлению России, к раскреп
щению крестьян, к различным реформам, они резко рас
ходились в методах, в практических подходах. И тогд
как славянофилы лекарство, спасение видели в действен
ных, потенциальных силах России и русского народа
к органическим особенностям которой они старались
примениться и собирались действовать заодно с прави
тельством, — декабристы привнесли свои идеи извн
и шли против правительства. Эта двойственность отно
шения блестяще выразилась в стихотворении Ф. И. Тют
чева, обращенном к декабристам.

---

[1]) Ibid, т. I, стр. 431.

[2]) Полное собрание сочинений И. В. Киреевского, в 2 т., под
ред. М. О. Гершензона, т. II, стр. 232.

Сперва громы и молнии на их головы:

Вас развратило самовластье,
И меч его вас поразил,
И в неподкупном беспристрастьи
Сей приговор закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена,
И ваша память для потомства,
Как труп, в земле схоронена.

И потом, вдруг, без видимого перехода, Тютчев продолжает:

«О, жертвы мысли безрассудной», и т. д.—цитированный выше отрывок (см. предыдущую главу), в котором уже слышится тайное сочувствие декабристам. Но они были слишком слабы, чтобы бороться с «вековой громадой льдов». «Железная зима» погубила их.

Возвращенные из Сибири декабристы, опьяненные мнимым запахом свободы, оглушенные сознанием близости реформ, вновь поверили правительству, как верили они в свое время либерализму Александра I, как поверили, в крепости, актерству Николая. Эта готовность декабристов работать рука об руку с правительством в проведении тех реформ, о которых они мечтали вместе с славянофилами, в совокупности с тем, что былые разногласия уже окончательно утратили свою злободневность и постепенно отходили в область истории, и создали почву для окончательного сближения славянофилов и декабристов.

ГЛАВА VIII.

Эпоха увлечения декабристами.

Сочувствие к какому-либо историческому факту, симпатия к тем или иным историческим деятелям, естественно, усиливает в обществе интерес к истории данной эпохи.

В русском обществе 60—70 г.г. интерес к истории декабристов еще усугубился непосредственным общением, знакомством с этими таинственными, седыми изгнанниками, возвращенными неожиданной «царской милостью».

Но, вместе с тем, самый тот факт, что декабристы были еще живы и, не только живы, но полны творческих, жизненных сил, давал правительству лишний повод к тому, чтобы заключить, что для них еще не настало время истории. Изданная правительством книга Корфа нагляднейшим образом указывала историкам, сочувствующим декабристам, что им еще рано браться за перо. «Ведь и для него настала история!»—писал Герцен Александру II о заговоре декабристов.—«Вместо брани, не лучше ли обратиться к тогдашним событиям с серьезной и покойной мыслью и постараться понять их смысл? [1]). Но еще многие годы русская печать вынуждена была молчать.

Первым историографом декабристов был тот же Герцен, который, наряду со своими статьями о декабристах, напечатал целый ряд документов и мемуаров.

---

[1]) Герцен. Письмо, стр. 1.

«Полярная Звезда» Герцена, издававшаяся в Вольной Русской Типографии в Лондоне, явилась первым источником, из которого русское общество получило некоторую возможность черпать сведения о декабристах.

В «Полярной Звезде», название которой, по словам Герцена, было заимствовано у декабристов, в знак утверждения преемственной связи [1]), были напечатаны многие стихи Рылеева, воспоминания М. И. Пущина о Кронверкской куртине, статьи о декабристах, наконец, что чрезвычайно важно, там же впервые появились сочинения М. С. Лунина «Взгляд на тайное общество» и «Разбор Донесения Следственной Комиссии» и его письма из Сибири.

В 1862 году Герцен приступил к изданию «Записок декабристов». По этому поводу он писал в «Колоколе»:

«Мы предполагаем издавать записки отдельными выпусками и начать с записок И. Д. Якушкина и князя Трубецкого. Затем последуют записки князя Оболенского, Басаргина, Штейнгеля, Люблинского [2]), Н. Бестужева; далее «14 декабря» Пущина, «Белая Церковь», «Воспоминания кн. Оболенского о Рылееве и Якушкине», «Былое из рассказов декабристов», «Список Следственной Комиссии», «Статья о Лунине и разные письма» [3]).

Впрочем, из всего намеченного Герценом материала были опубликованы в «Записках декабристов» только первая и вторая части записок И. Д. Якушкина [4]), записки Трубецкого и два рассказа «Белая Церковь» и «14-е декабря».

Эти два рассказа, подробно повествующие. первый о восстании Сергея Муравьева-Апостола, второй о петербургском восстании, не утратившие своего интереса и исторической ценности и до сей поры, в то отдаленное

---

[1]) «Полярная Звезда»—название литературн. альманаха, издававшегося в 20-х г.г. К. Ф. Рылеевым и А. А. Бестужевым.

[2]) Записки декабриста Юлиана Люблинского не появились в печати. Кроме этого упоминания, мы вообще не имеем указаний на то, чтобы они когда-либо существовали.

[3]) «Колокол», 1862 г., № 143.

[4]) 3-я ч. Записок И. Д. Якушкина была впервые опублик. в 1887 г. в «Русск. Арх.».

время должны были явить собою новую эпоху в истори декабризма, наравне с сочинениями Лунина.

Рассказ «14-е декабря» был опубликован за подпись И. И. Пущина и впоследствии с его же именем был пере печатан в сборнике «Тайное Общество и 14-е декабр в России», изданном в Лейпциге Э. А. Касперовиче в серии «Собрание материалов для истории возрождени России. Том I». Но фактическая принадлежность этог рассказа И. И. Пущину в последнее время оспа ривается [1]). И еще декабрист П. Н. Свистунов замеча по этому поводу: «Записки И. И. Пущина напечатаны по его смерти [2]), но не знаю, кем доставлены издател и точно ли им самим составлены... Есть обмолвка стол важная, что она заставляет усумниться, точно ли эт «Записки» составлены Пущиным» [3]). Свистунов подразу мевает рассказ о том, что во время восстания Трубецко будто бы стоял в свите государя, что не соответствуе истине и оскверняет незаслуженно его память.

За исключением этой и других мелких погрешно стей [4]), по отзывам читавших этот рассказ участнико восстания, он «верен, не только в общих чертах, но и в многих подробностях».

Еще больший интерес представлял собою для публики рассказ «Белая Церковь», повествующий о восстании Сергея Муравьева. Он был записан декабристом Ф. Ф. Вад ковским со слов участников восстания бар. В. Н. Соло вьева, А. А. Быстрицкого и А. Е. Мозалевского [5]). Если история 14-го декабря уже была—до некоторой степени

---

[1]) Б. Л. Модзалевский склоняется к мысли, что он при надлежит И. Д. Якушкину.

[2]) И. И. Пущин умер в 1859 г. Записки его впервые напеча таны Герценом в 1863 г.

[3]) «Русск. Арх.». 1870, стр. 1664.

[4]) Так, автор, по словам Свистунова, ошибочно называет членами тайного общества полк. Ланского, полк. Кологривова, Чевкина и т. д. Кавалергардского полка полк. Кологривов, однако же, фактически был членом тайного общества, но за не значительностью улик против него не был потребован к след ствию, а подвергнут 6-месячному заключению в крепости и по том переведен тем же чином в Финляндский драгунский полк.

[5]) В заграничн. издан. Вадковский ошибочно называется Ватковским, а Быстрицкий—Быстржицким.

отя бы,—знакома русскому читателю по официальным онесениям и по отрывочным воспоминаниям, то о героическом походе Черниговского полка не было известно ешительно ничего [1]).

Но должно помнить, что лондонским изданиям Герена официальный доступ в Россию был закрыт, и потому, роникая туда случайно, нелегальными путями, они неособны были удовлетворить интерес русского общества истории декабристов. Помимо того, в большинстве, все ти опубликованные Герценом материалы относились истории самого взрыва, тогда как читающая публика жидала истории заговора, хотела ознакомиться с теоретической, идейной стороной вопроса. Наконец, и это тоже чень важно, надо учесть и то, что мемуары декабристов олучались Герценом не непосредственно от авторов и не подлинниках. По словам Свистунова, они «были украдкой списаны и пересланы заграницу для напечатания, о смерти их составителей». Отсюда невольные пропуски неточности.

Но, тем не менее, все это был драгоценнейший и притом ервый вклад в историю декабризма, только мало доступный широкой публике.

Постепенно, однако, уже и в выходящей по эту сторону рубежа периодической печати, начали появляться ведения о декабристах. Одним из первых открыл для них вои страницы «Русский Вестник», основанный в 1856 г. М. Н. Катковым. В 50-х г.г. это был наиболее «передовой» урнал, в котором, на ряду с И. С. Тургеневым, М. Заруд-ным, Львом Толстым и другими, сотрудничал тогдашний иберал К. П. Победоносцев.

Однако, около 1862 г. политическая физиономия «Русского Вестника» начинает видоизменяться, и в 1863 г. он, вслед за правительством, резко меняет курс в сторону

---

[1]) Только в 1871 г. в 6-й кн. «Русск. Архива» появился кратий рассказ о восстании Черниговск. полка М. И. Муравьева-Апостола и статья М. Ф. Шугурова «Бунт Черниг. полка», основанная на обрывках из показаний участников, а в 1882 г. там же Записки И. И. Горбачевского, основанные, должно быть, на рассказах тех же лиц, так как Горбачевский сам в восстании не участвовал.

реакции [1]). Материалы о декабристах исчезают с е страниц.

Но в том же 1863 г. в Москве был основан журна «Русский Архив», посвященный изучению русско прошлого. Идея этого журнала принадлежала А. С. Хом кову; осуществлена она была П. И. Бартеневым.

Вслед за тем, в 1870 г. М. И. Семевский основал в П тербурге «Русскую Старину» [2]), а в 1880 г. возник «Ист рический Вестник».

Все эти журналы немедленно наполнились свед ниями о декабристах. П. И. Бартенев вошел в сношени с А. П. Сазонович, одной из воспитанниц М. И. Муравь ва-Апостола, благодаря которой получил множество це ных сведений и писем декабристов.

М. И. Семевский, еще до основания «Русской Ст рины», получил от Е. А. Бестужевой (ум. в 1873 г.) мн жество бумаг и писем ее братьев. В это время в Селен гинске жил еще М. А. Бестужев, с которым М. И. Семе ский немедля вступил в переписку, получая о М. А. Бестужева, обладавшего замечательною память и отличным слогом, пространнейшие ответы на сво вопросы, которые и составили известные нам записк М. А. Бестужева.

Все эти рассказы М. И. Семевский печатал в «Ру ской Старине».

Таким образом, за два десятилетия русская литера тура обогатилась огромным количеством мемуарно литературы декабристов. В «Русском Архиве» были напе чатаны разного рода мемуары П. Н. Свистунова И. Д. Якушкина, И. И. Горбачевского, Н. В. Басаргина А. С. Гангеблова, Г. С. Батенькова, Е. П. Оболенского П. И. Фаленберга, Н. А. Бестужева, М. И. Муравьева Апостола, Н. И. Лорера, сочинения В. И. Штейнгеля бумаги Рылеева, письма С. И. Муравьева-Апостола Е. П. Оболенского, А. А. Бестужева, В. К. Кюхельбекера в «Историческом Вестнике»: мемуары В. И. Штейнгел

---

[1]) Подробно см. Н. А. Любимов, «М. Н. Катков и его исто рич. заслуги» и С. Неведенский: «М. Н. Катков и его время».

[2]) По соображениям политического характера, «Русская Ста рина» до 1877 года выходила за подписью «Вас. Арс. Семев ского».

й Н. А. Бестужева, статьи Д. И. Завалишина, письма Е. П. Оболенского; в «Русской Старине»: мемуары М. А. Бестужева, А. П. Беляева, М. И. Пущина, М. И. Муравьева-Апостола, П. И. Фаленберга, А. Ф. Фролова, В. Колесникова (в передаче В. И. Штейнгеля), М. А. Фонвизина, рассказы П. Е. Анненковой, жены декабриста, дневники В. К. Кюхельбекера, статьи и заметки А. Е. Розена, И. С. Повало-Швейковского, Д. И. Завалишина, письма Г. С. Батенькова, С. И. Муравьева-Апостола, А. Ф. фан-дер-Бриггена, С. Г. Волконского, Е. П. Оболенского и т. д. На ряду с этим печатались в журналах стихи Рылеева, Одоевского, Вильгельма Кюхельбекера, П. С. Бобрищева-Пушкина и др.

Все это свидетельствует о том жгучем интересе, который проявляла читающая публика к истории декабристов. Для примера скажем, что, когда умер малоизвестный, в общем, декабрист, бар. А. Е. Розен, о нем появились некрологи почти во всех повременных изданиях, и одно реакционное «Новое Время» поместило три некролога [1]). На ряду с самими уцелевшими декабристами, в этой работе по воссозданию их прошлого крупную роль играли и их дети и воспитанники, как Е. И. Якушкин, М. С. Волконский, А. П. Сазонович, Н. А. Белоголовый и многие другие.

Сверх того, печаталось великое множество воспоминаний современников о 14-м декабря, об отдельных декабристах и т. д.

Но, на ряду с этим нагромождением фактического материала, должно констатировать у историков полнейшее отсутствие попыток обработки, систематизации всего этого сырого материала и тем менее идеологической оценки декабризма. Это последнее, конечно, и не было возможно в силу политических условий того времени, еще не дозволявших свободно говорить о декабристах.

Научной разработке истории декабрьского восстания препятствовали и другие обстоятельства. Прежде всего: недостаток материалов, ибо, при всей ценности для исторической науки мемуарной литературы, она далеко не способна удовлетворить с исчерпывающей полностью все

[1]) «Новое Время». 1884. № 2936 и 2938.

нужды историка. Между тем, следственный материал по делу декабристов по-прежнему оставался за семью печатями. Таким образом, на ряду со всеми показаниями декабристов, со всеми бумагами, относящимися до следствия исследователям недоступны были и все теоретические и политические сочинения декабристов: «Русская Правда» Пестеля, «Конституция» Никиты Муравьева, всевозможные проекты Трубецкого, Оболенского, Батенькова Штейнгеля и др., «Катехизис» Сергея Муравьева и Бестужева-Рюмина и т. д.

Только в 80-х г.г. академик Н. Ф. Дубровин получил доступ в Государственный Архив, к делу декабристов, но сумел, сравнительно, мало воспользоваться этим полученным им правом.

Благодаря этому «Русская Правда», например, занимающая центральное место в политической литературе, оставленной декабристами, увидела свет только в 1906 году [1]), т. е. через восемьдесят лет после восстания декабристов.

Декабристы-мемуаристы обычно говорили об идеологической стороне заговора в самых общих чертах, подробнее останавливаясь на фактической истории, либо же цензура ставила свои ограничения при печатании тех или иных записок [2]). Вследствие этого, мемуарная литература не могла восполнить этот пробел, и тем

---

[1]) «Русская Правда» опубликована П. Е. Щеголевым по списку, сделанному Н. Ф. Дубровиным.

[2]) Для примера действий цензуры, приведем случай, относящийся уже к 1901 году, с записками С. Г. Волконского. На 402 стр., где речь идет о вступлении Волконского в тайное общество, читаем: «Избранный мною путь привел меня в Верховный уголовный суд, в Сибирь, в каторжную работу и к тридцатилетней ссылке», после чего следует многоречивое многоточие. В 1922 г. внук его писал: «В своих «Записках», писанных на 78-м году жизни, Сергей Григорьевич говорит: «Избранный мною путь»... и т. д., «и, тем не менее ни от одного слова своего и сейчас не откажусь». Эти слова из цензурных соображений должны были быть выпущены при издании «Записок», но один экземпляр был напечатан без пропуска (стр. 114).

См. также о мытарствах декабриста Д. И. Завалишина, в связи с желанием его опубликовать свои записки: Ю. Г. Оксман: «Д. И. Завалишин в борьбе за опубликование своих Записок». Декабристы. Труды Пушкинского Дома, М. 1925.

самым уже предопределялся ход исследования истории декабристов, именно в сторону чисто-фактическую..

Сами декабристы, не ограничиваясь цельными мемуарами, приняли живейшее участие в разработке истории заговора, как, наприм., М. И. Муравьев-Апостол, бар. А. Е. Розен, Д. И. Завалишин, П. Н. Свистунов и др. Все эти седые старцы внимательнейшим образом следили за литературой о декабризме, не пропуская своими замечаниями ни одного промаха.

В 1857 году А. Н. Сутгоф возвратился в Москву и застал там пресловутую книгу Корфа. Как известно, Сутгоф 14-го декабря вывел на Сенатскую площадь, вместе с Н. А. Пановым, лейб-гвардии Гренадерский полк. И вот теперь, через тридцать два года мытарств сибирской каторги и военной службы на Кавказе, встретив лживое описание событий, он испещрил всю книгу своими замечаниями [1]).

М. И. Муравьев-Апостол, 80-ти лет, полемизировал с С. Баласом (автором статьи о Сергее Муравьеве), Н. Н. Муравьевым и др., П. Н. Свистунов пишет так часто цитированную нами выше критическую статью о литературе, посвященной декабристам.

Наконец, завязывается весьма интересная полемика между самими декабристами: А. П. Беляева с бароном А. Е. Розеном и Д. И. Завалишина с П. Н. Свистуновым и А. Ф. Фроловым.

В 1880 году А. П. Беляев начал печатать в «Русской Старине» свои «Воспоминания о пережитом и перечувствованном». На его воспоминания обратил внимание Л. Н. Толстой, должно быть, тогда, когда он был занят своим романом «Декабристы». Толстой порекомендовал Воспоминания Беляева редакции «Русской Старины».

Александр Петрович Беляев (1803—1887), мичман Гвардейского экипажа, не был членом тайного общества, а вместе с братом, Петром, Мусиным-Пушкиным, Дивовым, М. Бодиско, Вишневским и др. принадлежал к кружку свободомыслящих, существовавшему среди офицеров Гвардейского экипажа, благодаря чему их това-

---

[1]) В. Е. Якушкин. Заметки А. Н. Сутгофа о 14 декабря 1825 г. Былое. 1907, IV.

рищ, А. П. Арбузов, сумел сблизить их с Северным обще
ством, а Н. А. Бестужев, в самый день 14-го декабря
увлечь на Сенатскую площадь. А. П. Беляев был отнесе
к четвертому разряду и отправлен в Сибирь, а впослед
ствии переведен рядовым на Кавказ. Свои воспоминани
он писал в таком тоне, который сам по себе выделяет и
из числа прочих мемуаров декабристов: Беляев раска
вался в своем прошлом и, настаивая на благородств
побуждений его и его товарищей, считал действия дека
бристов преступными и принесшими великий вред Рос
сии, затормозивши естественное развитие прогресса.

Но, помимо того, в предисловии к своим воспомина
ниям, он писал следующее: «В воспоминаниях этих чита
тель также увидит, как люди с прекрасными чувствам
и стремлениями, мгновенно выступившие на политиче
ское поприще и так же мгновенно, хотя не бесследно
исчезнувшие, могли сознательно усвоить и принять
коварное иезуитское правило «цель освящает средства» [1]).

Эти-то строки и обратили на себя внимание
А. Е. Розена. Он пишет: «Я знал А. П. Беляева коротко
и хорошо, уважал и любил его, как истинно честного
и доброго человека. Прочитав первую страницу, я был
повергнут в совершенное недоумение». Розен опровер
гает слова Беляева ссылкой на отзывы по этому поводу
«двух весьма компетентных личностей, бывших в тесной
связи между собою в молодости, после в непримиримой
вражде, и принадлежавших к совершенно противополож
ным лагерям, что, однако, не помешало обоим сознаться
что декабристы не усвоили себе иезуитского принципа»
Розен цитирует Н. И. Тургенева и Д. Н. Блудова [2]).

Беляев спешит оправдаться: «В предисловии к моим
«Воспоминаниям» я сказал о моих товарищах-декабри
стах, что и они усвоили иезуитское правило, что цель
оправдывает средства, не объяснив при этом, что в сред
ствах к достижению цели это общество, и между ними
я сам, допускало открытое восстание, в котором они
и себя приносили в жертву. Но святым долгом считал

---

[1]) А. П. Беляев. Воспоминания о пережитом и перечувство
ванном.—«Русск. Ст.» 1880, гл. 1.

[2]) Бар. А. Е. Розен. Декабристы. «Р. Ст.» 1881, XXX. 452.

заявить, что так называемые декабристы всегда гнушались всеми низкими средствами, как-то: убийствами из-за угла, поджогами и грабежами, которые в новейшее время возведены в принцип нынешними революционерами»... [1]).

Оставляя на совести А. П. Беляева туманность этого обвинения, обращаемся к самому смыслу полемики двух ветеранов-декабристов. Для того, чтобы понять его, нужно восстановить в памяти нравственный облик декабристов. Мы теперь, далеко не будучи иезуитами, конечно, не станем порицать поджог или убийство, сделанные во имя революции, во имя свободы. Балмашов или Каляев нисколько не теряют своего геройского ореола оттого только, что они действовали «из-за угла». Но декабристы были типичными представителями героической, рыцарской эпохи начала XIX века, когда малейшее оскорбление должно было быть смыто кровью, когда ничто не извиняло осуждаемого моралью поступка. Поэтому, даже в мечтах о свободе, декабристы считали дозволенным завоевать ее только в открытом бою, только лицом к лицу с врагом. Идеальная свобода, в их представлении, не должна была быть запятнана ничем. Вспомним, как заговорщики на Московском съезде встретили предложение М. Ф. Орлова выпустить фальшивые ассигнации, и мы поймем смысл этого спора.

Гораздо серьезнее было другое столкновение декабристов, источником которого явились сочинения Д. И. Завалишина. Человек, несомненно, одаренный, Д. И. Завалишин всю жизнь был одержим своего рода манией величия. Вследствие этого, все им писанное о декабристах а писал он очень много, написано в чрезвычайно неприятном и абсолютно нехарактерном для декабристов духе самовосхваления. В интересах своего возвеличения, он не останавливался перед тем даже, чтобы закидать грязью Рылеева, не говоря уже о прочих его товарищах. Тот же Завалишин инспирировал С. В. Максимова, который в своей книге «Сибирь и каторга» [2]) уде-

---

[1]) А. П. Беляев. Декабристы. «Р. Ст.» 1881, XXX, 454.

[2]) Впервые напечатана в «Отечественных Записках» за 1869 год.

лил немало места декабристам, благодаря чему главы, посвященные им декабристам, получили вид своеобразного панегирика Завалишину, нередко за счет клеветы, возводимой на его товарищей.

По поводу этой-то книги и обрушился на Завалишина (не называя его по имени) в 1870 году П. Н. Свистунов со всей силой своего блестящего знания всего, что связано с декабрьским заговором [1]). Не останавливаясь на его справедливой критике, обращаемся к действиям Завалишина.

Завалишин замолк на целых десять лет, в течение которых ничего не писал о декабристах. Через десять лет он напечатал новую статью о декабристах [2]), причем угрожал Свистунову и, не будучи в силах сдержать злобы против своего обличителя, вставил пятнадцать строк многоточия, по поводу которых А. Ф. Фролов заметил, что они должны были заменить «вероятно, бездоказательные поношения, не допускаемые в печати» [3]).

На этот раз обличителем его явился семидесятивосьмилетний А. Ф. Фролов (самому Завалишину было в это время уже восемьдесят лет).

«Д. И. Завалишин выждал ровно 10 лет для печатания своих записок, но богу угодно было, чтобы мы, современники, соузники его, могли еще сказать слово как об авторе, так и об его произведении... Теперь, конечно, все стали стары, да и осталось нас уже мало, а автор, может быть, полагал, что никого нет в живых» [4]). Фролов весьма основательно опровергает все поклепы, возводимые Завалишиным на своих товарищей. Но и это не остановило Завалишина, и он еще дважды возвращался к истории декабристов [5]).

Ему и его первому обличителю, П. Н. Свистунову, суждено было пережить всех своих товарищей: Свисту-

---

[1]) «Русск. Арх.» 1870, стр. 1646 и дальше.

[2]) «Пребывание декабристов в тюремном заключении в Чите и в Петровском Заводе». «Р. Ст.» 1881, т. 10.

[3]) «Р. Ст.» 1882, XXXIV, 718.

[4]) Ibid., 708.

[5]) 1—«Вселенский Орден Восстановления и мои отношения к Северному тайному обществу». «Р. Ст.» 1882, I; 2—Декабристы—«Р. Вестн.» 1884, II.

лов умер в 1889 году, Завалишин в 1892, девяноста лет т роду.

В эти годы постоянно усиливающегося интереса к истории заговора декабристов, сами декабристы постепенно, один за другим, сходили в могилу. Их маленький кружок все теснее и теснее сжимался. В своей переписке они постоянно описывают состояние здоровья товарищей. «Так, друг Матвей Иванович, все теснее и теснее становится наш круг»,—пишет Оболенский М. И. Муравьеву-Апостолу, извещая его о смерти М. М. Нарышкина, последовавшей в 1863 г. [1]).

Есть что-то в высокой степени трогательное в той братской «перекличке», которую декабристы как-бы устраивали между собою. В 1878 году смерть вырвала из их среды И. А. Анненкова.

«После смерти И. А. Анненкова»,—пишет Розен,— осталось в живых восемь из так называемых декабристов. Вот они:

Матвей Иванович Муравьев-Апостол . .	85 лет.
Николай Александрович Загорецкий . .	81 год.
Михаил Александрович Назимов . . .	78 лет.
Барон Андрей Евгениевич Розен . . .	78 „
Петр Николаевич Свистунов	76 „
Александр Петрович Беляев	76 „
Димитрий Иринархович Завалишин . .	76 „
Александр Филиппович Фролов	76 „ [2])

В этом списке упущен только Н. И. Лорер (умер в 1883 году), живший далеко в Полтаве, с которым, потому, должно быть, прочие декабристы потеряли связь.

Проходит четыре года, и в 1882 году Фролов повторяет эту перекличку:

«Из I-го разряда живы М. И. Муравьев-Апостол и Д. И. Завалишин. Из II-го разряда в живых П. Н. Свистунов и я, IV-го разряда — А. П. Беляев (и Н. И. Лорер.

---

[1]) Декабристы, стр. 88.

[2]) Барон А. Е. Розен. Иван Александрович Анненков. «Р. Ст.» 1878, XXII, 526.

С. Г.), V-го разряда — барон А. Е. Розен, VII-го — Н. А. Загорецкий и VIII-го — М. А. Назимов» [1]).

Итак, за эти четыре года ни один не выбыл из строя. Но, после 1882 г. декабристы один за другим сходят в могилу: в 1883 г. умирает Лорер, в 1884 — Розен, в 1885 — Фролов и Загорецкий, в 1886 — Матвей Муравьев, в 1887 — А. Беляев, в 1888 — Назимов и в 1889 — Свистунов. Оставался один Завалишин.

Уходя из жизни, декабристы порывали последнюю живую нить с прошлым. Свежий приток материалов прекратился. Историческая наука с особенным тщанием обратилась к розыску различных документов, связанных с историй декабристов, всевозможным их запискам, письмам, заметкам и пр., хранившимся дотоле в частных архивах.

На ряду со всем этим, публикуются различные письма и воспоминания, причем редакторы периодических изданий соблюдают полную беспристрастность, открывая свои страницы равно и сторонникам, и противникам декабристов.

Наука декабризма остается до самого конца XIX века в этом примитивном состоянии, ограничиваясь розысками и публикацией всевозможных материалов. К научной обработке всего этого материала возможным оказалось приступить только уже в XX веке, когда постепенно перед историками стали растворяться двери Государственного Архива, и исследователям стал доступен следственный материал по делу декабристов.

---

[1]) «Р. Ст.» 1882, т. 34, стр. 709.

ГЛАВА IX.

Официозные историки о декабристах.

Мы уже познакомились выше с официальной версией заговоре декабристов, которая заключала следующие сновные черты: стремление умалить значение и силу айных обществ, окрасить весь заговор в кровавые тона, ответственно рисуя самих заговорщиков, как бестол-овых, кровожадных фанатиков или корыстолюбцев, доказать несоответствие и несовместимость стремлений екабристов с положением России и общим направле-ием умов.

В таком духе обрисовал тайное общество, еще до зрыва, в 1821 году, А. Х. Бенкендорф в своей «Записке». одлинное оформление и создание правительственной ерсии принадлежит Блудову и тогда же было повторено азличными генерал-адъютантами и самим Николаем.

Через двадцать два года после вступления Николая престол и восстания декабристов, Н. Устрялов напи-л свою книгу о царствовании Николая [1]).

Декабристам он отводит очень мало места, но и то емногое, что имеется налицо, является точным слепком правительственных сообщений. Н. Устрялов попросту писал свой рассказ, и даже не с Донесения Следствен-ой Комиссии, а с высочайшего манифеста, опублико-анного 22-го декабря 1825 г. и меньше всего могущего

[1]) Н. Устрялов. Историческее обозрение царствования го-ударя императора Николая I. СПБ. 1847.

быть признанным солидным историческим источник
Чтоб не быть голословными, приведем пример чрез
чайно любопытных «совпадений». В манифесте читаем:
«Сколь ни прискорбны сии последствия, но Провиден
показало в них новый опыт тех сокровенных пут
коими, карая зло, из самого сего зла оно производ
добро».

У Устрялова читаем:

«Как ни прискорбно было столь неожиданное событ
но Провидение показало в нем новый опыт тех сокров
ных путей, коими, карая зло, изводит из самой сре
его благо» [2]).

В манифесте:

«Два рода людей составляли это скопище: одни забл
ждению, умыслу непричастные; другие — злоумышленн
их руководители».

У Устрялова:

«Два рода людей составляли скопище мятежнико
одни заблудшие, умыслу непричастные; другие злоумы
ленные их руководители» [3]).

О «руководителях» в манифесте сказано: «Они жела
и искали, пользуясь мгновением, исполнить злобн
замыслы, давно уже составленные, давно уже обдума
ные... испровергнуть престол и отечественные закон
превратить порядок государственный, ввести безначалие

У Устрялова читаем, что они:

«Желали и искали, пользуясь мгновением, исполни
злобные замыслы, давно составленные, давно обдума
ные: ниспровергнуть престол и отечественные закон
ввести безначалие и овладеть кормилом правления» [4]
И т. д., и т. д.

По такому упрощенному способу писали верноподд
данные историки историю декабристов. Как мы видим
Н. Устрялов, чтобы застраховать себя от возможност
пе совсем ясно выразить мысль правительства, прибегну

---

[1]) См. Государственные преступления в России в XIX веке
СПБ. 1906, т. I, стр. 3—4, а также «Русск. Инвалид», № 302, с
22 декабря 1825 г.

[2]) Устрялов, названное сочинен., стран. 18.

[3]) Ibid, 18—19.

[4]) Ibid., 19.

к простому заимствованию текста правительственного сообщения.

Впрочем, рукописная заметка автора об истории его труда также многое объясняет в происхождении его суждений: в 1864 году председатель цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин, по словам Устрялова, «внимательный ко всему благонамеренному», представил рукопись Устрялова, через министра императорского двора, г.-ад. Адлерберга, Николаю, и получил ее обратно, «с повелением пригласить автора и поручить ему исправить свой труд, согласно с сделанными его величеством собственноручными карандашем замечаниями» [1]).

Ценность подобных трудов сама собою очевидна.

Через тридцать лет после 14-го декабря, уже на заре нового царствования, несмотря на сильно изменившиеся политические ситуации, та же версия нашла себе еще более грубое отражение в пресловутой книге барона Модеста Корфа.

Таким образом, создавалась своего рода традиция, с которой не могли не считаться официозные историки, обращаясь к истории декабристов. И потому еще в 1866 г., когда историография декабристов была уже достаточно велика, Е. Ковалевский, касаясь событий 14-го декабря, вновь отсылал читателя к книге Корфа, поддерживая этим путем правительственную версию [2]).

С необычайной горячностью защищает Ковалевский и «Донесение Следственной Комиссии», автор которого, гр. Д. Н. Блудов, подвергся справедливым нападкам Н. И. Тургенева [3]).

«Один из тогдашних замечательных литераторов»,— говорит Ковалевский,—«подал записку, в которой нападал на донесение следственной комиссии, говоря, что оно слишком сочувственно относится к людям 14-го декабря

---

[1]) По копии, снятой Н. К. Шильдером и находящейся в Российской Публичной Библиотеке.

[2]) Е. Ковалевский. Граф Блудов и его время. СПБ. 1886, стр. 166.

[3]) Н. И. Тургенев ответил на книгу Ковалевского брошюрой «Ответы: I. На IX главу книги «Граф Блудов и его время». Е. Ковалевского. II. На статью «Русского Инвалида» о сей книге». Париж. 1867.

и представляет их в поэтическом и интересном свете» [1]) но, к сожалению, ни имени этого «замечательного литератора», ни источника, ни даже, кому эта записка была подана, Ковалевский не называет...

«Отчего же»,—восклицает Ковалевский,—«ни один из участников 14-го декабря (кроме Н. Тургенева) не говорит о неправильности, неправдивости донесения следственной комиссии?» Автор, конечно, забыл, что в это время уже были опубликованы и записки барона Розена с их жестокой критикой донесения и «Разбор Донесения Следственной Комиссии» М. С. Лунина [2]).

Подробнейшим образом остановился на истории декабристов Модест Иванович Богданович (1805—1882) в своей «Истории царствования Александра I».

Прежде всего следует остановить внимание на приведенном автором списке использованных «книг и брошюр относящихся к действиям тайных обществ». Он чрезвычайно краток: «Донесения следственной комиссии и следственного комитета о действиях тайных обществ. N. Turgeneff. La Russie et les Russes. Записки декабристов (изданные заграницей). Шервуд (из записок генерал-майора Б. П.). Aus den Memorien eines russischen Dekabristen (Rosen). Записки Греча [3]).

Судя, однако же по данным, на которых автор строит свое исследование, надо предположить, что он пользо

---

[1]) Ковалевский, названное соч., стр. 174.

[2]) Стараясь доказать свое близкое знакомство с историей декабрьского движения, Ковалевский ссылается на личные сношения с уцелевшими декабристами и по этому поводу говорит: «Когда мы собирали о них сведения в прошлом (т.-е. в 1865 году... декабристов оставалось 11,—теперь едва ли ошибемся сказавши, что их осталось 7» (стр. 167). Но на самом деле Ковалевский ошибся: в это время были еще живы 17 декабристов: В. Штейнгель (ум. в 1865 г.), А. А. Крюков (1867), И. И. Горбачевский (1869), Н. И. Тургенев (1871), А. Н. Сутгоф (1872), А. В. Поджио (1873), П. И. Фаленберг (1873), И. А. Анненков (1878), Н. И. Лорер (1883), А. Е. Розен (1884), Н. А. Загорецкий (1885), А. Ф. Фролов (1885), М. И. Муравьев-Апостол (1886), А. П. Беляев (1887), М. А. Назимов (1888), П. Н. Свистунов (1889), Д. И. Завалишин (1892).

[3]) История царствования императора Александра I и России в его время. Соч. автора Истории Отечественной войны. СПБ. 1871, т. VI, 136.

вался и следственным материалом, но это остается только догадкой, ибо сам он на это не ссылается, а, напр., В. И. Семевский отрицал знакомство Богдановича со следственным материалом [1]). Богданович все еще твердо следует старой версии о «кровожадности» декабристов, почему он также весьма пространно описывает все «гнусные покушения на цареубийство» и с усердием, достойным лучшего применения, коллекционирует всевозможные случаи, могущие содействовать укреплению этого кровавого навета на декабристов, вроде того, что Бечаснов возгласил: «Кто не пристанет к нам и объявит, тому десять пуль в лоб» [2]).

Для Богдановича военный мятеж — это «одно из ужаснейших преступлений в сословии людей, обязанных соблюдать дисциплину и безусловное повиновение начальству» [3]). Отсюда уже ясно, какими глазами должен был смотреть Богданович на декабристов; но вне этого верноподданнического трепета, его история декабристов все-таки составляла известную ценность, поскольку она явилась первым полным описанием истории тайных обществ.

Его приговор декабристам следующий: «Недаром»,— замечает он,—«говорят французы: l'enfer est pavè des bonnes intentions (ад вымощен добрыми намерениями). Можно отдавать справедливость благонамеренности Тургенева, можно жалеть не только о Бестужевых и других членах тайного общества, которых деятельность, приняв иное направление, могла бы принести несомненную пользу России, но и о тех, кои «не ведали, что творят». Но считать всех декабристов мучениками за правду, как видим в некоторых иностранных сочинениях, — было бы верхом заблуждения, и, напротив того, потомство справедливо подвергнет русские тайные общества упреку в том, что их покушение подало повод к реакции и «отодвинуло на многие годы те благодетельные реформы, которые совершены в наше время» [4]). Этот отзыв представляет

---

[1]) Былое. 1906, кн. 5, стр. 284.
[2]) Богданович, VI, 485.
[3]) Богданович, т. VI, стр. 442.
[4]) Ibid., стр. 416.

большой интерес; в правительственной оценке декабристов он является как бы переломным пунктом, переходной ступенью. Мы видим, что Богданович уже только умеренно нападает на тайное общество. Его оценка декабристов и декабризма сильно напоминает отзывы современников умеренного склада, как например, графа В. А. Соллогуба [1]). Как и Соллогуб, Богданович признает за самими заговорщиками блестящие качества. Вместе с тем эта подчеркнутая недопустимость считать *всех* заговорщиков «мучениками за правду», как-будто свидетельствует о том, что за *некоторыми*, во всяком случае, он это признает. Наряду с этим, Богданович повторяет и старую, после Соллогуба много раз повторенную, мысль, что 14-го декабря «подало повод к реакции», тем самым признавая эту николаевскую реакцию.

Дальнейшим шагом явились работы Н. Ф. Дубровина и Н. К. Шильдера. Несмотря на официозность их трудов, между ними и всем тем, что до того вышло из-под пера официальных историков, была дистанция огромного размера. Это и неудивительно: на заре XX века, когда Россия успела уже познакомиться со множеством мемуаров самих декабристов, их политических сочинений, стихов и прочего, — наконец, узнала лично этих возвращенных изгнанников, — после всего этого казенный язык Блудова-Корфа был уже к декабристам неприменим.

Вместе с тем, царствование Александра III оказалось для декабрьской истории чреватым последствиями. Именно, вскоре после воцарения, Александр III разрешил снять печати со следственного материала по делу декабристов, хранившегося в Государственном Архиве, для занятий в нем академика Н. Ф. Дубровина. При этом Александр обязал Н. Ф. Дубровина словом не печатать материалов о деле декабристов по частям, а издать его исследование сразу отдельной книгой. Поэтому, например, в 1899 г., уже после смерти Александра III, Дубровин отклонил предложение В. И. Семевского напечатать «Русскую Правду» Пестеля в журнале «Историческое Обозрение» [2]).

---

[1]) См. главу II, стр.
[2]) Былое. 1906 г., кн. 5, стр. 285.

Между тем, как Дубровин считал себя связанным данным словом, дни его самого уже были сочтены. Впрочем, с течением времени, его взгляд на это изменился: в 1902 г. он опубликовал в «Русской Старине» материалы о взаимоотношениях Жуковского и декабристов, а в 1904 году, в той же «Русской Старине», приступил к изложению истории тайных обществ, под заглавием «После Отечественной войны (из русской жизни в начале XIX века)». Но в июньском номере уже не появилось очередного продолжения — Дубровин умер.

Таким образом, в своем исследовании Дубровин успел дойти только до Союза Благоденствия, со строгой беспристрастностью излагая историю тайных обществ. Его история была основана почти исключительно на показаниях декабристов, с которыми, благодаря ему, впервые познакомилось русское общество. Н. Ф. Дубровин, несмотря на смерть, прервавшую его работу, успел оказать и еще одну неоценимую услугу исследованию истории декабристов. Дело в том, что и после Дубровина исследователи допускались к изучению дела о декабристах с большим трудом, причем всякий раз должны были испрашивать разрешения государя, не получая притом права снимать копии с документов. Между тем, в бумагах Дубровина, поступивших по его смерти в рукописное отделение библиотеки Академии Наук, оказалась снятая им копия «Русской Правды», благодаря чему П. Е. Щеголев получил возможность издать ее, обойдя тяготевшее над нею запрещение.

Труды Н. К. Шильдера интересны и ценны, главным образом, по огромному количеству фактического материала, благодаря чему они до сих пор не потеряли значения, в качестве справочных изданий.

В смысле оценки значения и результатов 14-го декабря, Н. К. Шильдер развивает точку зрения Богдановича, но его симпатии к декабристам обозначаются еще резче. Так, например, он постоянно ссылается на мемуары декабристов и, тогда как прежние исследователи стремились опорочить всякое слово, сказанное кем-либо из декабристов, у Шильдера нередко можно встретить фразы, вроде следующей: «В истине приведенного здесь свидетельства Бестужева (Николая) нельзя сомневаться». Говоря о пла-

нах заговорщиков, в связи с 14 декабря, Шильдер с ви
димой симпатией отмечает, что декабристы отвергл
мысль о серальном перевороте. «Будущие декабристы»,—
замечает он,—«отказались действовать под прикрытием
ночной темноты. *Протест* должен был последовать гласно
и открыто, среди белого дня» [1]). Таким образом, Шильдер
уяснил уже и истинное значение декабрьского восста
ния, как протеста против самодержавия. Как далеко это
определение декабристов от трафаретных правитель
ственных оценок, в которых все сводилось, по существу,
к обвинению декабристов в пьянстве, буйстве и пр.!

Оценивая итог 14-го декабря, Шильдер тоже приво
дит слова графа Соллогуба. Эти события, — добавляет
он, — «поставили государя в совершенно особые условия
ко всякому свободному и независимому выражению
какой бы то ни было политической мысли, не согласовав
шейся с его собственными, крайне определенными воз
зрениями. При малейшем нарушении общественного спо
койствия и дисциплины, император Николай имел при
вычку повторять: «Ce sont mes amis du quatorze». Таким
образом, это печальное событие надолго отдалило возмож
ность какой бы то ни было либеральной реформы
в России» [2]).

Эта мысль, как мы уже знаем, не раз повторялась и до
того, и по сие время историками всех направлений. Мы
должны напомнить то, что уже говорили выше, а именно,
что таковы могли быть результаты поражения декабри
стов, между тем, как их, конечно, надо судить не за то,
что они *сделали*, а за то, что они *хотели сделать*.

Великий князь Николай Михайлович в 1916 году
напечатал статью под заглавием: «Казнь пяти декабри
стов 13-го июля 1826 года и император Николай I». Ни
колай Михайлович не мог, конечно, не сознавать неловко
кости своего положения, того, что многие не смогут отде
лить в нем ученого от человека, историка от представи
теля царской семьи, внука Николая I.

---

[1]) Шильдер. Николай I, т. I, стр. 270. Курсив наш.
[2]) Ibid.

«Многим может показаться странным или даже бестактным»,—говорит он,—«что внук дерзает объяснить психологию своего деда, да еще такого, которого боялись при жизни, а по кончине старались всеми способами опорочить» [1]).

Может быть, из опасения заслужить упрек в предвзятости выводов, Николай Михайлович воздерживается от какой-либо собственной оценки декабристов. Он только старается доказать, на основании писем Николая, что инициатива смертной казни исходила не от Николая, что она была навязана ему судьями декабристов, а также его матерью Марией Феодоровной, заставившими его согласиться на эту меру.

«Скончалась бы, например, Мария Феодоровна не в 1828 году, а до процесса декабристов»,—говорит Николай Михайлович,—«великодушие ее сына не встретило бы противодействия в лице чтимой им матери» [2]).

Надо, однако, полагать, что Николай руководствовался в своем решении предать пятерых декабристов смерти и иными соображениями, кроме пиэтета, испытываемого им к матери. Но мы сейчас не будем останавливаться на аргументировке Николая Михайловича, потому что это не входит в наши задачи [3]). Укажем только, что, согласно со своим убеждением в том, что государя согласиться на смертную казнь принудили судьи декабристов, Николай Михайлович дает очень жестокие и правдивые оценки этим последним.

«Из членов комиссии»,—говорит он,—«Чернышев, Левашев, Голенищев-Кутузов и Потапов известны своим бессердечием и подобострастием: князь Голицын—ханжеством, Д. Н. Блудов—либерализмом на словах и трусостью—на деле [4])... Из членов Комиссии для распреде-

---

[1]) Великий князь Николай Михайлович. Казнь пяти декабристов 13 июня 1826 года и император Николай I. П. 1916, стр. 3.

[2]) Николай Михайлович, назв. соч., 13.

[3]) П. Е. Щеголев в статье «Николай I и М. М. Сперанский в суде над декабристами», опроверг все доводы Николая Михайловича.

[4]) Николай Михайлович впадает здесь в ошибку: Д. Н. Блудов не был членом следственной комиссии, а был прикомандирован к ней только для составления донесения.

ления по разрядам»—продолжает он,—«за исключением И. В. Васильчикова и М. М. Сперанского, все остальные нашли желанный случай выслужиться при новом государе и не отличались ни умом, ни высокими качествами души» [1]).

Такие характеристики членам Следственной Комиссии уже сами по себе, конечно, являются крупным шагом вперед в официозной литературе.

Любопытно еще отметить, что, извещая 13 июля Марию Феодоровну о благополучном окончании казни, Николай I пишет, что из повешенных жалеет одного Каховского. Отсюда Николай Михайлович делает несколько поспешный вывод о доброте и благородстве царя; но почему же Николай жалеет именно Каховского, а не кого-нибудь другого, Рылеева, например, которому он дал столько красивых невыполненых обещаний? Объясняется это очень просто: кто-то из верноподданных успел сообщить царю, будто «Каховский, идя на смерть, сказал, что молится за меня» (т.-е. за Николая) [2]).

В этом, конечно, разгадка этого неожиданного взрыва сочувствия.

Совершенно обособленное место в декабристской литературе должны занять работы графини С. Д. Толь, дочери графа Д. А. Толстого, и Н. А. Гастфрейнда. У обоих—одинаково неблагодарная задача: в XX веке поддерживать традицию Блудова—Корфа—Устрялова. После опубликования огромного количества фактических материалов о декабристах, надо полагать, что эта работа заранее обречена была на неудачу.

Графиня Толь ставит себе задачей доказать следующие три положения:

«1) что массонство было первопричиною возникновения всех тайных русских революционных обществ того времени...

«2) что декабристы, в лице своих главарей, далеко не были теми высоконравственными и идеальными «бор-

---

[1]) Николай Михайлович, назв. соч. 13.
[2]) Николай Михайлович, назв. соч. 12.

цами за идею», какими их упорно прославляют в течение теперь уже 89 лет [1]), и, наконец,

«3) что император Николай Павлович не был ни тираном, ни палачом, и что его светлый образ [2]), в угоду темным масонским силам, так же упорно чернят, как упорно возвеличивают всех политических заговорщиков, времен Александра I» [3]).

Первая задача гр. Толь, а именно, попытка ее доказать, что масонство было первопричиною декабризма,—попытка с явно негодными средствами, может носить только шуточный характер теперь, после работ В. И. Семевского [4]), М. В. Довнар-Запольского, М. Н. Покровского и др.

Графиня и сама замечает, что доказать это документально не представляется возможным в виду того, что материалы, могущие об этом свидетельствовать, хранятся в архивах «Всемирного Ордена Вольных Каменщиков»,—благодаря чему,—говорит она,—это положение можно доказать только путем *логических выводов*, путем здравого смысла. «Логические выводы» привели гр. Толь к «убеждению», что, под влиянием «сильной беспощадной власти масонства» произошли и «дело Петрашевского в 1848 г. (читай в 1849 г.), выстрел Каракозова в 1868 г. (читай в 1869 г.) и убийство Александра II в 1881 году, а также вел. князя Сергея Александровича, «Боголюбова» (читай Боголепова), Сипягина, Плеве, Столыпина, гр. Игнатьева, более 20 губернаторов и т. д.» [5]).

Все эти «выводы», наряду с незнанием хронологии, говорят сами за себя. «Если только гр. Толь не выдумывает сознательно»—замечает по этому поводу В. И. Семевский,—«то она просто больной человек, страдающий особой болезнью—масонофобией [6]).

---

[1]) Писалось в 1914 году.

[2]) Книга посвящена «Светлой Памяти Царя-Рыцаря», что, очевидно, должно обозначать Николая I.

[3]) Гр. С. Д. Толь, рожденная графиня Толстая. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов. СПБ. 1914, стр. 1.

[4]) См. напр. В. И. Семевский. Декабристы-масоны. «Мин. годы». 1908.

[5]) Толь. Назв. соч. 11—12.

[6]) См. отзыв В. И. Семевского. «Гол. Мин.», 1914, № 7, стр. 292.

Третий пункт, благородство и святость Николая, тоже вряд ли может в настоящее время представлять интерес. Любопытнее всего, конечно, это то, что пишет гр. Толь собственно о декабристах. «От писателя, желающего служить подголоском общественному мнению»,—говорит автор,—«не требуется ни ссылок, ни цитат. Ему верят на слово, что бы он ни утверждал. Тому же, который, ради истины, решается перечить общественному мнению, необходимо каждое слово, каждый факт подтверждать не только ссылками, но иногда и длинными цитатами. Вот чем объясняется обилие последних в моем очерке» [1]).

Да, обилия их отрицать нельзя, но все они сплошь заимствованы из популярной книги Б. Б. Глинского «Борьба за конституцию», которая менее всего может служить каноном по истории декабризма. Но сплошь и рядом автор обходится даже и без таких цитат. Так он уверяет, что Пестель «жил только для себя» и «возмечтал быть царем на Руси». «Он, внук саксонского разночинца, — простирал свои окровавленные руки к венцу и бармам Мономаха» [2]).

Здесь уже приходится всецело верить на слово графине, ибо единственным доводом ее в пользу такого взгляда на Пестеля является ссылка на свидетельство П. М. Головачева, что Пестель «был небольшого роста и имел длинные передние зубы, что, как известно, знак хищности» [3]). Очевидно, такого рода вывод относится автором к категории «логических выводов»... Должно быть, кто-нибудь из предков графини был коннозаводчиком и таким же образом, по зубам, судил о достоинствах лошади. А графиня неосмотрительно этим же приемом воспользовалась при научном исследовании.

С такой же безаппеляционностью автор выводит нравственную негодность Рылеева. По тому только, что он служил в правлении северо-американской компании, графиня заключает, что он был «коммерсантом в душе» [4]).

---

[1]) Толь, н. с., предисловие, II.
[2]) Толь, назв. соч., 58—59.
[3]) Толь, назв. соч., 59.
[4]) Толь, назв. соч., 42.

Таких примеров можно привести очень много из этой любопытной книги, но и то, с чем мы уже познакомились, достаточно для определения научной ценности этой работы.

Итак, графиня Толь убеждена, что тайное общество было масонской организацией. Но, по ее мнению, среди декабристов «посвященным был только один, а именно Павел Пестель. Остальные, даже Рылеев, Трубецкой и все Муравьевы, не говоря о Лунине, Бестужеве, Каховском, Якубовиче и проч., сыграли, хотя и очень преступную, но и очень неумную роль. Иные шли из самолюбия, чтоб доказать, что и они могут быть членами политического заговора, из страха, что их сочтут за трусов, если они откажутся от мысли цареубийства, третьи—моды ради» [1]).

Напомним, что даже традиционная официальная версия, для объяснения причин участия в заговоре вождей декабристов, искала иные стимулы.

По существу, книга, конечно, не заслуживает никакого внимания; судьба была к ней вполне справедлива: ее появление прошло совершенно бесследно: в 1914 году доказывать, что декабристы были преступниками, и что их тайное общество было сколком с масонства — было уже слишком абсурдно. В. И. Семевский, в цитированном выше отзыве, совершенно справедливо назвал эту книгу «тяжелым бредом сумасшедшего».

Наряду с этой книгой стоят и труды Гастфрейнда.

Обращаясь неоднократно в своих исследованиях к декабристам, Гастфрейнд избрал своим bête noire Ивана Ивановича Пущина; выбор сам по себе неудачный, так как Пущин принадлежит именно к числу тех декабристов, которые всегда стояли и стоят вне критики!

Но Н. А. Гастфрейнд не стесняется в выражениях. 14-е декабря—это «шутовской пронунциаменто» [2]).

В очерке о В. Д. Вольховском, в 1-м томе «Товарищей Пушкина», Гастфрейнд замечает, что «эволюция

---

[1]) Толь, назв. соч., стр. 35.

[2]) Н. Гастфрейнд. Побег и поимка Вильгельма Кюхельбекера. СПБ. 1904, стр. 3.

мысли членов кружка дошла до кульминационной точки глупости, разразившись открытым бунтом, в котором горсть подонков «союза благоденствия» одурачила солдат и чернь» [1]).

По таким отдельным репликам и выражениям уже можно составить себе представление об авторе. Но Гастфрейнд сам постоянно идет навстречу. Говоря в своем другом очерке о Кюхельбекере и Пущине, он замечает, что они были лицейскими «товарищами Горчакова, Корфа, Пушкина и Дельвига» [2]).

Здесь самое интересное—это порядок. Надо ли говорить, что у большинства людей, когда речь заходит о лицейских товарищах Пущина и Кюхельбекера, прежде всего напрашиваются имена Пушкина и Дельвига; но Гастфрейнд соблюдает строгую иерархию чинов.

Как известно, И. И. Пущин проявил на суде исключительную выдержку. Он был немногим менее сдержан, чем М. С. Лунин, благородное поведение на суде которого буквально вошло в поговорку у историков декабризма. По этому поводу С. Я. Штрайх пишет: «Редкий из декабристов был так сдержан, осторожен и уклончив в своих ответах, как Пущин; показания его едва ли не самые краткие из всех показаний привлеченных к делу главарей заговора.. В них вырисовывается его благородный характер, проявляется политическая зрелость, обнаруживается гражданская стойкость и видна нежная дружба к товарищам по несчастью, к именам которых он бережно относится» [3]).

Гастфрейнд приходит к диаметрально противоположным выводам. Он возмущен тем, что «Пущин как бы глумится над вопросами, задаваемыми ему следственной комиссией, и отвечает на все незнанием и неведением» [4]).

Конечно, личность Пущина меньше всего нуждается в оправдании, особенно теперь, после выхода о нем книги

---

[1]) Стр. 48.

[2]) Н. А. Гастфрейнд. Кюхельбекер и Пущин в день 14 декабря 1825 г. СПБ. 1901, стр. 3.

[3]) Декабрист И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письмо из Сибири. Ред. и биографич. очерк С. Я. Штрайха. М. 1925, стр. 52.

[4]) Н. А. Гастфрейнд. Кюхельбекер и Пущин, стр. 6.

С. Я. Штрайха. Но еще и тогда же, в 1914 году, С. Я. Штрайх ответил на злостные клеветнические нападки Н. А. Гастфрейнда уничтожающей статьей [1]). Тем не менее, чрезвычайно любопытно и назидательно проследить за ходом рассуждений Гастфрейнда, ибо на этом примере можно судить и вообще о том, как создавались клеветнические легенды о декабристах.

Итак, главное обвинение, выдвигаемое Гастфрейндом против Пущина, заключается в том, что Пущин был скрытен на допросах.

И, действительно, Пущин, например, будучи принят в общество И. Г. Бурцевым, упорно во всех показаниях говорит, что принят был шт.-капитаном Беляевым [2]). Этот Беляев—лицо мифическое! Из знакомых ему членов тайного общества, Пущин называет свитского офицера Черевина и коллежского ассесора Токарева [3]). Токарев умер в Орле в 1821 году, Черевин умер в Москве в 1824 году; для обоих суд уже был не страшен. Таких примеров можно привести множество.

Другое обвинение заключается в том, что Пущин был «закоренелый убежденный реформатор и политический деятель».

Но Гастфрейнд сознает, что всего этого мало, и пускается смело в дебри откровенной клеветы. «Говоря о Пущине»,—замечает С. Я. Штрайх,—«наш исследователь совершенно теряет самообладание».

Так, повсюду, где ему приходится упоминать о Пущине, Гастфрейнд говорит, что он «сыграл дурную шутку» со своим родственником Калошиным, введя его в тайное общество и тем погубив его, между тем, как Калошин вступил в заговор много раньше Пущина.

Забывая, что он так еще недавно обвинял Пущина в скрытности на суде, Гастфрейнд спешит уже предъявить ему новое обвинение в... болтливости. И тут возводит на Пущина самую страшную клевету. «Не будет лишним здесь»,—говорит он,—«привести эпизод, случив-

---

[1]) С. Штрайх. Пасквиль на декабриста. «Гол. Мин.», 1914, VI.

[2]) Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицею. Т. III. И. Пущин. СПБ, 1913, стр. 70.

[3]) Ibid, стр. 72.

шийся с Граббе-Горским из-за обвинительных показаний Пущина о действиях Горского во время мятежа на Сенатской площади. В этих показаниях Пущина, по уверению Граббе-Горского, выступает со стороны Пущина не только болтовня, но что-то гораздо худшее, чем простая болтовня,—шантаж, желание отделаться от должника посредством обвинения его в политическом заговоре... Если Михаил Пущин»,—добавляет Гастфрейнд,—«не мог содержаться в гвардии на скудные свои средства, то и Иван Иванович, питая страсть к картам [1]), не мог содержать себя. Поэтому, нет ничего невероятного, что, будучи пьян, Иван Пущин захотел отделаться от своего (или своего отца) заимодавца, упекши его в каторгу. И на солнце бывают пятна»! [2]).

По этому поводу С. Я. Штрайх замечает: «И здесь, как и в других случаях, автор обращается к мутному источнику, хотя знает, что Граббе-Горский имел репутацию ростовщика и человека сомнительной нравственности... Для такого утверждения, конечно, надо иметь хоть какое-нибудь показание Пущина против Граббе-Горского, а Гастфрейнд ведь сам напечатал в своей книжке все «дело о Пущине» и знает, что только один раз он упоминает фамилию Горского—в фразе: «между народа я видел только одно заметное лицо, которое ныне оказалось г-н Горский», из чего ясно, что Пущин назвал фамилию лица, уже известного комиссии, и не дал против него никаких показаний» [3]).

В других случаях Гастфрейнд поступает еще проще: приведя целый ряд восторженных отзывов о Пущине (даже Греч о нем восторженно отзывается), Гастфрейнд совершенно неожиданно, на этих основаниях, приходит к убеждению в безнравственности, глупости, лживости

---

[1]) Убеждение свое в пристрастии Пущина к картам Гастфрейнд черпает из того только, что в своих записках М. И. Пущин замечает, что на встрече нового года, в 1825 году, неожиданно сел за карточный стол и Ив. Ив., «которого я прежде никогда не видел играющего» (стр. 69). Казалось бы, из этой заметки можно сделать как-раз обратное заключение, а именно, что Ивана Ивановича меньше всего можно было назвать картежником.

[2]) Ibid.

[3]) «Гол. Мин.», 1914. VI.

Пущина. Даже переход Пущина в гражданскую службу вызывает со стороны Гастфрейнда ядовитую реплику: «Если Пущин принял такую должность, то только ради скандала!» и тут же приводит ряд свидетельств современников... восхищенных благородством его поступка [1]).

В заключение Гастфрейнд скорбит, что «каторга не исправила Ив. Ив. Пущина, он остался с теми же завиральными идеями, с которыми попал в Сибирь» [2]).

Все это вряд ли нуждается в комментариях. «Своими, явно недобросовестными отступлениями от роли беспристрастного собирателя фактического материала, своим слишком запоздалым преследованием завиральных идей в людях, которые уже давно истлели в могилах»,—пишет в заключение С. Я. Штрайх,—«г. Гастфрейнд заклеймил себя самого, отожествив себя с людьми незавидной репутации и низведя свою работу к значению злобного, хотя и бессильного пасквиля» [3]).

Таким образом, создавалась эта, поистине пасквильная, литература о декабристах. Но время для нее ушло: в XX веке все эти клеветнические выпады уже никого не могли волновать, никого не могли ввести в заблуждение, и ложились позорным клеймом на самих авторов.

История декабристов вышла уже на настоящую, правильную дорогу и совершала свой иной, правый и беспристрастный суд.

---

[1]) Гастфрейнд, Кюх. и Пущин.
[2]) Гастфрейнд, Кюх. и Пущин.
[3]) «Гол. Мин.», 1914. VI.

ГЛАВА X.

Декабристы в современной русской историографии.

В 1914 году графиня С. Д. Толь, выпуская свою книгу о декабристах, задавалась целью доказать, «что декабристы, в лице своих главарей, вовсе не были теми высоконравственными и идеальными борцами за идею, какими их упорно прославляют теперь уже 89 лет».

Автор, повидимому, и сам хорошо сознавал, что в 1914 году чернить декабристов—задача неблагодарная, но, с другой стороны, говоря о провозношении декабристов, продолжавшемся с самого 1825 года, он также, конечно, извращал истину. Мы знаем уже, какими тернистыми путями вынуждено было итти исследование истории декабризма, в какой мере влияли на него разные посторонние обстоятельства, в первую голову—полицейский режим русского самодержавия, под давлением которого общество очень не скоро только смогло отдать должное движению декабристов.

Поэтому еще в 1897 году, А. Н. Пыпин, относившийся к декабристам с полным историческим объективизмом, отмечал:

«Правильной оценки этого значения (декабристов) еще недостает в наших исторических и общественных понятиях. Личные счеты давно покончены и должно

наступить время для спокойного уразумения враждебной встречи, которая разделила тогда два общественных элемента—авторитет, представлявший собою неподвижность предания, и либеральную часть образованного общества, представлявшую прогрессивные стремления» [1]).

«Историк»,—говорит А. Н. Пыпин в другом месте,—«должен будет отвергнуть те суждения, которые внушены злостным недоброжелательством или прислужничеством, которое всегда готово бросить лишний камень в людей, павших и без того преследуемых. Люди двадцатых годов в особенности нуждаются в историческом оправдании: надолго они были совершенно исключены от всякого воспоминания; они были открыты только для нападений и обличений; защита, которую им давно давала одна часть образованного общества, не могла высказываться, и для большинства оставался непонятен целый исторический период, где, однако, эти люди явились представителями тех самых общественных вопросов, которые составляют и доныне существенную задачу нашего внутреннего развития» [2]).

Таким образом, должно было пройти три четверти века, прежде чем для декабристов наступило, строго говоря, время истории, когда, не ограничиваясь розысками и комментированием фактического материала, русское общество могло произнести действительный приговор декабрьскому движению.

И при этом, прежде всего, вставал вопрос о том, откуда явились, откуда родились идеи, приведшие к общественному движению начала XIX века, вопрос о происхождении заговора, а вместе с тем, следовательно, и о своевременности и целесообразности его.

До того времени обществу известен был только полицейский взгляд правительства, трактовавший весь заговор, как простое заимствование и подражание западноевропейским сообществам. Это, конечно, была единственно возможная и приемлемая для правительства

---

[1]) А. Н. Пыпин. Общественное движение в России при Александре I. Изд. 3-е. СПБ. 1900, стр. 470.

[2]) Пыпин, назван. соч., стр. 458—459.

оценка декабризма, а та механическая связь, существовавшая между посещением русской армией Западной Европы и возникновением тайных обществ, а также и некоторые отдельные факты, как, например, заимствование основ устава Союза Благоденствия у прусского Тугендбунда, казалось, давали правительству материал для более или менее прочного обоснования своей версии.

Теория эта была чревата выводами, чрезвычайно удобными для правительства. Главный из них был следующий: коль скоро установлено, что декабрьское движение было вызвано не более, как подражанием, следовательно, требования, им выставленные, его мотивы, не рождены были жизнью, не отвечали действительным нуждам России, ибо тогда еще очень сильно было представление о том, что каждая страна, каждое государство есть вполне самостоятельная, самодовлеющая единица, вне связи с целым, и то, что полезно для одного государства, может пойти во вред другому. Следовательно, заимствуя политические и общественные взгляды у Западной Европы, мечтая «пересадить Францию в Россию», декабристы шли вразрез с русской действительностью, а, значит, все их движение было явлением нездоровым, построенным всецело на абстрактных понятиях, и правительство совершало доброе дело, отсекая больной член, грозящий заразой всему государственному организму.

Для того, чтобы воздать должное декабристам, историческая наука, прежде всего, должна была опровергнуть эту злостную теорию, клеймившую декабристов, как политически несостоятельных фантазеров и подражателей.

Отрицать значение непосредственного соприкосновения с Европой в развитии декабризма—немыслимо, тем более, что сами же декабристы в своих показаниях, и потом, декабристы-мемуаристы, отмечали это влияние. Но от этого еще очень далеко до обвинения в заимствовании, в политическом плагиате. Как мы теперь уже знаем, знакомство декабристов с Западной Европой имело своим результатом не попытку пересадки Франции в Россию, а, наоборот, глубокое и всестороннее изучение ими России, ее нужд, ее требований, т.-е. именно того, чем меньше всего интересовались их отцы.

Эту мысль впервые высказал В. О. Ключевский [1]), еще в 1887 году.

«Воротившись из похода домой»,—говорит В. О. Ключевский,—«они (будущие декабристы) чувствовали, что ушли от своих стариков «на сто лет вперед»... С этой минуты они круто и прямо повернулись лицом к русской действительности, к которой отцы старались поставить их спиной, как стояли сами» [2]).

Итак, уже Ключевский, которого менее всего можно было заподозрить в пристрастии к декабристам, указал на то, что именно они первые перестали игнорировать русскую действительность и постарались ознакомиться с нею.

Тем не менее, признавая за будущими декабристами доброе намерение, Ключевский все еще остается сторонником официозного взгляда, что декабристы действительных нужд России не знали и не поняли.

«Отцы их не знали русской действительности и игнорировали ее»,—говорит он в другом месте,—«дети *продолжали не знать ее, но перестали игнорировать* [3]).

Для того, чтобы уяснить причины подобного отзыва, надо учесть общее недоброжелательное отношение Ключевского к декабристам [4]).

Говоря о них, он порою чуть ли не сбивается на язык правительственных сообщений. Так, он не забывает упомянуть, что Пестель,—«сын *прославившегося взяточничеством* сибирского генерал-губернатора», но ни словом не упоминает о «Русской Правде». Про Рылеева Ключевский не находит, что сказать, более того, что он,

---

[1]) Он, так же, как и Пыпин, замечает, что об этом движении «в нашей литературе, как и в обществе, долго господствовали—едва ли не господствуют и теперь (в конце 80 г.г. *С. Г.*)—самые сказочные представления: одним оно кажется политическим переворотом, а другим—величайшим политическим несчастием, о котором нельзя вспоминать без глубокой скорби». В. О. Ключевский. Курс русской истории. Часть V, под ред. Я. Барскова. П. 1921, стр. 205—206.

[2]) В. О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей. П. 1919. Статья «Евгений Онегин и его предки», стр. 84.

[3]) Ключевский, том V, 214. Курсив наш.

[4]) См. по этому поводу статью М. Н. Покровского. О V томе «Истории» В. О. Ключевского. Печать и Революция, 1923, кн. 3.

«бывший артиллерист, потом служивший в Петербургской Казенной Палате по выборам дворянства и вместе с тем, управляющий делами Русской Северо-Американской Компании» [1]) и т. д.

Наряду с влиянием на декабристов заграничных походов, после которых, «воротившись домой, они продолжали вдумываться в положение отечества... все виденное прилагали к нему, сравнивали заграничные порядки с домашними», Ключевский указывает и на другие, по видимому, по его мнению, более существенные факторы декабристского свободомыслия. Одним из таких факторов он полагает крушение всех политических надежд, основанных на первоначальных реформаторских обещаниях Александра. Другим, еще более серьезным фактором, являлось воспитание, попавшее в руки французских эмигрантов. Они-то пробуждали в своих питомцах позыв к делу, «к согласованию поступков с понятиями». «Несомненно»,—говорит Ключевский,—«при их участии в молодом поколении праздные эстетические влечения и отвлеченные идеи отцов стали сменяться нравственными побуждениями с политической окраской, обрастать живой плотью».

Таким образом, по мнению Ключевского, наполеоновские войны только завершили то, чему основу положили французские эмигранты. Заграничные походы, наполеоновские войны и вызванные ими политические события «указывали направление и цель пробужденным страстям» [2]).

При таком подходе ответ Ключевского на вопрос: были ли стремления декабристов своевременны и могли ли они, так или иначе, реализоваться в действительной жизни,—уже по существу предрешен. «Ни наблюдения, ни размышления не помогли (декабристам) выработать трезвый взгляд на положение дел»,—говорит

---

[1]) Ключевский, назв. соч., 208. Встречаются и фактические погрешности; так, Ключевский говорит о том, что «в 1816 году в Петербурге составился кружок... под руководством полковника Преображенского полка кн. Трубецкого» (стр. 207), тогда как в действительности в 1816 г. Трубецкой служил в Семеновском полку.

[2]) Ключевский. Очерки, стр. 83.

Ключевский. «Любопытно отметить»,—добавляет он,—«что в проектах, какие шли от того или другого члена тайного общества, можно найти практически осуществимое только то, что было предпринято раньше, или то, что мы видим в проектах Сперанского» [1]).

Прежде, чем признать или отвергнуть этот вывод Ключевского, должно напомнить, что, по существу, он ведь не мог быть в это время близко знаком с проектами декабристов, ибо, например, центральный из них, «Русская Правда», тогда был недоступен исследователю [2]).

Но тогда же А. Н. Пыпин пришел к выводам диаметрально противоположным. «Несмотря на разные увлечения и крайности»,—говорит Пыпин,—«оно (движение декабристов) с первого раза ставило и те вопросы, которые были действительно очередными вопросами нашей внутренней жизни» [3]).

Тогда как Ключевский полагает, что европейские события явились не более, как *последним* толчком к преломлению в жизнь тех понятий, которые декабристы получили от своих воспитателей, Пыпин, наоборот, говорит, что «европейские события, пребывание заграницей, сближение с европейскими людьми, нравами и понятиями, дали *первый толчок либеральным идеям*» [4]).

Впрочем, Пыпин не придает большого значения влиянию знакомства с Западной Европой и категорически отвергает полицейскую теорию подражания, к которой, как мы видели, еще очень близок Ключевский. Напротив, Пыпин доказывает, что тогдашнее либеральное движение наше, «восприяв некоторые понятия европейского политического либерализма, не имело никаких близких связей с западными тайными обществами и не было также

---

[1]) Ключевский, т. V, стр. 214.

[2]) В это время, в своих публицистических сочинениях, Ключевский и вообще проявлял чрезвычайно оптимистическое отношение к русской действительности, идеализируя московскую старину XVI—XVII в.в. В этом отношении, наряду с цитированной его статьей «Евгений Онегин и его предки», характерны статьи «Добрые люди Старой Руси», «Два воспитания», «Воспоминания о Новикове», наконец, его речь: «Памяти в бозе почившего государя имп. Александра III» М. 1894.

[3]) Пыпин, назв. соч., 356.

[4]) Пыпин, назв. соч. Курсив наш.

одним подражанием или одним теоретическим увлечением; напротив, оно тотчас обратилось к русской жизни, искало в ней практической почвы и применений, и для последнего находило множество оснований» [1]).

Эта точка зрения, которая теперь является господствующей, получила в дальнейшем широкое обоснование. М. В. Довнар-Запольский указывал на то, что именно декабристы первые обратились к изучению русской истории, русского народного быта [2]).

В. И. Семевский, наряду с ужасающей русской действительностью, намечает следующие причины возникновения заговора: «влияние воспитания и обучения, литературы русской и иностранной, профессорских лекций, наблюдений во время пребывания заграницей, влияние политического строя Западной Европы и Америки, западно-европейских политических событий, введение конституционного строя в различных государствах, а также в Финляндии и Польше и, наконец, революционных движений в Западной Европе» [3]).

Таков сложный комплекс различных факторов, вызвавший в начале XIX века усиление общественного движения, приведшего ко взрыву 14-го декабря.

Декабрьский заговор не был заимствованием, неудачным фотографическим снимком. Не отрицая огромности значения западно-европейских влияний, историки пришли к убеждению, что они послужили только толчком к развитию и усилению движения вполне самобытного. Знакомство с Западной Европой побудило декабристов свои абстрактные мечтания преломить в жизнь, от слов перейти к действию. Это западно-европейское влияние, как мы уже видели выше, шло по двум руслам.

«Французская литература XVIII и начала XIX в.в. представляла собою громадную политическую силу»,— говорит Н. П. Павлов-Сильванский,—«все декабристы испытали на себе ее покоряющую власть. На них влияли не только новые либеральные публицисты, но и старые

---

[1]) Пыпин, назв. соч., 356.

[2]) М. В. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов. М. 1907, стр. 218.

[3]) В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПБ. 1909, стр. 199.

политические классики XVIII века. Из этих классиков Руссо в особенности сохранил вполне свое революционное влияние на молодежь» [1]).

Это был один путь воздействия [2]), путь, через который будущие декабристы в длительном процессе воспитания подготовлялись к роли политических борцов. «Руссо и других классиков»,—добавляет Н. П. Павлов-Сильванский,—«вспоминали, как своих учителей, и люди поколения двадцатых годов (которых 14-е декабря застало молодыми людьми 20—25 лет), и люди поколения десятых годов, которое положило начало первому тайному обществу—Союзу Спасения—и дало главнейших деятелей Южного и Северного обществ, как Пестель, Никита Муравьев, С. Муравьев-Апостол, Рылеев и немногие, замешанные в заговор представители более старых поколений (Фонвизин, барон Штейнгель)» [3]).

Другим путем были заграничные походы, в которых будущие декабристы воочию увидели то, что прежде открывали им книжные страницы. «Армия»,—говорит С. Г. Сватиков,—«видела Европу, раскрепощенную в гражданском отношении благодаря великой французской революции, видела народы, охваченные политическим брожением, борьбу партий, тайные общества... Патриотическое воодушевление, всколыхнувшее души, воспоминания о свободной Европе, — все это не могло улечься и забыться, душа преисполнена была негодования и ужаса перед страданиями родины» [4]).

Таково было влияние на будущих декабристов заграничных походов; они получили возможность сравнивать. «Теоретическое наблюдение над западно-европейской жизнью»,—говорит М. В. Довнар-Запольский,—«приводило к ряду практических последствий», практических выводов [5]).

---

[1]) Н. П. Павлов-Сильванский. Материалисты двадцатых годов. «Былое», 1907, № 7, стр. 98.

[2]) Подробно см. В. И. Семевский, назв. соч., глава II. Причины «вольномыслия» декабристов. (II. Влияние чтения).

[3]) Н. П. Павлов-Сильванский, назв. соч. 99.

[4]) С. Г. Сватиков. Общественное движение в России (1700—1895), стр. 157—158.

[5]) М. В. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов, 207.

Итак, точка зрения Пыпина на то, что заграничные походы, знакомство с Западной Европой послужили первым толчком к развитию общественного движения в России, сейчас является едва ли не общепризнанной. В. И. Семевский замечает, что «лучшим университетом явилась для очень многих декабристов Западная Европа» [1]).

Но, заимствуя оттуда основные понятия и методы, декабристы сразу же пошли своими путями. М. В. Довнар-Запольский справедливо говорит, что «это не было подражанием европейцам. До декабрьской революции революционное настроение на Западе продолжалось тридцать пять лет. За ним следили и в России» и тем не менее, не приступали к действиям. Это объясняется, по мнению автора, тем, что в России тогда еще не созрел не настал момент для действия [2]).

Если западно-европейские влияния послужили только толчком, то той основой, на которой вырос либерализм декабристов, являлось их образование. В. И. Семевский [3] и М. В. Довнар-Запольский [4]) подробно останавливаются на этом значении высокого образовательного ценза декабристов, только благодаря которому они и могли чужды теории приложить к родной действительности, осознать ужасное положение России и решиться принять на себя миссию избавителей.

Таким образом, историческая наука, в лице не только цитированных выше своих представителей, но и многих других, как-то: В. Е. Якушкина [5]), Б. Л. Модзалевского, П. Е. Щеголева, А. А. Корнилова и других, пришла, на основе фактических данных, преимущественно путем изучения ранее недоступного, следственного материала к глубокому убеждению в самобытности декабрьского движения. «Не политическая доктрина»,—говорит А. Е. Пресняков,—«а живое понимание действительных нужд России вызвало это движение» [6]).

---

[1]) Семевский, назв. соч., 205.
[2]) Довнар-Запольский, назв. соч., 220.
[3]) Семевский, стр. 200 и дальше.
[4]) Довнар-Запольский, 227 и дальше.
[5]) См. В. Е. Якушкин. Государственная власть и проект государственной реформы в России. СПБ. 1906.
[6]) А. Пресняков. Декабристы. «Пол. Зв.» 1905, № 1, стр. 5

Особняком стоит только Н. А. Котляревский. Н. А. Котляревский говорит о декабрьском движении:

«Это первая поэтическая мечта о свободе, мечта, торопливо пожелавшая свести свои счеты с действительностью; именно, поэтическая, лирическая мечта, не вооруженная никаким практическим опытом, с некоторым лишь запасом теоретических знаний. Носители этой мечты почти все — поэты; поэты с поэтическим талантом или поэты в душе. Они сильны верой, которая, как известно, есть уверенность в желаемом и ожидаемом, как бы в настоящем» [1]).

Слово для возражения предоставим П. Е. Щеголеву. «Этому построению»,—говорит он,—«нельзя отказать в известной красоте, но вряд ли оно соответствует действительности. Наш взор всегда тянулся к этим известным нам энтузиастам и поэтам; они дали окраску (движению), но не они одни создали его. За этими романтическими фигурами стояли серые массы заговорщиков... их социальный состав, их духовная личность — разнообразны и сложны. И, несомненно, стало, что общие заключения о декабристах преждевременны» [2]).

Со своей стороны скажем несколько слов в защиту вождей декабризма от обвинения их в беспочвенном романтизме. Казалось бы, уже одна история заговора, десять лет его существования, снимают с них обвинения в «торопливости». И, когда заговор был оборван неожиданной катастрофой, когда силою обстоятельств заговорщики были вынуждены бросить преждевременный вызов правительству, они, эти вожди-поэты, как мы убедились выше, не верили в успех.

М. О. Гершензон, в основе, также примыкает к господствующему в литературе течению. Декабристы, по его определению, «это люди, родившиеся в самом конце XVIII века, воспитанные и развившиеся, приблизительно, в одинаковых условиях, каковы — крепостное право, влияние французской изящной и политической литературы, военная среда, прямое или косвенное влияние наполеоновских войн и пр.»... М. О. Гершензон признает

---

[1]) Нестор Котляревский. Рылеев, стр. 3.
[2]) «Мин. Годы», 1908, май—июнь. стр. 522.

целиком самобытность декабризма, выросшего, по его мнению, на основе старинной русской культуры. «Декабрист»,—добавляет он,—«не приемлет, не может принять оскорбительной для его чувства и сознания русской общественной действительности» [1]).

Итак, русская историческая наука признала, что стремления декабристов, в основе своей, отвечали требованиям современной им русской действительности, что стремления эти рождены были самой жизнью, а не отвлеченными теоретическими построениями.

Отсюда, однако же, еще не следует, чтобы в стремлениях декабристов все признавалось абсолютно положительным, чтоб все их идеи считались абсолютно верными. Мы уже знаем, что в политическом отношении декабристы отнюдь не представляли собою единого целого.

Они были подобны бурным водам одной кипучей реки, которым предстоит впоследствии разбиться по разным руслам. В стремлении к отдаленной цели своей декабристы были единодушны; по мере достижения ее, их пути должны были неизбежно разойтись. Поэтому, в политической оценке декабризма можно только с величайшей осторожностью ставить общие диагнозы.

Основная цель была для всех едина, и определилась она в самом начале заговора. «С самого начала образования тайных обществ»,—говорит В. Е. Якушкин,—«они имели в виду переустройство нашего правительства на началах представительных, конституционных» [2]).

В тесной связи с этим стояла проектировавшаяся декабристами крестьянская реформа. Но в предполагаемых формах, в которых должно было быть осуществлено то и другое, как известно, между декабристами не было единодушия. И не только не было единодушия между отдельными заговорщиками, но и различные тайные общества различно решали эти вопросы.

Первое тайное общество, «Союз Спасения», как его трактует современная историческая наука, до появления в нем Пестеля представляло собою организацию с весьма

---

[1]) М. О. Гершензон. Декабрист Кривцов и его братья. М. 1914, стр. 155—157.

[2]) В. Е. Якушкин, назв. соч., 102.

слабо выраженной политической физиономией; «в сущности говоря»,—замечает А. А. Корнилов,—«определенной политической цели оно не имело... но, конечно, по идее основателей, цель общества была политическая — улучшение государственного и общественного строя» [1]). С. Г. Сватиков отмечает, что «с самого основания тайного общества для членов освобождение крестьян было неразделько с политической свободой» [2]).

Вопрос о взглядах декабристов на крестьянскую реформу особенно остро встает перед исследователем, при изучении следующего хронологически тайного общества, «Союза Благоденствия», возникшего в 1818 году.

Устав «Союза Благоденствия» был частью заимствован у прусского Тугендбунда. По этому поводу Д. Н. Блудов немало иронизировал в своем пресловутом «Донесении Следственной Комиссии», но ирония эта была неосновательна. Еще А. Н. Пыпин отмечал, что «у составителей русского устава постоянно присутствовала мысль о русской жизни и ее условиях; немецкий союз увлекал их своей общей идеей, доставлял практические указания, которые казались полезными, но они брали из него лишь то, что отвечало русским условиям, что казалось исполнимым» [3]).

Мечтая о «споспешествовании правительству к возведению России на степень величия и благоденствия, к коей она самим творцом предназначена», устав Союза, в достижении этой цели, рассчитывал «на содействие своим видам государя».

Это указание, прежде всего, останавливало внимание историков. По этому поводу А. Е. Пресняков замечает, что «это было только пережитком настроения первых моментов движения», и ссылается на слова И. Д. Якушкина, что «в этих словах была уже наполовину ложь, потому что никто из нас не верил в благие намерения правительства» [4]). Впрочем, историческая наука в целом

---

[1]) А. А. Корнилов. Курс истории России XIX в. Изд. 2-е. М. 1918, часть I, стр. 240.
[2]) С. Г. Сватиков, назв. соч., стр. 159.
[3]) Пыпин, назв. соч., 380.
[4]) А. Пресняков, назв. соч., 49.

склонна придавать большее значение этому параграф устава «Союза Благоденствия».

«Союз Благоденствия»,—говорит А. Н. Пыпин,— «основывался с доверием к власти, основатели его наме ревались даже заявить о нем правительству и просит его содействия» [1]). С. Г. Сватиков приходит к еще бо лее категорическому выводу; по его мнению, «Сою Благоденствия» нельзя, вообще, назвать революционны обществом, коль скоро члены его «вполне искренно» рас считывали действовать заодно с правительством. «Есл конституционные стремления»,—добавляет Сватиков,— «не были заявляемы гласно, то они и не составлял тайны, ибо члены Союза надеялись на Александра, пере тем заявившего в Варшаве о намерении ввести в Росси конституцию» [2]).

Едва ли здесь мы не имеем налицо старой ошибк обобщения. Вне всякого сомнения, что среди членс Союза было много лиц, мысливших именно так; это т конечно, которые позднее, после Московского съезд когда уже окончательно определилось, что заговорщика не по пути с правительством, откололись от Союза. Н говорить, что Союз в целом относился с доверием к пр вительству — несомненная ошибка. А. А. Корнилов, п этому поводу, напоминает нам, что в 1820 году, на собр нии членов «Союза Благоденствия», все присутствующи за исключением Ф. Н. Глинки, высказались за республи канский образ правления.

В. И. Семевский указывает и на еще один весьм существенный факт: тогда как прусский Тугендбунд тр бовал от своих членов защищать правительство и сущ ствующий политический строй, в русском уставе мы эти параграфов не встречаем [3]), что, конечно, весьма показа тельно для настроения Союза.

Но было и еще одно существенное отличие, и на это раз, не в пользу русского устава, а именно: тогда ка устав Тугендбунда требовал от вступающих освобождени в течение известного срока, своих крепостных, русски

---

[1]) Пыпин, назв. соч., 307.
[2]) Сватиков, назв. соч., 160.
[3]) Семевский, назв. соч., 422—423.

тав исключил это требование. По уставу «Союза Благо-енствия», членам его предписывалось только гуманное бращение с крепостными.

«Опущение этих параграфов»,—говорит В. И. Семевский,—«показывает, что не только мысль об освобождении крестьян с земельным наделом не созрела еще среди снователей «Союза Благоденствия», но в уставе его они е решались прямо говорить о каком бы то ни было освобождении крестьян» [1]). Несколько иначе решает этот опрос А. Е. Пресняков; он полагает, что «первоначальная мысль об освобождении крестьян, как исходном унктe всех реформ, была скоро оставлена, как невыполнимая при данных условиях» [2]). К этому вопросу мы еще одробно вернемся, когда речь будет итти о Северном Южном Обществах.

Как известно, перелом, происшедший после Московского съезда, в 1821 году, имел решающее значение дальнейшем направлении развития общественного движения. Еще А. Н. Пыпин справедливо отметил, что в это ремя, которое он называет «вторым периодом деятельности тайного общества», «интересы Союза от вопросов бщественных переходят больше к вопросам политическим, и в настроении Союза является наклонность к райним решениям» [3]).

В этот период Никита Муравьев и П. И. Пестель являлись идеологами — первый Северного, а второй — Южного — тайных обществ, что, впрочем, можно принять олько с большими оговорками, особенно в отношении Н. М. Муравьева, «Конституция» которого, как известно, стречала в Северном обществе множество возражений. оэтому, ни в коем случае нельзя сказать, что политические и социальные взгляды Никиты Муравьева пределяли настроение Общества в целом; относительно Русской Правды» Пестеля можно с большей уверенностью сказать, что она была характерна для настроения Южного общества. Но поскольку «Конституция» Никиты уравьева являлась так или иначе единственным закон-

[1]) Семевский, назв. соч., стр. 422.
[2]) Пресняков, стр. 50.
[3]) Пыпин, 429.

ченным проектом Северного общества [1]), который во мно
гом отвечал его настроению, мы в своем изложении оста
новимся, прежде всего, на оценке политических и соци
альных взглядов Никиты Муравьева.

«Конституция» Никиты Муравьева была построена на
монархическом принципе. Но не в одном этом главный е
недостаток, ибо муравьевский монарх, «верховный чино
ник российского правительства», был до крайности огра
ничен даже в предоставленной ему исполнительно
власти.

Наряду с этим, проект Муравьева имел ряд неоспори
мых достоинств. Как правильно замечает В. Е. Якушки
«проект Муравьева устанавливает все основные прав
гражданина и человека: свободу совести, свободу слова
свободу печати, свободу вероисповеданий, право собра
ний, союзов, петиций, неприкосновенность личности
неприкосновенность жилища и корреспонденции [2]). Уста
навливается равенство сословий; уничтожается крепост
ное право, и т. д. [3]).

Главный недостаток этого проекта заключается во вв
дении громадного имущественного ценза, являющегося
условием участия в местном и центральном управлении.

Объясняя это наиболее уязвимое место муравьевско
«Конституции», В. Е. Якушкин говорит: «При оценк
проекта Муравьева мы должны помнить, что он соста
влялся при трудных обстоятельствах»,—подкрепляя сво
оправдание ссылкой на бесспорные положительные ст
роны «Конституции» [4]). Однако, одним указанием н
«трудные обстоятельства» невероятный ценз не толь

---

[1]) Впрочем, во всех дошедших до нас редакциях тек
Конституции не вполне обработан автором. Таких редакц
дошло до нас три: одна найдена следственной комиссией в б
магах С. П. Трубецкого, другая—написана Муравьевым у
в крепости, по требованию комиссии (обе опубликованы в кни
М. В. Довнар-Запольского «Мемуары декабристов»), третья на
дена в конце 50 г.г. в бумагах И. И. Пущина (опубликова
в книге В. Е. Якушкина).

[2]) В. Е. Якушкин, 106.

[3]) Н. М. Муравьев высказывался за наделение кресть
одной только огородной землей. Об этом смотри ниже.

[4]) В. Е. Якушкин, 116.

активного, но и пассивного избирательного права еще далеко не объясняется. Скорее должно примкнуть к резкому суждению, высказанному по этому поводу С. Г. Сватиковым, который говорит: «Введение чудовищно-громадного имущественного ценза для участия в местном и центральном самоуправлении показывает, что у Муравьева, вопреки его благородному, демократическому образу мыслей, — все-же сказывались классовые тенденции, быть может, совершенно бессознательные и навеянные с Запада, где (как, например, во Франции) в это время право участия в законодательстве связывалось с высоким имущественным цензом» [1]).

Этот огромный недостаток «Конституции» Никиты Муравьева является в настоящее время общепризнанным в исторической науке. Всецело на этой точке зрения стоит и В. И. Семевский, который, по этому поводу, замечает: «Высокий активный ценз для непосредственного участия в выборах, лишавший права быть избирателями народных представителей большую часть некрестьянского населения, лишение политических прав более половины сельского населения, и высокий пассивный ценз... были столь серьезными недостатками «Конституции» Н. Муравьева, что они вызывали отрицательное отношение к ней очень многих декабристов» [2]).

Одним из таких противников и, должно быть, противников наиболее серьезных был, как указывает М. В. Довнар-Запольский, — Рылеев, считавший введение ценза несогласным с законами нравственности [3]).

«Русская Правда» Пестеля имеет для идеологической оценки декабризма гораздо большее значение, чем «Конституция» Никиты Муравьева, потому что она встречала большее сочувствие в кружках декабристов. В 1823 году программа Пестеля целиком была принята всеми виднейшими членами Южного общества. «Краткое извлечение из «Русской Правды», называемое «Государственным Заветом», было, как справедливо замечает Н. Н. Павлов-

---

[1]) Сватиков, 177.
[2]) Семевский, 482.
[3]) Довнар-Запольский. Идеалы, стр. 413.

Сильванский,—«для многих из них настоящим политическим заветом» [1]).

Но даже и в более умеренном Северном обществе «Русская Правда» имела немало сторонников.

Мы уже знаем, что до самого последнего времени «Русская Правда» была недоступна исследованию: поэтому еще А. Н. Пыпин, отмечая ее малую известность, вынужден был составлять представление о ней по отрывочным замечаниям И. Д. Якушкина, барона Розена, Николая Тургенева и др., при чем говорил, что «в свое время она, повидимому, была больше, чем проект Муравьева, известна между членами общества и представляла больше оригинальности и смелости» [2]).

Прежде всего, внимание Пыпина остановило республиканское устройство «Русской Правды». «Основная мысль ее»,—говорит он,—«если действительно Пестель хотел республики, была, конечно, фантастическая, но нельзя опять думать, чтобы он считал свои предположения немедленно применимыми» [3]).

Еще Н. И. Тургенев, говоря о «социалистических теориях» Пестеля, признавая за ними прекрасные намерения и высокий энтузиазм, настаивал на их утопичности, полагая их полезными только в смысле направления серьезных умов на те вопросы, которых важность до того не была достаточно оценена [4]).

В глазах современников Пестель был горячим республиканцем, социалистом, даже коммунистом. Современная историография различно отвечает на эти вопросы, а когда ниже мы познакомимся с оценками, которые давались Пестелю различными представителями революционных и социалистических партий, разноголосица взглядов на его учение еще неимоверно возрастет.

Герцен говорил о Пестеле: «Пестель был горячим республиканцем. Соглашаясь с собеседниками, что было бы очень недурно добиться английской конституции, он... тут же прибавлял, что сам предпочел бы американскую.

---

[1]) Н. П. Павлов-Сильванский. Декабрист Пестель перед Верховн. Угол. Судом, 18.

[2]) Пыпин, 443.

[3]) Пыпин, 443.

[4]) Н. Тургенев. La Russie, I, стр. 177—178.

которая, по его словам, охраняет интересы всех, а не одних только лордов и купцов».

Однако, уже по мнению М. М. Ковалевского, «ничто прямо не выдает нам в «Русской Правде» Пестеля за того республиканца, каким он рисовался воображению своих современников и ближайшего потомства» [1]). Характеризуя в общем «Русскую Правду», М. М. Ковалевский говорит, что Пестель «обладал довольно цельной и хорошо продуманной схемой преобразований, необходимых для обращения русской империи в единую, но сильно децентрализованную демократию, опирающуюся же на широком фундаменте не столько индивидуальной собственности, сколько видоизмененного по коммунистическому образцу общинного владения и пользования» [2]). Говоря далее об аграрной реформе Пестеля, М. М. Ковалевский замечает, что она «является, по всей вероятности, первой в России попыткой сколько-нибудь стройного коммунистического учения» [3]).

О демократизме Пестеля говорят и другие историки. «Принципы Пестеля»,—говорит А. А. Корнилов,—«не отличались либерализмом, но зато демократическое начало было им проведено в его плане очень глубоко, особенно в экономической области» [4]).

Н. Н. Павлов-Сильванский говорит, что «план государственного устройства, развитый в «Русской Правде», отличался глубоким демократизмом. Из трех принципов Великой Французской Революции: Свобода, Равенство, Братство, — продолжает Сильванский, — Пестель проникся особенно вторым: Равенство» [5]).

На аналогичной точке зрения стоят и В. И. Семевский и М. В. Довнар-Запольский, а также и историки русского права, как В. М. Гессен, М. А. Дьяконов и др.

Едва ли не впервые Б. И. Сыромятников высказал противоположное мнение. Считаем нужным напомнить читателю, что в настоящее время в наши задачи не вхо-

---

[1]) М. М. Ковалевский. «Русская Правда» Пестеля. «Мин. Годы». 1908, I, стр. 5.
[2]) Там же, стр. 2.
[3]) Там же, стр. 13.
[4]) Корнилов, I, 253.
[5]) Павлов-Сильванский. Декабрист Пестель, стр. 14.

дит *разбор* политических и общественных идей декабризма; мы только фиксируем то или иное отношение к ним общества или отдельных лиц. Поэтому в нашем изложении, поскольку это возможно, отсутствует аргументировка того или иного отзыва, что до чрезвычайности перегрузило бы данную книгу. В настоящем случае, напр., читатель, знакомый хотя бы с основами «Русской Правды», конечно, не будет нуждаться в подобном комментировании.

Б. И. Сыромятников приходит к убеждению, что Пестеля нельзя назвать «демократом». «Республика Пестеля»,—говорит он,—«воздвигнутая на развалинах монархического принципа, в основе своей, сохранила все предпосылки абсолютизма, а потому и вылилась в конечном итоге в типические формы полицейского государства» [1]).

По мнению Б. И. Сыромятникова, отношение Пестеля к обществу или «народу», который, как «политическая сила», для него «ничего не значил», обнаруживает в нем «типичного представителя эпохи просвещения», «либералиста», как говорил Карамзин [2]).

«Последовательный демократизм» и «либерализм» эпохи «просвещения»,—таковы два полюса, между которыми располагаются оценки воззрений Пестеля. Тогда как М. М. Ковалевский называет экономические взгляды Пестеля—коммунистическим учением, Б. И. Сыромятников доказывает наличие в «Русской Правде» замаскированного цензового принципа, реституируемого Пестелем в том смысле, что из политических прав он выводит требование имущественного ценза, имущественного «обладания».

Для примера отметим в данном случае мотивировку Б. И. Сыромятникова; он ссылается на следующую фразу «Русской Правды»: «Вся Россия будет, следовательно, состоять из одних обладателей земли и не будет у нее ни одного гражданина, который бы не был обладателем земли» [3]).

---

[1]) Б. Сыромятников. Политическая доктрина «Наказа» Пестеля. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М. 1909, стр. 715 и 718.

[2]) Там же, стр. 715—716.

[3]) «Русская Правда», стр. 209—210.

При подобном подходе, может случиться, что и в идеальном коммунистическом государстве, где каждому члену общества будет обеспечена известная доля производимого продукта, Б. И. Сыромятников заподозрит имущественный, цензовый принцип, ибо, ведь, и в таком государстве не найдется неимущих избирателей.

На этом разногласия не кончаются: говоря об административной схеме Пестеля, А. А. Корнилов отмечает, что «Республика, проектированная Пестелем была... с чрезвычайно сильной и *централизованной* административной властью» [1]), тогда как М. М. Ковалевский говорит по этому поводу: «Противник федерализма, Пестель в то же время, повидимому, вполне разделяет взгляды Бенжамена Констана и либеральной школы на необходимость широкой *административной децентрализации*» [2]).

Об оценке взглядов Пестеля на крестьянский вопрос мы будем говорить ниже.

Так или иначе, однако, в историографии может считаться признанной заключительная оценка взглядов Пестеля, данная М. М. Ковалевским: «Трудно не признать»,—говорит он,—«что многими сторонами своих воззрений Пестель тесно примыкает к нам, опережая нас на три четверти столетия» [3]).

В. И. Семевский называет Пестеля «гениальным общественным деятелем, далеко опередившим своих современников в России в области политических и социальных воззрений» [4]).

«Крестьянский вопрос»,—говорит А. Н. Пыпин,—«был только легко затронут правительством. Мнения членов союза в этом отношении определились мало-по-малу ясно: необходимость освобождения, и именно с землей, стала для них аксиомой» [5]).

Взгляды декабристов на крестьянский вопрос в особенности нуждаются в защите. «В последнее время»,—говорит В. И. Семевский,—«идеология декабристов иногда подвергается несправедливым во многих отношениях на-

---

[1]) Корнилов, I, 253.
[2]) Ковалевский, 10.
[3]) Ковалевский, 17—18.
[4]) Семевский, 550.
[5]) Пыпин, 472.

падкам. Само собой разумеется, что благородный подвиг декабристов, принесших в жертву на алтарь общественного служения свое личное счастье... не должен подкупать историка при изучении их идей... но историк не может вырывать декабристов из окружающей их среды, рассматривать их предположения с современной точки зрения, произносить над ними суд, забывая об условиях развития общества того времени. Это необходимо, как вообще, так и в частности, относительно их взглядов на крестьянский вопрос» [1]).

В настоящее время в исторической науке признанным является мнение А. Н. Пыпина, что декабристы твердо усвоили совершенную необходимость освобождения крестьян. С. Г. Сватиков замечает, «что большинство членов общества хорошо понимали связь между политической свободой и освобождением крестьян» [2]). То же самое повторяет и В. И. Семевский: «С самого основания тайного общества для членов его освобождение крестьян было нераздельно с политической свободой» [3]).

Поскольку теория В. И. Семевского об отношении декабристов к крестьянскому вопросу является наиболее исчерпывающей и господствующей, мы и позволим себе ограничиться ее изложением.

В. И. Семевский указывает на существование в эпоху Александра I следующих четырех способов полной ликвидации крепостных отношений: 1) немедленное освобождение без земли, 2) немедленное освобождение с одной усадебной землей, 3) обращение крепостных крестьян в прикрепленных к земле, с определением размера повинностей и с предоставлением им, по истечении известного времени, права перехода и 4) освобождение с землею, не только усадебною, но и иной, с выкупом земли государством или самими крестьянами, либо же вовсе без выкупа.

Как известно, первоначально декабристы были сторонниками освобождения крестьян *без земли*, и, как мы ниже увидим, именно это обстоятельство вызвало справедли-

---

[1]) Семевский, 601—602.

[2]) Сватиков, 164.

[3]) Крестьянский Строй. Том I. Изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Д. Толстого. СПБ. 1905, стр. 210.

вые нападки на них социалистов. В настоящее время мы, конечно, отлично понимаем, что такой способ освобождения содействовал бы еще большему закабалению крестьян, которые, ставши политически независимыми, очень скоро оказались бы в безысходном экономическом рабстве.

Создание у заговорщиков подобного взгляда на освобождение крестьян В. И. Семевский объясняет влиянием исторических примеров: в Англии крестьяне были освобождены без земли; на глазах декабристов произошло уничтожение крепостного права в Польше. «Освобождение польских крестьян без земли»,—говорит В. И. Семевский,—«конечно, было известно декабристам и должно было являться одним из доказательств возможности такового освобождения, тем более, что его вредные последствия еще не вскрылись».

Сторонником безземельного освобождения был даже Н. И. Тургенев. На основании его дневников, В. И. Семевский объясняет такое намерение Тургенева тем, что он не верил в осуществимость—в ближайшем времени, по крайней мере,—освобождения крестьян с землей [1]). «Тургенев»,—говорит Семевский,—«в конце концов пассовал перед практическими затруднениями и даже через четверть века в своей книге «La Russie et les russes» еще утверждал, что «личное, безземельное освобождение наиболее возможно и осуществимо»... и лишь в последнем, третьем, томе своего труда высказался за освобождение с землею», но с ницепским наделом [2]).

Масса же декабристов, по мнению В. И. Семевского, в это время попросту еще не была подготовлена к этому; у нее чувствовалось отсутствие понимания, как осуществить эту реформу. Семевский ссылается на пример И. Д. Якушкина, который, в 1816 году, выразив дяде желание освободить своих крестьян, признавался, что «в это время не очень понимал, ни как это можно устроить, ни того, что из этого выйдет, однако, имея полное убеждение, что крепостное состояние—мерзость, был проникнут чувством прямой обязанности освободить людей» [3]).

---

[1]) Семевский, 608.
[2]) Семевский, 620.
[3]) Семевский, 609.

Тем не менее, тот же Якушкин первый высказался за освобождение крестьян с усадебной землею и общим выгоном, и еще,—что тоже очень важно, как правильно замечает Семевский,—высказался за общинное владение (или, как он говорил, «общественное» владение), так как при нем «все частные действия направлены духом общественности» и не может быть нищих, почему и рекомендует крестьянам приобретение земли целым обществом [1]).

Эта мысль Якушкина, по мнению Семевского, повлияла и на Тургенева, и на Никиту Муравьева. В первой редакции своей конституции Муравьев проектировал безземельное освобождение, а во второй уже сказано: «Дома поселян, с огородами оных, признаются их собственностью, со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим» [2]).

Третий способ освобождения, как указывает Семевский, «не нашел выражения в предположениях декабристов по крестьянскому вопросу, так как они не желали довольствоваться обращением крепостного права в прикрепление к земле, а стремились к совершенному освобождению крестьян» [3]).

«Но постепенно»,—говорит Семевский,—«декабристы не могли не придти к мысли о необходимости земельного надела для крестьян» [4]). В этом отношении декабристы с одной стороны подвергались влиянию сочинений Радищева, с другой стороны эта мысль вызывалась и некоторыми русскими и иностранными узаконениями о крестьянах.

«В Южном обществе»,—говорит В. И. Семевский,—«господствовали мнения по крестьянскому вопросу Пестеля», но, к сожалению, «предположений «Русской Правды» относительно освобождения помещичьих крестьян

---

[1]) Семевский, 613.

[2]) Крестьянский Строй, 220. Конституция Никиты Муравьева, ст. 24.

[3]) Впрочем, Семевский указывает на показание декабриста М. М. Спиридова, члена Общества Соединенных Славян, советовавшего, «не давая вольности крестьянам, сделать их вольными», т.-е. чтобы они производили работы по соглашению с помещиком.

[4]) Семевский, 616.

Пестель так и не успел... окончательно обработать. И с этим нужно считаться при обсуждении его мнений по крестьянскому вопросу». Из имеющегося у нас материала Семевский выводит заключение, что Пестель намерен был передать крестьянам половину всех помещичьих земель, не исключая и леса. «Замечательна мысль»—говорит он,—«о передаче земли в «общественное» (общинное) владение, следовательно, с сохранением общинного землевладения там, где оно существовало, и с введением его в районе подворного владения. Во всяком случае,—заключает он,—дело шло о серьезном обеспечении крестьян земельным наделом» [1]).

Таким образом, мы видим, что историческая наука пришла к убеждению в необычайной глубине декабрьского движения, к убеждению в глубокой серьезности его политических и социальных основ. Коль скоро так,—ясно, что современная историография, не следуя заветам официозной печати, не станет ставить во главу угла самые события 14 декабря.

«Относительно самых событий декабря 1825 года»,—говорит Пыпин,—«ограничимся замечанием, что было бы ошибочно выводить из них заключение о всем характере тайного общества. Прежде всего, эти события не были планом, издавна решенным и обдуманным. Напротив, в них было чрезвычайно много случайного, минутного» [2]).

Пресняков замечает, что «трагедия 14 декабря со стороны вождей была жертвою долга идти до конца в поднятом ими движении и погибнуть».

Остается неоспоримой старая точка зрения, высказанная еще самими декабристами и потом Герценом, о «жертвенном» значении восстания.

Но в вопросе о шансах на успех 14 декабря мнения раскололись. С. Ф. Платонов пришел к убеждению в безнадежности восстания. «В сущности»,—говорит он,—«происшедший *уличный беспорядок* не был серьезным бунтом. Он не имел никакого плана и общего руководства, не имел и военной силы» [3]).

---

[1]) Семевский, стр. 625.
[2]) Пыпин, 408.
[3]) С. Ф. Платонов. Лекции по русской истории. Изд. 10. Птгр. 1917, стр. 678. Курсив наш.

«Уличным беспорядком», конечно, нельзя назвать восстание нескольких тысяч солдат, во главе с командным составом, при поддержке народа и при неустойчивости остальных войск. Тем не менее, С. Ф. Платонов нашел поддержку в лице А. А. Корнилова, который говорит, что «бунт, который произошел в Петербурге, на самом деле, по тем материальным силам, какими располагали заговорщики 14 декабря, был в сущности довольно бессилен» [1]).

Но господствующей является старая точка зрения Герцена, Н. П. Павлов-Сильванский замечает, что «эта неудача была случайной. Как ни слабы были силы заговорщиков, как ни малодушен был князь Трубецкой, которого главный двигатель восстания, Рылеев, неудачно выдвинул в роковой день 14 декабря, но неурядица междуцарствия была столь благоприятна для заговора, и новый император проявил такую растерянность, несмотря на внешнюю помпу театральной решимости, что капризный случай едва-едва не дал успеха декабристам» [2]).

Отмечая все эти внешние условия, благоприятствовавшие восставшим, М. В. Довнар-Запольский полагает, что причиной неудачи, в большой степени, был преждевременный пессимизм заговорщиков, с которым они уже вышли на площадь [3]).

«Было в моде одно время»,—говорит С. П. Мельгунов,—«с легкой руки столь распространенного в былые годы литографированного курса Ключевского, изображать декабристов беспочвенными мечтателями, не знавшими русской действительности. После опубликования в 1905 г. целого ряда записок и показаний декабристов, после выхода книги В. И. Семевского, давшей полный свод и анализ преобразовательных планов декабристов, неосновательность старой точки зрения сама собой выяснилась» [4]).

С этой-то старой точки зрения В. О. Ключевский и высказывает свое суждение о значении декабристов. По

---

[1]) Корнилов, II, 14.

[2]) «Былое», 1906, II, 127—128.

[3]) М. В. Довнар-Запольский. Декабрьская революция 1825 года. «Гол. Мин.», 1917, № 7—8, стр. 69.

[4]) С. П. Мельгунов. Роман Мережковского «Александр I».—«Гол. Мин.», 1914, № 12, стр. 52—53.

его мнению, это событие «имело великое значение в истории русского дворянства: это было»,—говорит он,—«последнее военно-дворянское движение. До тех пор дворянство было правящим классом, значение которого создали гвардейские перевороты XVIII века, но теперь оно становится простым орудием правительства, каким было в XVII веке; 14 декабря кончилась политическая роль дворянства» [1]).

В самое последнее время высказана новая точка зрения, с которой подробно мы познакомимся ниже, а именно, что декабристы были носителями интересов буржуазии. Но в историографии декабризма, с которой мы только что познакомились, представителями которой являются В. И. Семевский, А. Н. Пыпин, М. В. Довнар-Запольский, В. Е. Якушкин, Б. Л. Модзалевский, П. Е. Щеголев и др., господствует убеждение, что декабристы были революционерами внеклассовыми, внесословными.

С этой точки зрения и значение декабристов оценивается иначе. А. Н. Пыпин говорит: «Общественное движение (декабристов) не осталось отрывочным фактом в нашей внутренней истории. Напротив, оно бросило прочные корни в общественном сознании. Люди, представлявшие движение, испытали трагическую судьбу в катастрофе 1825 года; против либерализма было направлено суровое преследование, целая группа исчезла из общества, но идеалы остались достоянием мыслящих людей и продолжали развиваться в их среде» [2]). Пыпин указывает на то влияние, которое оказало декабрьское движение на проведение реформ, впервые, со всей возможной отчетливостью, поставив их на очередь.

«Политические идеи»,—говорит он в другом месте,—«стали представляться гораздо отчетливее и реальнее; то, о чем говорилось прежде в «триумвирате», в ближайшем кругу друзей императора, стало интересом большого общественного круга» [3]).

Еще отчетливее ту же мысль выразил А. Е. Пресняков:

---

[1]) Ключевский. Том V, стр. 215.
[2]) Пыпин, 475.
[3]) Пыпин, 471.

«Изучение движения декабристов»,—говорит он,—«ведет к выяснению крупного момента в истории нашего общественного самосознания, того брожения идей, которое, в дальнейшем развитии, привело к выработке разнородных общественных направлений. В этом движении впервые сознательно была поставлена идея народа, как единственной основы национального целого. Впервые намечен и ряд ответов на основные вопросы жизни, которые жили и развивались в течениях от аристократически-дворянского и демократически-дворянского либерализма до последнего стремления преодолеть не только сословную рознь, но и дуализм правительства и народа в новой организации народно-государственного целого на началах политической свободы, народного самоуправления и социального равенства. Впервые поставлена и дилемма федерализма или унитарного государства, как и вопрос об отношении свободной России к разноплеменным окраинам. Замечательное многообразие политических и социальных мотивов, характеризующее это движение, делает его колыбелью исторического развития позднейшей русской общественной мысли во всех основных ее течениях» [1]).

Таким образом, историческая наука, в полной мере, осознала громадность значения декабризма. И в данном случае особняком стоит Н. А. Котляревский, полагающий, что «если декабрьское возмущение и должно войти в общую историю революционного движения в России, то только как самостоятельный, в себе замкнутый, эпизод, не имевший аналогий в прошлом и связанный с последующим ростом революционных идей лишь слабой общей нитью». Н. А. Котляревский вообще отрицает за декабрьским движением какое бы то ни было политическое значение: «Поэзия, как таковая, была одним из главных факторов всего этого политического движения» [2]).

Значение декабристов еще далеко, конечно, не исчерпывается схемой А. Е. Преснякова. «В освещении декабристов весьма рельефно выступают все отрицательные черты тогдашнего строя»,—говорит М. В. Довнар-Заполь-

---

[1]) Пресняков, назв. соч., стр. 56—57.
[2]) Нестор Котляревский. Рылеев, стр. 3.

ский,—«декабристы произнесли приговор эпохе, справедливость которого не может отрицать историк» [1]).

В этом отношении 14 декабря сыграло крупную роль в окончательном разрыве русского общества с правительством. Общество, как правильно отмечает М. А. Полиевктов, отвечало правительству тем же недоверием, которое правительство после восстания питало к нему. «Катастрофа 14 декабря»,—говорит М. А. Полиевктов,—«окончательно отпугнула от Николая русское общество. С другой стороны, как консервативная программа стала с этого времени правительственною традицией, так и в русском обществе стали развиваться с этого времени определенные политические традиции, связывавшиеся также с декабрьскими событиями» [2]).

Но вопрос о том, оказало ли восстание декабристов влияние на политику николаевского царствования, решается различно. В. О. Ключевский категорически отрицает это влияние.

«Напрасно думают, что направление следующего царствования было прямым последствием этого события; направление это вышло из другого источника и действовало бы даже в случае, если бы не было события 14 декабря» [3]). Напротив, С. Ф. Платонов полагает, что «оно всего более определило настроение новой власти и направление ее деятельности» [4]).

Но решение этого вопроса, ведь, и не столь важно. Важно то влияние, которое декабристы оказали на русское общество, то значение, которое им приписывается в дальнейшем росте русского общественного движения.

---

[1]) М. В. Довнар-Запольский. Идеалы декабристов, стр. 422.

[2]) М. Полиевктов. Николай I. Биография и обзор царствования. М. 1918, стр. 63—64.

[3]) Ключевский, том V, стр. 215. «Вот почему»,—добавляет Ключевский,—«нельзя согласиться с замечанием одного современника, который под свежим впечатлением события заметил, что оно отодвинуло Россию назад по крайней мере на 50 лет (замечание гр. В. А. Сологуба; об этом см. выше, гл. II. *С. Г.*) оно уже не могло потому отодвинуть ее назад на много, что и прежде было сделано не много шагов вперед».

[4]) Платонов, назв. соч., стр. 679. См. также у Корнилова, т. II, стр. 16.

Как мы видели, значение это, по мнению историков декабризма, чрезвычайно велико. Декабрьское движение явилось отправным пунктом, исходной точкой для всех последующих революционных течений. Оно поставило на очередь, «на повестку дня», целый ряд насущных политических и социальных проблем, из которых некоторые не потеряли своего актуального значения до последнего времени.

Оно же указало русскому обществу активный путь действия и окончательно разорвало нить, связующую дотоле общество с правительством, доказав всю иллюзорность надежд, возлагаемых на правительство. Таким образом, русская историография всецело признала за декабристами право на славное и почетное звание родоначальников русского освободительного движения.

ГЛАВА XI.

Декабристы в освещении революционеров и социалистов.

Нам уже приходилось говорить выше о том, что развитие русского революционного движения пошло не теми путями, которые были намечены декабристами; идейно позднейшие революционеры были чужды декабристам. Это и понятно: с переменой социальных и политических условий, в поступательном ходе революционного движения, естественно, должны были меняться и те требования, которые революция выставляла, а также и тактические приемы в их достижении. В 20-х годах прошлого века не могло быть социальной революции, коль скоро еще существовало рабство. Можно ли требовать передачи орудий производства в собственность производителям в той стране, где эти производители сами же являются частной собственностью, сами представляют собой не более, как орудие производства?—В первую голову необходимо было уничтожить крепостное право, про которое еще Адам Чарторижский говорил, что это «такая гадость, при уничтожении которой ни с чем не следует считаться».

Вполне естественно, что в виду совершенно иных социальных условий, декабристы не могли тогда ставить перед собой задачи, выдвинутые позднейшими революционерами. Программы будущих революционных партий возникли в результате тех новых экономических отношений, которые возникли уже позднее, на основе крестьянской реформы, а также появления фабрично-заводского

труда, развитие которого создало в России новый могущественный класс, пролетариат, не существовавший во времена декабристов.

Когда в России не было еще рабочего класса, когда крестьянин был рабом, вещью, нельзя было мечтать о социальной революции. В основе стремлений декабристов лежала революция политическая, всегда предшествующая социальной. Видоизменяющиеся формы общественных отношений привносили новые элементы в требования позднейших революционеров. Отсюда и является это впечатление, будто нарастающее и развивающееся революционное движение не было идейно связано с декабризмом.

Так ли это? При постройке моста, прежде всего водолазы исследуют дно и устанавливают сваи, на которых затем уже рабочие возводят мост. Они делают различную работу, но те и другие совершают одно и то же дело. За границей на фабриках над одной иголкой работает множество рабочих: один вытягивает проволоку, второй—режет ее на куски, третий—заостряет конец и т. д. Но в итоге этих разных и постепенных усилий является общий для всех результат.

Революционеры 20-х годов прошлого столетия, декабристы, возводили сваи, вытягивали проволоку, делали первоначальную, черную работу. Декабристы были пионерами революции, и в этом отношении неоспорима преемственность связи между ними и последующими революционерами.

Это знали уже и старые революционеры. В 1847 г., обращаясь с речью к полякам, М. А. Бакунин говорил: «Мы дети одной породы, и наши судьбы нераздельны, и наше дело должно быть общим... Вы это хорошо поняли, когда в самый критический момент борьбы, вся Варшава собралась в один день, под влиянием великой братской мысли отдать честь публично и торжественно нашим героям, нашим мученикам 1825 года, Пестелю, Рылееву, Муравьеву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину и Каховскому, повешенным в Петербурге за то, что они были первые граждане России». Присутствовавшие покрыли эти слова аплодисментами [1]).

---

[1]) М. А. Бакунин. Изд. И. Балашова. 1909, стр. 116.

В 1861 году Михаил Илларионович Михайлов в своей известной прокламации «К молодому поколению», призывая его к революции, восклицал:

«И поведут вас на великое дело, а если нужно, то и на славную смерть за спасение отчизны, тени мучеников 14 декабря» [1]).

Таково было значение декабристов для последующих революционеров. Все они, и Бакунин, и Михайлов, должно быть очень смутно представляли себе, чего хотели декабристы, ибо им и неоткуда было это знать. Но для них всех декабристы являлись боевым знаменем, революционным лозунгом. И сами декабристы сознавали это свое значение.

«Мы представляем собой знамя»,—говорил Е. П. Оболенский.

Это значение славного лозунга, боевого знамени революции навсегда сохранилось за декабристами. Преклонение перед декабристами позднейших революционеров было чрезвычайно велико. В 1900 году 75-я годовщина восстания декабристов привела всю эмигрантскую, революционную Россию на торжественные собрания, посвященные памяти основоположников русского революционного движения, памяти 14 декабря 1825 года.

«Сочувственное воспоминание о нем»,—говорил в этот день Г. В. Плеханов,—«заставляет усиленно биться сердца всех тех русских, а может быть и не одних только русских, людей, которые не заинтересованы в поддержании самодержавия и которые неравнодушны к учреждениям, превращающим обывателей в граждан, т.-е. обеспечивающим стране блага политической свободы» [2]).

Умеренный социалист В. А. Мякотин говорил: «Для позднейших поколений благородная попытка пламенных энтузиастов александровской эпохи явилась своего рода маяком, освещавшим путь возможной работы для блага народа, и не прошло еще десяти лет со времени приговора над декабристами, как юноша Герцен дал уже себе клятву

---

[1]) «За сто лет» (1800—1896). Сборн. состав. Вл. Бурцев. London. 1897, стр. 33.

[2]) Г. Плеханов. 14 декабря 1825 года. (Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14/27 декабря 1900 года) П. 1921, стр. 3.

продолжать начатое ими дело завоевания свободы для русского народа» [1]).

Нам уже выше приходилось говорить о справедливом мнении Г. В. Плеханова, что декабристы сознательно приносили себя в жертву, полагая, что гибель их послужит первой ступенью, первым шагом к завоеванию свободы.

«С точки зрения собственно боевой целесообразности, действия декабристов на Сенатской площади вряд ли могут выдержать даже снисходительную критику»,—говорит Г. В. Плеханов...—«Уже одно то обстоятельство, что заговорщики, не решаясь действовать без приказаний Трубецкого, ждали его до самого вечера в виду войск, оставшихся верными Николаю, как будто показывает, что они мало были расположены к наступательным действиям...

«Чем же объясняется нецелесообразное поведение заговорщиков в день четырнадцатого декабря 1825 года?

«Я думаю, что на этот вопрос можно правильно ответить лишь указанием на эту черту их психологии, которую я отметил, сказав, что они сознательно шли на мученичество... Если мы допустим, что таково было настроение тайного общества, то их действия на Сенатской площади представятся в совершенно новом свете. Если смотреть на события 14 декабря, как на... военную манифестацию, предпринятую людьми, не успевшими приготовиться к серьезной битве и решившимися погибнуть для того, чтобы своею гибелью указать путь будущим поколениям, то мнимая непоследовательность и нецелесообразность их действий *очень просто объяснится нежеланием усиливать кровопролитие и увеличивать число жертв*» [2]).

Мы позволили себе сделать столь длинную цитату, потому что Плеханов особенно ярко отразил имеющую много сторонников в декабристской литературе мысль, что 14 декабря было не сражением, не восстанием, но манифестацией.

«Если же»,—продолжает Плеханов,—«взглянув на дело с этой точки зрения, мы спросим себя, достигнута ли

---

[1]) П. М. Головачев. Декабристы. 86 портретов. Изд. М. М. Зензинова. М. 1906. Вступит. статья В. А. Мякотина, XX.

[2]) Плеханов, стр. 21, 23—24. Курсив наш.

была *главная цель* восставших, то мы не колеблясь ответим утвердительно, потому что,—как очень хорошо сказал Герцен,—*пушечный гром, раздавшийся на Сенатской площади, разбудил целое поколение*» [1]).

Ту же мысль, в общем, повторяет и Мякотин: «Трагический конец декабристов прочно закрепил в сознании русского общества значение того дела, которому они служили... декабристы первые указали путь активного проведения этой идеи в русскую жизнь и первые пошли по найденному пути до конца. Начатое ими революционное движение привело их к виселице и каторге, но ни каторга, ни виселица не уничтожили основных идей этого движения и не помешали ему возродиться с новою силою» [2]).

Такова была оценка значения декабристов в устах умеренных социалистов.

Начало 20-го столетия, сплошь исполненное революционных бурь, характерно, вследствие этого, и еще большим усилением интереса к истории декабризма.

«Одним из симптомов освободительного движения в России за последние годы»,—пишет С. Ашевский,—«был усиленный интерес к декабристам, вызвавший появление целого ряда воспоминаний, частью вновь изданных, частью перепечатанных с заграничных изданий. Достаточно сказать, что записки бар. Розена и кн. Волконского выдержали в самое непродолжительное время по два издания, а записки Якушкина в течение одного 1905 года потребовали третьего издания» [3]).

С этого же времени появляются историко-революционные журналы. С 1906 года в Петербурге выходит под редакцией В. Я. Богучарского и П. Е. Щеголева «Былое»,—журнал, посвященный истории освободительного движения в России. Естественно, что журнал этот с особым рвением должен был обратиться к истории декабристов.

Однако же, практика жизни очень скоро показала, что для истории освободительного движения время еще не пришло. «Былое» просуществовало до ноября 1907 г.,

---

[1]) Там же, стр. 24.
[2]) Мякотин, стр. XX.
[3]) «Образование», 1905 г., № 6, стр. 105.

когда распоряжением петербургского градоначальника, было приостановлено «на все время действия в Петербурге чрезвычайной охраны». В январе 1909 года издание журнала было запрещено навсегда.

Но еще ранее, в январе 1908 года, те же лица приступили к изданию журнала «Минувшие годы». Первый выпуск опять-таки открывался статьей о декабризме («Русская Правда» Пестеля—М. М. Ковалевского). В журнале принимали участие лучшие знатоки истории декабристов: В. И. Семевский, Б. Л. Модзалевский, П. Е. Щеголев и др., и отдел декабристов был поставлен очень высоко.

Однако, уже в декабре того же 1908 года, редакция «Минувших Годов» писала: «Из 10 вышедших до декабря месяца книжек было конфисковано—с возбуждением против редактора судебного преследования—три... Эти и разные другие причины привели нас к убеждению в невозможности продолжать журнал, вследствие чего на настоящей (декабрьской) книжке издание «Минувших Годов» мы прекращаем, надеемся,—до лучших времен»[1]. А вскоре после того (в 1913 году) появился журнал В. И. Семевского и С. П. Мельгунова «Голос Минувшего»,—широко открывший, конечно, свои страницы истории декабристов.

Итак, как и следовало ожидать, революция 1905 года сильнейшим образом оживила интерес к истории декабристов. Вместе с тем, в поступательном движении революции обозначилась уже потребность в определении места, занимаемого декабристами в общей истории революционного движения в России.

Естественно, что в зависимости от разногласий, существовавших между различными революционными и социалистическими группировками, и интересующий нас вопрос должен был получить противоречивые разрешения.

Устанавливая преемственную связь между декабристами и социал-демократами, Плеханов говорил: «Мы, социал-демократы, помним имена этих мучеников, по-своему преследуя ту самую цель, к которой они стреми-

---

[1]) «Мин. Годы», 1908, декабрь.

лись всем сердцем и всем помышлением. Но именно потому, что мы чтим в этих людях своих предшественников и хотим продолжать их дело, мы не имеем права закрывать глаза на то обстоятельство, которое помешало их *непосредственному успеху*. Это обстоятельство было указано еще Герценом: *у них не было* поддержки со стороны народа, и судьба их была решена» [1]).

На аналогичной точке зрения стоит и К. Левин: «Декабристы потерпели неудачу, так как не встретили поддержки ни в господствующем классе — дворянстве, ни в широких народных массах... Политические и социальные идеи, о которых *мечтали* декабристы, в наше время *социал-демократия*, совместно с революционной демократией, уверенно и неуклонно *проводит в жизнь* в широком масштабе, при могучей поддержке рабочего класса, крестьянства и мелкой буржуазии. Искра, брошенная декабристами, не потухла» [2]).

Таким образом, наряду с признанием преемственности, и Плеханов, и К. Левин отмечали оторванность декабристов от широких масс, как основную причину их поражения. Эта мысль была далеко не новой и, выше мы видели, что сам Плеханов, в этом вопросе, ссылался на Герцена. Вслед за Герценом, еще и М. А. Бакунин, обращаясь к молодому поколению, повторял ту же мысль. «Теперь»,—говорил он,—«революционное движение не есть, главным образом, движение образованной и привилегированной части России. Таковым было оно во времена декабристов. Теперь главную роль в нем будет играть народ. Он есть главная цель и единая настоящая сила всего движения» [3]).

Но тогда как Плеханов видит в декабристах «дворянское меньшинство, которое сумело возвыситься над сословными предрассудками и сословными интересами» [4]). К. Левин уже решает этот вопрос иначе: «Те, кто считают декабристов внеклассовыми революционерами, или преднамеренно закрывают глаза, или совершенно не знакомы с идейным содержанием движения... Их идеалы окрашены

---

[1]) Плеханов, 30.
[2]) К. Левин. Декабристы. СПБ. 1905, стр. 66—67.
[3]) М. А. Бакунин. Изд. Балашова, 1906, стр. 171.
[4]) Плеханов, стр. 30.

ярким цветом классовых интересов... Проект конституции, написанный Н. Муравьевым и принятый Северным Обществом[1]), не имеет даже и отдаленного намека на демократизм... Демократизм республиканской конституции Пестеля тоже следует признать относительным»... В итоге К. Левин приходит к выводу, что Пестель был не больше, как «передовым культурным буржуа», с чисто барским взглядом на вопрос об освобождении крестьян[2]).

В последнее время эту мысль высказал Н. А. Рожков. По его словам, Пестель был типичным буржуазным идеологом. «Пестель»,—говорит он,—«самый яркий, крайний пример того, как далеко и глубоко прошли трещины по старой крепостнической дворянской культуре, как рано, хотя еще не широко, небольшой, узкой, одиночной струйкой началось перерождение русского дворянства в буржуазию»[3]).

Но уже тогда же, в 1900-ые годы, высказывались и иные, более резкие, взгляды на декабристов. Чрезвычайно интересно мнение М. Ольминского. Он также настаивает на чисто классовом характере движения декабристов, представлявших интересы дворян-землевладельцев и боровшихся «не против классового господства, а против устаревшей формы господства». «Основным стремлением их, таким образом, было введение новых политических и общественных форм, продиктованных интересами дворян-землевладельцев[4]). Это было движение дворянское»,—говорит он,—«не только по составу участников, но и по своим целям»[5]).

Этот устарелый взгляд на декабристов, как дворян-революционеров и защитников дворянских интересов, может быть теперь окончательно сдан в архив. Останавливаясь в своей «Истории РКП» на значении для рево-

---

[1]) Автор заблуждается: Конституция Н. Муравьева не была официально принята Северным Обществом, в котором было много противников ее и справа, и слева.

[2]) Левин, стр. 60.

[3]) Н. Рожков. Декабристы. «Русск. Прошл.», 1923 г., кн. 1-я, стр. 42.

[4]) «Образование», 1907, февр., стр. 107.

[5]) «Образование», 1906, окт., стр. 68.

люции декабристов, Г. Е. Зиновьев замечает, что они были революционерами буржуазными, оторванными от класса, к которому они принадлежали, и отказавшимися от своих интересов и привилегий [1]).

И тогда, как М. Ольминский презрительно замечал, что «социал-демократия... не должна искать своих предшественников в эксплоататорских классах и группах, борющихся за свои классовые интересы» [2]) (т.-е. в декабристах, *С. Г.*), тот же Г. Е. Зиновьев говорит: «Пусть они и не имели социалистической программы, пусть они были только буржуазными революционерами — но *наше поколение не отказывается от этого наследства*» [3]).

В моменты борьбы, в моменты высшего напряжения, людям часто свойственны крайние решения. Этим и должна объясняться подобная разноголосица в социалистическом лагере, имевшая место в эпоху первой революции, в вопросе об идеологическом значении декабристов.

В действительности, конечно, одинаково неправ и Плеханов, говоря, что социал-демократическая партия преследует те же цели, что и декабристы, и Ольминский, с такой легкостью причисляя декабристов к эксплоататорским классам и отмечая мысль о преемственной связи.

Тем не менее, на взглядах М. Ольминского следует остановиться несколько подробнее.

По его мнению, заговор декабристов есть только продолжение еще в XVIII веке начавшейся борьбы дворянства за свое господство.

«Однако, дворяне»,—говорит он,—«не могли не видеть, что в борьбе за свое дальнейшее освобождение они слишком слабы, чтобы бороться против правительства, опирающегося на всю массу селения (населения?). Борьба под девизом узко-сословных интересов была бы обречена на неудачу. Логика жизни толкала к тому, чтобы превратить дворянские девизы в общенародные. Этого можно было достигнуть только путем превращения сословных лозунгов в лозунги буржуазной свободы». Эта последняя мысль Ольминского, остающаяся, впрочем, для нас

---

[1]) Г. Е. Зиновьев. История Российской Коммунистической Партии. Изд-во «Новая Москва», М. 1924, стр. 44.

[2]) «Образование», 1907, II, стр. 107.

[3]) Г. Е. Зиновьев, назв. соч. Курсив наш.

несколько неясной, заключается, повидимому, в том, что декабристы, в интересах успеха дела, подменили лозунги, иначе говоря, оставаясь поборниками дворянских интересов, они прикинулись борцами за буржуазную свободу. Как иначе объяснить взгляд на этот вопрос М. Ольминского, принимая во внимание, что он ведь настаивает на том, что фактически декабрьское движение руководствовалось интересами дворянства?

Следовательно, он признает не только корыстный расчет в действиях декабристов, но и то, что, в погоне за успехом, декабристы замаскировали истинную цель заговора. С другой стороны, автор настаивает на узко-классовом характере заговора. Принимая и то, и другое положения, нам остается спросить М. О. Ольминского: кого же намерены были декабристы обмануть ложной маской буржуазной свободы, если все это была революция дворянская?

Интересен еще взгляд Ольминского на Пестеля. «Сочувствие Пестеля несомненно на стороне масс,—но классовая подкладка декабристского движения наложила свою печать на мышление этого самого передового революционера того времени» [1]).

Вывод более чем неожиданный, ибо, по всему, что нам известно, Пестель был мозгом декабризма, идеологом массы декабристов. Огромное множество заговорщиков, если не большинство,—о чем нам приходилось уже говорить выше,—само по себе не имело твердых политических убеждений и взглядов и было влекомо к действию абстрактной идеей свободы. Это абсолютно абстрагированное понятие свободы, преломляясь во влиянии Пестеля, обретало более конкретные формы. Политические и социальные взгляды Пестеля были тем базисом, на котором строились взгляды всех его соратников, о чем они сами свидетельствовали не только перед Следственной Комиссией, когда еще можно было их заподозрить в умышленном отводе вины, но и впоследствии, в своих мемуарах.

И если М. Ольминский находит, что Пестель был, в своем роде, на поводу у декабрьского движения, это

---

[1]) «Образование», 1906, X, стр. 73.

нельзя объяснить ничем иным, как явным недоразумением.

К счастью для историографии декабристов, все эти теории Ольминского о подтасовке лозунгов и пр. не нашли сторонников в литературе, и если мы позволили себе остановиться на них несколько подробнее, то только для того, чтобы ярче оттенить их оригинальность.

Однако ж, если оставить в стороне утрировку излагаемых взглядов, мы найдем у Ольминского мысли, которые разделялись даже такими большими учеными, как М. Н. Покровский. Но он уже не мог не понять, что декабрьское восстание нельзя назвать дворянской, аристократической революцией. Н. А. Рожков правильно замечает, что «аристократами большинство декабристов вовсе не были. Почти единственным исключением в этом отношении был князь Сергей Петрович Трубецкой. Недаром Николай на первом же допросе сказал ему: «Гвардии полковник! Князь Трубецкой! Как вам не стыдно быть вместе с такой дрянью?» [1]). М. Н. Покровский справедливо говорит, что массу декабристов составляло среднее дворянство [2]). А это среднее дворянство постепенно перерождалось в буржуазию. Поэтому-то М. Н. Покровский и в праве сказать, что «14-е декабря 1825 года было первым и последним революционным выступлением буржуазии в России» [3]).

Рассказывая о якушкинском проекте безземельного освобождения крестьян, М. Н. Покровский говорит, что «одного этого эпизода было бы достаточно, чтобы положить конец всяким разговорам о «внеклассовых» добродетелях декабристов, из одной чистой любви к человечеству стремившихся освободить несчастного задавленного крепостным правом мужика. Александровские радикальные офицеры были, прежде всего, помещики—и классовых интересов не забывали, даже мечтая о русской республике» [4]).

---

[1]) Н. А. Рожков, назв. соч., стр. 29—30.

[2]) М. Н. Покровский. Русская История с древнейших времен. Изд. 6. Лен. 1924, т. 3, стр. 219.

[3]) М. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 5-е, ст. 126.

[4]) Покровский, т. 3, стр. 235.

Этим самым М. Н. Покровский признает тоже как бы наличие в действиях декабристов доли корыстного расчета. Но напомним слова Г. Е. Зиновьева о разрыве декабристов со своим классом и отказе от своих кастовых привилегий, и если мы зададим теперь себе вопрос,—кто из них, в таком случае, прав, мы должны будем ответить, что оба и правы, и неправы. И в самом деле, едва ли можно отрицать наличие у декабристов буржуазных тенденций; конечно, они были революционерами буржуазными, но, тем не менее, должно признать, что классовые интересы ими,—во всяком случае, большинством из них,—были забыты. Якушинский проект освобождения крестьян с одною усадебною землею, конечно, не был в интересах этих последних, но вряд ли можно сомневаться в том, что тогда Якушкин искренно верил в благоприятность своего проекта для крестьян и меньше всего преследовал свои личные выгоды; целый ряд мер Якушкина по отношению к его крестьянам, предпринятых им еще прежде его проекта освобождения, свидетельствует о том, что личные интересы едва ли могли играть какую-либо роль в его планах; так, выйдя в отставку и переехав в 1819 г. на житье в свое имение, Якушкин наполовину уменьшил хозяйскую запашку, отменил отяготительные для крестьян поборы, отпустил на волю двух крепостных музыкантов, за которых сосед предлагал ему 4,000 рублей, и т. д. Наконец, позднее Якушкин и сам признал ошибочность своего мнения о пользе освобождения крестьян с предоставлением им одной усадебной земли и стал вырабатывать план выкупа крепостных крестьян с землею при помощи правительства [1]).

Должно признать, что вообще в стремлении декабристов к уничтожению крепостного права главную роль играли соображения не экономического, а *этического* свойства. Так, Басаргин показывал на следствии: «В 1819 году, будучи на съемке в Московской губернии, мне случилось стоять в деревне у одного помещика, коего обращение с крестьянами дало мне первую мысль, или, лучше сказать, желание сделать их свободными» [2]).

---

[1]) Подробно об И. Д. Якушкине см. статью В. И. Семевского в энциклоп. словаре Брокгауза-Ефрона.

[2]) Крестьянский Строй. Т. I. СПБ. 1905, стр. 214.

Спиридова к мысли о необходимости уничтожения репостного права привело тяжелое положение крестьян Малороссии и Волыни [1]). Н. А. Крюков ссылается на о, что в «Подольской губернии видел, до какой степени ростирается угнетение крестьян помещиками. На него то произвело настолько сильное впечатление, что он же,—сто лет назад,—усумнился в религии. Религия ка-алась мне более вредною, нежели полезною» [2]).

В массе декабристы еще неспособны были, не могли одойти к крестьянскому вопросу с экономической точки рения. Тот же Якушкин объясняет причины, побудив-ие многих средних декабристов уверовать в пользу без-емельного освобождения крестьян: «Благомыслящие юди»,—говорит он,—«или, как называли их, либералы ого времени более всего желали уничтожения крепо-ного состояния и, при европейском своем воззрении на от предмет, были уверены, что человек, никому лично е принадлежащий, уже свободен, хотя и не имеет нака-ой собственности. Ужасное положение пролетариев в Европе тогда еще не развилось в таком огромном размере, ак теперь, и потому возникшие вопросы по этому пред-ету уже вспоследствии—тогда не тровожили даже самых бразованных людей» [3]). Отсутствие в тогдашней России ролетариата давало право Пушкину, заблуждавшемуся ак же, как и декабристы, восклицать: «В России нет че-овека, который бы не имел *собственного* своего жилища. ищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу... е иметь коровы есть знак ужасной бедности» [4]).

Это относительное благосостояние и отсутствие проле-ариата и ввело в заблуждение и Якушкина, и Лунина, оже проектировавшего безземельное освобождение [5]), и ножество декабристов. Они, конечно, прежде всего, были

---

[1]) Н. Ф. Дубровин. После отечеств. войны. «Р. Ст.», 1904, № 3, стр. 506.

[2]) Богданович, т. VI, стр. 467—468.

[3]) Записки Якушкина.

[4]) Сочинения и письма А. С. Пушкина, под редакцией П. О. Морозова. Изд. «Просвещение», VI, 363—364.

[5]) См. В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России во второй половине XVIII и первой половине XIX век.; Крестьянский Строй, т. I. СПБ. 1905, стр. 218 и дальше, а также С. Я. Гессен и М. С. Коган, назв. соч.

реформаторами политическими, и в этой наивной вер в то, что политическая свобода уже обусловливает сво боду социальную, должно видеть отсутствие понимания социальной истории, но никак не расчет помещика Очень жалко, что М. Н. Покровский и все сторонники его взглядов упускают из виду это «оправдание» Якушкина Даже Николай Тургенев, всю жизнь положивший на борьбу с крепостным правом, впал в такое же заблужде ние. Надо было быть Пестелем, чтобы понять необходи мость отдать всю землю крестьянам; но и Пестель не мог, как известно, освободиться вполне от буржуазных тенденций.

М. Н. Покровский и здесь высказывается еще гораздо более определенно, чем прочие представители социали стического лагеря: «Программа Пестеля, как и программа большинства лидеров тайных обществ, оставалась бур жуазной—ничего социалистического, даже утопически социалистического, мы в ней не найдем» [1]).

Однако ж нельзя не отметить, что порой М. Н. По кровский ополчается противу отдельных декабристов не справедливо. Для примера приведем его отзыв о Рылееве

«Пишущий эти строки весьма мало склонен благого веть перед памятью человека, первым жестом которого после ареста, было выдать Пестеля» [2]).

О поведении Рылеева на следствии имеется целая ли тература, при чем, равным образом, и товарищи его, де кабристы, и историки целиком оправдывают, по разным мотивам, его поведение. По одному этому уже такое голо словное обвинение Рылеева не может быть приемлемо. Но помимо того, нам непонятно, о какой собственно «вы даче Пестеля» говорит автор, коль скоро Пестель был арестован в Тульчине в самый день 14-го декабря? О роли же его в тайных обществах правительство отлично знало много ранее ареста Рылеева.

Причины неудачи заговора объясняются М. Н. По кровским, в основных чертах, так же, как и его предше ственниками:

---

[1]) Покровский, т. III, 240.

[2]) М. Н. Покровский. О V томе «Истории» Ключевского. «Печать и Революция», 1923, кн. 3, стр. 102.

«Та часть дворянства, которая твердой ногой стояла во дворце и *могла* сделать переворот, *не хотела* той свободы, о которой мечтали декабристы. А к тем, кто им мог помочь, они *не смели* обратиться. В этом роковом кругу и задохнулся заговор, недостаточно аристократический для дворцового переворота и слишком дворянский для народной революции» [1]).

Впрочем, теория М. Н. Покровского о том, что в программе Пестеля не было ничего социалистического, имеет многих оппонентов. Даже, уже в наши дни, М. Н. Горбунов в чрезвычайно интересной статье о Пестеле [2]) настаивает на том, что убеждения Пестеля были социалистические. «Наступает уже сотая годовщина его смерти»,—говорит он в заключение,—«а образ его горит перед нами все ярче и ярче, лучи его мыслей озаряют все глубже и глубже даль времен».

Но еще много ранее Н. С. Русанов отрицал буржуазный уклон в мировоззрении Пестеля. «В то время, как большинство его товарищей не шло далее отмены крепостного права и притом без наделения или с неполным наделением землею крестьян, Пестель смело развернул план радикальной аграрной реформы или, лучше сказать, революции, так как она должна была произвести коренной переворот в земельных отношениях» [3]). Герцен назвал Пестеля «социалистом до социализма».

На совершенно противоположной М. Н. Покровскому точке зрения стоит Иванов-Разумник. Он также задает себе вопрос: «Были ли декабристы группой *внеклассовой и внесословной?*»

«Если бы декабризм»,—говорит он,—«был сословно-классовым течением, то характернейшим идеологом его являлся бы граф Мордвинов. Ограничение самодержавной власти монарха сильной родовой аристократией и политические реформы при сохранении основ крепостного

---

[1]) М. Н. Покровский, III, 267.

[2]) М. Горбунов. Социальная революция у декабристов. Веч. «Красн. Газ.». 1924, № 288.

[3]) Н. С. Русанов. Влияние европейского социализма на декабристов и молодого Герцена. «Мин. Годы», 1908, XII, 171.

права—вот исходные пункты программы Мордвинова; но эта программа диаметрально противоположна декабризму в его конечном проявлении... нельзя затушевать того факта, что в центральном вопросе социальной реформы—*декабристы* совершенно расходились в Мордвиновым и *или безусловно против своих же классовых интересов*» [1]).

Такова точка зрения Иванова-Разумника. Но, как мы уже знаем, противники «внеклассовой теории декабризма» ссылались на то, что в своих социальных реформах,—в частности, в уничтожении крепостного права,—декабристы исходили из того соображения, что экономический рост России выпирал из социальных рамок, в которых она была стиснута и что, при данных условиях, напр., вольнонаемный труд стал уже выгоднее труда крепостного. Следовательно, в конечном итоге, все эти реформы диктовались декабристам опять-таки их классовыми интересами.

«Можно доказывать»,—говорит Иванов-Разумник,—«что наиболее развитая часть помещиков-дворян—например, декабристы—должна была видеть всю выгоду для дворян уничтожения крепостного права; но всю ошибочность этой мысли лучше всего показывает всероссийское помещичье разорение после 19-го февраля 1861 года и постепенное разложение дворянства, продолжавшееся до наших дней. Однако,—добавляет автор,—этой мыслью декабристы действительно пользовались, как наиболее удобной для проведения в сословно-классовое сознание массы дворянства возмутительной для него идеи освобождения крестьян... Такой способ доказательства был, конечно, наиболее убедительным для дворян-крепостников; но возводить его в образ мысли, общий всем декабристам, было бы слишком суздальским приемом письма» [2]).

На основании подробного анализа различных течений декабризма, Иванов-Разумник приходит к убеждению, что «декабристы были представителями русской интеллигенции, внеклассовой и внесословной по своим идеалам

---

[1]) Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. П. 1918, I. От Радищева до декабристов, стр. 152—153. Курсив наш.

[2]) Иванов-Разумник, назв. соч., 154.

группой» [1]). Он спешит оговориться, что это определение никак нельзя распространять на всю массу декабристов.

«Слишком очевидно, что среди русских интеллигентов-оппозиционеров двадцатых годов, условно называемых «декабристами», число которых (так или иначе прикосновенных к обществам) доходило, по предположениям Николая I, до шести тысяч, были и не могли не быть самые различные идейные и нравственные типы, властвовали самые различные побуждения и цели. Обо всей этой группе рядовых декабристов—мы не говорим: были они или нет представителями интеллигенции—этого вопроса мы не касаемся» [2]).

Даже среди наиболее выдающихся декабристов, вождей, Иванов-Разумник отмечает таких, как Каховский и Александр Бестужев, которых «могли побуждать сословные и личные интересы». Так, А. А. Бестужев признавался в своем письме к государю, что, склоняясь «к монархии, аристократией умеренной», он «не был чужд честолюбию» («я считал себя, конечно, не хуже Орловых времен Екатерины»).

«Может быть окажется»,—говорит автор,—«что из всех декабристов в группу русской интеллигенции двадцатых годов входило всего два-три десятка действительно внеклассовых и внесословных борцов за идею» [3]). Это, конечно, идеологи, вожди тайных обществ. Но «пусть это относится не ко всем декабристам, а только к части их, но зато эта часть стояла действительно на такой идейной высоте, что течение декабризма будет всегда исторической реликвией русской интеллигенции» [4]).

В заключение Иванов-Разумник останавливается на значении декабристов для дальнейшего развития русской общественной мысли. «Значение это»,—говорит он,—«громадно и с внутренней, и с внешней стороны». Автор указывает на то впечатление, которое произвело декабрьское восстание на младшее поколение, то поколение, к которому принадлежал Герцен. «Декабристы погибли; но немного выиграло от этого правительство... Каковы бы ни

[1]) Там же, стр. 189.
[2]) Там же, стр. 151.
[3]) Там же, стр. 151.
[4]) Иванов-Разумник, назв. соч., стр. 189.

были нити, связующие декабристов с общим течением русской мысли, несомненно, во всяком случае, одно: в декабристах мы имеем первую попытку перехода от теории к практике, от мечтаний к действию; в этом связь между 1825-м и 1905-м годами. Борьба за политическое освобождение для социального переустройства [1])—в этом связь декабризма со всем последующим развитием русской общественной мысли» [2]).

Таковы в основных чертах воззрения на декабристов Иванова-Разумника. Как мы видели выше, его взгляды находились в противоречии со взглядами множества социалистических ученых. Покровский доказывает, что о внеклассовом идеологизме декабристов не может быть и речи. Только взгляды Плеханова, как мы убедились, примыкают к взглядам Иванова-Разумника.

Но в следующей главе мы увидим, что вожди и идеологи коммунистической партии, В. И. Ленин, Г. Е. Зиновьев, А. В. Луначарский, несмотря на огромность дистанции, отделяющей их от Плеханова и от Иванова-Разумника, в основе своих взглядов на декабристов, примыкают именно к их воззрениям.

Несколько иначе решает этот вопрос П. А. Берлин. «Было бы большою односторонностью пытаться свести декабристское движение лишь к одному мотиву, одному классовому знаменателю»,—говорит он. Автор указывает на недифференцированность тогдашних общественных отношений, вследствие чего под именем декабристов объединилась масса лиц, с самыми разнообразными идеологиями. Однако, П. А. Берлин отмечает, что, «присматриваясь к движению декабристов, к пестрому узору их идеологии, мы можем отметить огромный успех, который сделала в России буржуазная культура... Многие декабристы»—продолжает он,—«пристально изучали экономические вопросы и в числе мотивов, заставивших их требовать политического переворота, они выдвигали невоз-

---

[1]) По этому поводу Иванов-Разумник говорит выше: «Декабризм, в борьбе за свободу человека, вернулся к исходной точке революционеров XVIII века и повел *политическую* борьбу за *социальное* раскрепощение». В этом он видит, в большей степени, влияние заграничных походов (стр. 140 и дальше).

[2]) Там же, стр. 191—192.

можность развития крупной промышленности при отсутствии политической свободы» [1]).

Таким образом, П. А. Берлин признает за декабристами буржуазные тенденции (в качестве примера он приводит выдержки из писем к Николаю Якубовича, бар. Штейнгеля, Александра Бестужева, Батенькова), но он спешит оговориться:

«Конечно, этими буржуазными мотивами далеко не исчерпывалась сложная гамма политических чувств декабристов. Мы хотели лишь отметить, что в идеологии этих декабристов был и этот мотив» [2]).

В самое последнее время появилась о декабристах новая работа Н. А. Рожкова [3]). Прежде всего, в ней попадаются непроверенные сведения, не отвечающие действительности. Так, говоря о приговоре суда, Н. А. Рожков приводит такие цифры: «Пятеро... были повешены. Остальные 116 человек осуждены на каторгу, ссылку и разжалование в солдаты... Кроме того, *46 человек* были подвергнуты заключению в крепости, понижению в чинах и разжалованию без суда» [4]). Откуда взялась эта скромная цифра в 46 человек,—мы совершенно недоумеваем. Н. К. Шильдер приводит три списка лиц, так или иначе прикосновенных к делу тайных обществ и понесших разные исправительные наказания; всего—101 человек [5]). Но и это, конечно, далеко не все. Многие судились при своих воинских частях, военно-полевыми судами и т. д.

Но это еще ошибка не существенная. У Рожкова встречаются заблуждения более серьезные. Приведем снова пример. Рожков говорит: «Революционерами, кроме Пестеля, можно назвать немногих: сюда относятся: Сергей Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин, Рылеев, Каховский, Юшневский, может быть, еще Лунин,—вот, кажется,

---

[1]) П. А. Берлин. Русская буржуазия в старое и новое время. М. 1922, стр. 61—62.

[2]) П. А. Берлин, назв. соч., 63.

[3]) Н. Рожков. Декабристы. «Русск. Пр.» 1923, кн. I.

[4]) Н. Рожков, назв. соч., стр. 29.

[5]) Шильдер. Николай I, том. I, 773—779.

и все»[1]). Этот подбор носит определенно случайный характер: первые пять включены, очевидно, уже потому, что они были повешены; раз повешены—значит, были революционерами. Присоединить сюда же Юшневского побудило Рожкова, конечно, то, что Юшневский был, вместе с Пестелем, директором революционного Южного общества. Между тем, Юшневский, чрезвычайно умный, благородный и мягкий, не играл существенной роли в заговоре, был только номинально членом Директории и меньше других мог быть назван настоящим революционером. Это обстоятельство, еще за сто лет до Рожкова, учли судьи декабристов. В «Росписи» Юшневский поставлен 16-м в 1-м разряде и про него сказано следующее:

«Участвовал в умысле на цареубийство и истребление императорской фамилии, с согласием на все жестокие меры Южного общества; управлял тем обществом, вместе с Пестелем, с неограниченною властью, участвовал также и в умысле на отторжение областей от Империи».

Уже отсюда видно, что Юшневский-заговорщик был фигурой безличной. Он даже не «умышлял» на цареубийство, а только «участвовал в умысле», не «произносил» речи, а «участвовал в произнесении». Нет даже трафаретного указания на то, чтобы он, так или иначе, содействовал подготовке к восстанию. Знакомство уже с одной «Росписью», казалось бы, должно было привести Рожкова к убеждению, что Юшневского никак нельзя причислять к категории революционеров, особенно наравне с Рылеевым, Пестелем и др.

Что касается Лунина, то о нем Рожков знал, повидимому, по-наслышке. Иначе он бы, конечно, не сомневался в том, что Лунина можно смело отнести к «революционерам» и, наверное, и в самом повествовании об идеологии отдельных выдающихся декабристов уделил бы ему хоть несколько строк.

После этих предварительных замечаний, нас уже не должно удивить следующее заявление Рожкова:

«В общем, надо все-таки признать, что как ни резки были противоречия между декабристами и их врагами, были, однако, черты, общие обеим сторонам, столкнув-

---

[1]) Рожков, назв. соч., 37.

шимся 14 декабря... Подавляющее большинство их (декабристов), не понимало всей возможности отмены крепостного права, ставило эту реформу, *и в лучшем случае, на второй план*, а подчас и не простирало своих стремлений в крестьянском вопросе далее уничтожения «злоупотреблений» помещичьей властью» [1]).

Надо ли говорить, что прежде всего Рожков ошибся без малого на десять лет. Это еще Союз Благоденствия, убедившись в невозможности немедленной ликвидации крепостного права, требовал от своих членов, как подготовительной меры, борьбы с злоупотреблениями. В 1825 г., накануне революции, конечно, и речи не было и не могло быть об этом уничтожении злоупотреблений. Крестьянская реформа, наравне с реформой политического строя, стояла во главе угла, и, если и можно говорить об этом «втором плане», то только в том смысле, что декабристы полагали политические реформы необходимой прелюдией реформ социальных.

Рожков является, как и следовало ожидать, сторонником классового, сословного идеологизма декабристов. Но и в этом вопросе аргументировка его весьма спорна. Так, он говорит, например, что «ни в чем так ярко не проявились классовые интересы, как в решении крестьянского вопроса по проекту «Конституции» Никиты Муравьева». Между тем, мы хорошо знаем, что проект этот не был принят заговорщиками и, не говоря уже об Южном обществе, даже в более умеренном, Северном, вызывал жестокую критику. И сам Рожков замечает, что «Конституция»Никиты Муравьева встретила возражения, но,—добавляет он,—«в общем и целом она была приемлема для передового слоя среднего дворянства» [2]). Однако, несмотря на это убеждение Рожкова в том, что «Конституция» Никиты Муравьева должна была быть принята заговорщиками, она все-таки принята не была, из чего следует, что политические и социальные взгляды Н. Муравьева ни в коем случае не могут быть распространяемы на всех декабристов.

Мы бы не стали столь подробно останавливаться на этой статье, еслиб она не принадлежала такому крупному

[1]) Рожков, стр. 36. Курсив наш.
[2]) Рожков, стр. 34.

ученому, такому серьезному и солидному историку России, как Н. А. Рожков. Это обстоятельство делает еще более необъяснимыми все отмеченные выше недостатки его работы.

Зарубежная русская пресса также продолжала интересоваться историей декабристов, но в XX веке она уже не представляет ровно никакого интереса и, тем меньше, исторической ценности. Для примера остановимся на брошюре А. Михайлова «Николай I. Его личность, правление, декабристы», слишком самоуверенно названной *томом* X серии.

А. Михайлов не дает никакой идеологической оценки. Русский язык отчаянно исковеркан: попадаются выражения вроде следующих: «крепостное право... не отжившее вполне и *на* наше время», «дискутировался» вместо «дискуссировался». Милорадович говорит с принцем Евгением Вюртембергским о какой-то «возможности», а о какой «возможности», автор не говорит [1]).

Встречаются ошибки и более серьезные: так, идет речь о «14 декабря на *Казанской* площади». Автор говорит, что «предателей было четыре: Шервуд, Майборода, *Комаров* и *Растопчин*» [2]). Правда, в другом месте Растопчин уже правильно назван Ростовцевым; полк. Комаров не предавал декабристов, а выдал их уже на следствии, после чего наград не получал, а вынужден был выйти в отставку. Наконец, автором забыты другие доносчики: Грибовский, Витт, Бошняк и т. д.

Таких мелких погрешностей можно привести великое множество. Все они, в целом, обесценивают и без того, по своему содержанию, незначительную брошюру А. Михайлова.

Когда в феврале 1917 г. свергнут был старый строй, естественно общественная мысль с особой настойчивостью обратилась к прошлому революционного движения, в

---

[1]) А. Михайлов. Николай I. Его личность, правление, декабристы. Лондон. 1906, стр. 20, 38 и 39.

[2]) Там же, стр. 9 и 40.

частности—к истории декабристов. Но русское общественное мнение в эти краткие месяцы временного правительства слишком занято было остро стоящими «текущими вопросами», чтобы с достаточным вниманием обратиться к прошлому.

Поэтому-то революционный 1917 год и не ознаменовался ничем существенно новым по истории декабристов. Периодическая печать ограничилась мелкими статьями и заметками, не заслуживающими внимания. Кроме того, появились популярные брошюры, которые, конечно, не давали ничего нового, но, даже в их кратком повествовании, не все обстояло благополучно. Так, А. Гизетти повторяет старый, трафаретный взгляд, что источником свободомыслия декабристов были заграничные походы и знакомство с Западной Европой... [1]). Вождей декабристов он, вслед за официальными и официозными историками, называет «вожаками» (непочтительный эпитет, совершенно негодный для агитационной революционной брошюры); соответственно этому пятеро повешенных—произволятся в звание «главных вожаков» и т. д.

Но в то время, как в Европейской России обществу было недосуг заниматься декабристами, Сибирь. их вторая, суровая родина, занялась с великой любовью их историей. Это свидетельствует о том, что Сибирь не забыла то добро, которое так щедро расточали ссыльные декабристы, явившиеся едва ли не первыми пионерами культуры в Сибири. Так, маленький городок Забайкалья,—Верхнеудинск,—в 1919 году с большой любовью справил 50-летие поминки по Горбачевском [2]).

В 50-летнюю головщину его смерти местная газета «Прибайкальская Жизнь» была полна юбилейными статьями. в которых, между прочим, встречаются чрезвычайно интересные новые материалы о нем [3]).

Помимо этого, в периодической сибирской печати за 1917—18 г.г. встречается очень много весьма ценных но-

---

[1]) А. Гизетти. От декабристов до наших дней. П. 1917, стр. 9.

[2]) Ив. Ив. Горбачевский по отбытии срока каторги и после амнистии оставался жить в Петровском заводе, находившемся вблизи от Верхнеудинска. и там же и умер в январе 1869 года.

[3]) «Прибайкальская Жизнь» от 22 января по нов. ст., 1919 года.

вых материалов о жизни декабристов в Сибири. Достаточно сказать, что за одну зиму 1919 года новых материалов в сибирской прессе появилось больше, чем во всех остальных русских газетах за все время февральской революции [1]).

Если, с одной стороны, это свидетельствует о глубоком интересе Сибири к декабристам, то, с другой стороны, отсюда видно, как много различных материалов о сибирской жизни декабристов еще имеется в различных архивах Сибири. Особенно это относится, конечно, к Восточной Сибири, ибо материалы касательно пребывания декабристов в Западной Сибири широко использованы Дмитриевым-Мамоновым.

За это время в сибирской прессе появились чрезвычайно интересные сведения, помимо Горбачевского, еще и о кн. Шаховском, Вадковском, Трубецком, Игельстроме, Н. Бобрищеве-Пушкине и мн. друг.

Не обходилось, конечно, и без промахов. Так, И. Чагин, опубликовавший чрезвычайно интересные материалы, «Документальные данные к «Русским женщинам» Некрасова» [3]), приводит, в качестве нового документа, полный текст инструкции ген.-губ. Вост. Сибири Лавинского иркутскому губернатору Цейдлеру, об «увещевании» жен декабристов; между тем этот документ уже давно опубликован П. Е. Щеголевым в его статье о женах декабристов. Но эти мелкие промахи не имеют существенного значения.

---

[1]) «Былое», 1920 г., № 15, стр. 160.

[2]) «Свободный Край», Иркутск, №№ от 17 и 30 ноября и 13 декабря 1918 г.

ГЛАВА XII.

Декабристы в оценке советской печати.

«Наш скорбный труд не пропадет: из искры возгорится пламя!»—писал в 1827 году поэт-декабрист кн. Одоевский.

Прошло восемьдесят лет подготовительной подпольной работы. Только через восемьдесят лет Россия оказалась способной дать второй открытый бой самодержавию и вновь потерпела неудачу. И только почти через сто лет старый строй сгорел в неугасимом пламени народной революции.

Было ли это то «пламя», в которое верили, которого ждали декабристы? Зажгла ли его искра 14 декабря? Или же искра эта давно погасла в течение ста долгих лет, лежащих между первым организованным революционным выступлением и окончательной победой революции?

Революция, естественно, обострила интерес наш к нашему революционному прошлому. Советская печать не могла, конечно, молча обойти заговор декабристов. В этой ее идеологической оценке декабризма сошлись два полюса: отправной пункт российской революции и ее конечный пункт, ее завершение.

По этому одному можно судить о том, в какой мере интересно для историка отношение к декабристам советской печати.

Прежде всего, предоставляем слово Г. Е. Зиновьеву, синтезировавшему в нескольких словах оценку декабристов советской властью:

«Мы готовы... обнажить головы и перед декабристами, более ранним поколением *буржуазных революционеров*, которые... шли в бой против царизма. Эти люди, представлявшие собою, в буквальном смысле слова, сливки аристократии, дворянства и офицерства, *отделились от своего класса*, порвали с семьями, оставили свои привилегии и вступили в борьбу с самодержавием.

Пусть они и не имели социалистической программы, пусть они были только буржуазными революционерами— но наше поколение не отказывается от этого наследства» [1]).

Такова сжатая и яркая формулировка отношения советской власти к декабристам, в которой, наряду с констатированием идеологической пропасти, лежащей между двумя конечными точками русского революционного движения, одним из крупнейших деятелей Октябрьской революции утверждается наличие исторической преемственности.

Отметим, что Г. Е. Зиновьев признает и даже подчеркивает отделение, разрыв декабристов с тем классом, к которому они принадлежали по праву рождения, ибо советская печать различно решает этот вопрос.

Преемственность, утвержденная Г. Е. Зиновьевым, многими советскими журналистами утверждается в еще гораздо более категорической форме.

Приводим выдержки из периодической печати, из года в год откликающейся на годовщины 14 декабря.

«Жертва декабристов не была напрасной: семя революции, брошенное ими на почву многострадальной Руси, пустило крепкие корни. Про них мы можем смело сказать: «Великих нет, но подвиги их живы» [2]).

В другом периодическом издании, относящемся к 1919 году, как и цитированное выше, читаем:

«Это были зарницы, предвозвещавшие современные грозы и бури наших дней. И в свете их остаются неизменно-прекрасными образы первомучеников свободы—дека-

---

[1]) Г. Е. Зиновьев. История Российской Коммунистической Партии (большевиков). Изд-во «Новая Москва». М. 1924, стр. 44. Курсив наш.

[2]) «Красный Балтиец», 1919, № 8. Ст. Л. Лейкина. Из далекого революционного прошлого, стр. 52.

бристов, взявших на свои плечи непосильный крест, павших под ним, и тем еще более достойных нашей благодарной памяти» [1]).

Проф. В. В. Святловский писал: «Вы не даром погибли, мы пришли вам на смену и исполним ваше—наше общее дело» [2]).

Через четыре года мы читаем: «Недаром все группы, сменявшие одна другую в революционной борьбе, своими предтечами считали декабристов и чтили их память, как первых борцов против самодержавия. И те,—чьи знамена победно взвились в семнадцатом году над обломками русского самовластия, не могут не видеть в декабристах своих предшественников» [3]).

«Декабрьское восстание... было одной из тех искр, из которых возгорелось пламя революции» [4]) читаем в другой раз, и т. д., и т. д.

Это признание преемственности нашло, наконец, свое отражение и в революционном художественном творчестве. Так, один из пролетарских поэтов обращается к декабристам:

Ушедшие в великий мрак
Далеких дней былые тени,
Ваш неудачный первый шаг —
Звено грядущих достижений.
Так нынче северный медведь
Проснулся в сумрачной берлоге
И звонко бьет в набата медь
На стертом западном пороге [5]).

В общем можно установить, что вопрос об огромности *исторического* значения декабризма решается безусловно вполне положительно советской исторической наукой.

---

[1]) «Пламя», 1919, № 18. Ст. «Первомученики русской свободы», стр. 6.

[2]) Проф. В. Святловский. Декабристы. Изд. «Красн. Балтийца».

[3]) «Ленинградская Правда», 1924, № 297. Ст. «Памяти декабристов». (П. Щ.).

[4]) «Красн. Газета» веч. выпуск, 1924, № 288. Ст. «Пушки, из которых расстреливали декабристов».

[5]) «Ленинградская Правда», № 297, 1924. «Их путь», Степана Емелина.

Говоря об историческом значении, для советской власти, декабристов, В. Быстрянский пишет:

«Их работа не прошла даром. По словам Герцена, гром пушек на Сенатской площади разбудил целое поколение. *Они завещали потомству лозунг вооруженного восстания* против самодержавия, лозунг, который суждено было претворить в жизнь одной из всех революционных партий—партии большевиков» [3]).

Следовательно, в историческом и, отчасти, в методическом (в смысле революционных методов) отношении, В. Быстрянский проводит прямую нить от декабристов к большевикам. В вопросе об историческом значении декабристов для революции, конечно, и не может быть спора.

Вопрос сводится к оценке *идеологического значения*, идеологической основы заговора декабристов.

Выше мы уже видели, что Г. Е. Зиновьев относит декабристов к числу «буржуазных революционеров». Но, отмечая очевидное для нас отсутствие у декабристов «социалистической программы», Г. Е. Зиновьев констатирует оторванность их от того класса, из которого они вышли, т.-е. разрыв декабристов с дворянством.

По этому поводу В. Быстрянский замечает: «Историческое значение выступления декабристов не должно заставлять нас забывать их классовую ограниченность, ибо они были буржуазными революционерами, ибо они и в мыслях не имели уничтожить привилегии того класса, представителями которого они являлись» [1]). Как мы знаем—это уже отнюдь не новая точка зрения, имевшая и прежде за собой много сторонников и еще больше противников.

Другой советский журналист, К. Шелавин, идет в разрешении этого вопроса еще дальше. По его мнению, вообще, главным стимулом, главной пружиной, толкнувшей будущих декрабристов к организации тайных обществ, была именно защита их сословных, дворянских интересов. Даже в стремлении декабристов к уничтожению кре-

---

[4]) В. Быстрянский. Памяти декабристов. «Петр. Правда», от 36/XII 1920 г.

[1]) Ibid.

постного права. К. Шелавин усматривает элемент некоторого рода своекорыстия.

«Из повседневной практики»,—пишет он,—«декабристы начали понимать полную прямо невыгодность этого позорнейшего учреждения. Поэтому-то те, кто в декабре 1825 года вывели своих солдат на Сенатскую площадь, еще в 1818 году, вырабатывая устав «Общества Благоденствия» [1]), первой задачей своего общества ставили уничтожение в России крепостного права» [2]).

Однако, прав безусловно Г. Е. Зиновьев, утверждающий оторванность декабристов от прочего дворянства и стречение их от своих сословных привилегий.

Казалось бы, это вытекает из одного того уже, что как Г. Е. Зиновьев, так и В. Быстрянский трактуют декабристов как борцов за буржуазную революцию. Декабристы, конечно, ничего общего не имели с буржуазией. М. Н. Покровский правильно определил, что тайные общества составляла «масса среднего дворянства» [3]).

Следовательно, одно из двух: либо декабристы «и в мыслях не имели уничтожить привилегии того класса, представителями которого они являлись», либо же они в мыслях не имели буржуазной революции, ибо, если они собирались совершить серальный переворот в интересах усиления дворянства, на манер английской аристократии, то едва ли буржуазия выиграла бы на этом что-нибудь; если же они мечтали о буржуазной революции, то она могла быть произведена только за счет ущемления дворянских привилегий.

Итак, правильной оказывается точка зрения Г. Е. Зиновьева.

К. Шелавин своекорыстие декабристов обосновывает ссылкой на то, что основатели «Союза Благоденствия» «первой задачей своего общества ставили уничтожение крепостного права», что будто бы входило в их личные расчеты.

---

[1]) Союз Благоденствия?

[2]) К. Шелавин. С оружием в руках против царей. «Петр. Правда», 27/XII. 1918.

[3]) М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен. Т. III, Лнгр. 1924, стр. 219.

Тут уже явное недоразумение. В. Святловский справедливо замечает, что устав «Союза Благоденствия» стоял за реформу политического строя, но умалчивал о рабстве» [1]). В. Быстрянский ссылается даже на слова Н. И. Тургенева, который писал по этому поводу: «Я был очень опечален и поражен полным отсутствием среди добрых предначертаний, предложенных в статьях устава общества, главного, на мой взгляд, вопроса об освобождении крестьян» [2]).

На этом должно остановиться несколько подробнее. Устав прусского Тугендбунда, с которого скопирован был устав «Союза Благоденствия», требовал от каждого, вступающего в число членов, освобождения своих крестьян.

Русский же устав рекомендует только «человеческое отношение к крестьянам и заботу о их просвещении». Отсюда и произошло, повидимому, то недоразумение, наглядным показателем которого является то обстоятельство, что В. Быстрянский утверждает, будто члены «Союза Благоденствия» отнюдь не намерены были освобождать крестьян, а К. Шелавин,—что это было их первой целью. Дело в том, что устав «Союза Благоденствия» не определял конечные цели союза, а только регламентировал деятельность его членов, в процессе подготовительной работы. Декабристы могли отказаться от мысли индивидуального освобождения крестьян, убедившись на примерах Якушкина, Лунина и других, что правительство не допустит этого. Если бы они, как полагает К. Шелавин, действовали из личной корысти, они бы, конечно, не стали дожидаться полной ликвидации крепостных отношений, а каждый в отдельности постарались бы перейти к вольнонаемному труду.

Но для членов «Союза Благоденствия» отмена крепостного права мыслилась именно как конечная цель, а это «человеческое отношение к крестьянам», так часто приводящее в тупик исследователей, было только подготовительной ступенью. Подробно об этом мы говорили уже выше.

---

[1]) В. В. Святловский. Декабристы (листовка), стр. 3.
[2]) В. Быстрянский, назв. статья.

Ссылка В. Быстрянского на отзыв об уставе Н. И. Тургенева неудачна по двум причинам: во-первых, Тургенев всячески старался умалить значение своей роли в тайном обществе и объяснить свое соучастие исключительно стремлением к уничтожению крепостного права, поэтому его слова о целях и задачах тайного общества не могут быть принимаемы без предварительной проверки. С другой стороны, он сам утверждает, что с уставом «Союза Благоденствия» был мало знаком.

Но для нас сейчас не столько интересны отзывы советской печати о декабристах, отзывы, часто противоречивые и сбивчивые, сколько нам интересно отношение к декабристам вождей Коммунистической партии.

Со взглядами Г. Е. Зиновьева мы познакомились в настоящей главе. Мы видели, что Зиновьев признает наличие преемственной связи, а также признает и то, что, хотя декабристы и были революционерами буржуазными, но что они шли против своих кастовых привилегий и, следовательно, сословной их революцию назвать нельзя.

Значение декабристов отмечено и А. В. Луначарским: декабристы—это та часть «русского общества, которая старалась из-под грозы самодержавия выскользнуть, схватить за горло это чудовище» [1]).

Останавливаясь подробно на взаимоотношениях декабристов и Пушкина, на поведении Пушкина после 14 декабря, А. В. Луначарский приходит к чрезвычайно интересным выводам:

Пушкин, говорит он, «не смел быть революционером. Для того, чтобы защититься, он должен был иногда писать гимны в честь самодержавия. Когда Марксу говорили о том, что Гете, ведь, негодяй, потому что он был министром, носил придворный мундир мелкого князька, льстил ему, то Маркс отвечал, что в высшей степени пошло и поверхностно так судить, потому что, если Гете сохранил нам великого человека тем, что оделся в этот министерский мундир и защитил свою личность, защи-

---

[1]) А. В. Луначарский. Судьбы русской литературы. Лнгр., 1925, стр. 29.

тил возможность творить от ужасной германской среды, в которой он жил, то иногда такой оппортунизм, готовность поэта многое и многое отдать идолу действительности только для того, чтобы сохранить право жить, заслуживает полнейшего оправдания, является единственно правильной тактикой в такие времена. Мы, добавляет А. В. Луначарский, могли бы сказать Пушкину: «Александр Сергеевич, лги, лицемерь, надевай маску, иначе съедят тебя, бесконечно дорогого, бесконечно нужного. Прячься, притворяйся, напиши «Клеветникам России», и только бы они тебя оставили» [1]).

Выше мы уже познакомились со взглядами на декабристов М. Ольминского; не так давно [2]) он снова выступил со статьей, направленной против декабристов. По мнению М. Ольминского, декабристы были носителями чисто помещичьих интересов, заботящимися исключительно и только о помещичьей выгоде. Выведя обманом на площадь солдат, они их бросили при первых же выстрелах.

На этот раз оппонентом М. Ольминского выступил М. Н. Покровский.

М. Н. Покровский много поработал над идеологической историей декабризма; приходится пожалеть, что до сей поры его занятия декабризмом носили чисто спорадический характер и не стояли во главе угла его работы. Тем не менее, теория его является наиболее цельной и наиболее убедительной современной теорией.

М. Н. Покровский отмечает заблуждение, господствовавшее среди очень многих революционных деятелей, в их представлениях о декабристах.

«Декабристы»,—говорит он,—«вопреки мнению тов. Ольминского, отнюдь не все были помещиками, обманно увлекшими солдат на Сенатскую площадь, а были в своей известной части... настоящими революционерами и на одном, по крайней мере, своем крыле, революционерами-демократами. Они не были только одним, они не были революционерами-пролетариями. Это совершенно

---

[1]) А. Луначарский, назв. соч. 29—30.

[2]) Статья М. Ольминского в газете «Рабочая Москва», от 18-го декабря 1923 года.

верно, но никакого пролетариата в России вообще в то время не было и не могло быть, поскольку существовало крепостное право, и совершенно ясно, что требовать от декабристов, чтобы они, кроме того, были еще и революционной партией,—это все равно совершенно, что требовать, чтобы яблоки на яблонях поспевали в мае, когда яблоки поспевают только к августу или сентябрю. В этом декабристы неповинны, а во всем прочем они... дошли до той крайней грани революционности, которая возможна для непролетарских классов, которая возможна для буржуазии крупной и мелкой» [1]).

Называя декабристов «буржуазией», М. Н. Покровский употребляет этот термин, конечно, в том смысле, что декабристы по интересам своим принадлежали к буржуазии. Заслуга его, в данном случае, и состоит в том, что он раз и навсегда разбил все теории, согласно которым декабристы являлись носителями дворянских интересов, интересов своего класса, вследствие чего многие исследователи, как мы только что убедились, оказались в своего рода заколдованном кругу.

Таким представителем интересов мелкой буржуазии, по мнению М. Н. Покровского, был и Пестель, но, тем не менее, М. Н. Покровский справедливо отмечает, что «основная мысль социальной и политической программы Пестеля, изложенной в «Русской Правде»... ближе всего может быть, охарактеризована, как национализация земли» [2]).

«Аграрная программа декабристов»,—говорит М. Н. Покровский в другом месте,—«является стержнем, проходящим через всю историю нашего революционного движения, вплоть до 1917 года, когда был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров о земле; мы все идем от аграрной программы Пестеля» [3]).

Признавая в социальной программе Пестеля некоторого рода вынужденные компромиссы, М. Н. Покровский

---

[1]) М. Покровский. Очерки русского революционного движения XIX-XX вв. Лекции, читанные на курсах секретарей уездных комитетов РКП (б) зимою 1923—24 г.г. М. 1924, стр. 27.
[2]) М. Покровский, назв. соч., 31.
[3]) М. Покровский, назв. соч., 27. Курсив наш.

объясняет их тем, что Пестель был революционером-практиком и потому не мог не считаться, в своих планах, с реальными условиями того времени.

«Пестель»,—говорит он,—«не был отвлеченным теоретиком... Пестель был практик. Пестель был отдаленным предшественником величайшего практика-революционера наших дней: будучи практиком, он приспособлялся, как и наш великий революционер, к известным положениям» [1]).

Заслуга М. Н. Покровского еще в том, что он, со всей возможной определенностью, очертил ту грань, которая существовала не только между политическими и социальными программами Северного и Южного тайных обществ, но и в самой психологии «северян» и «южан». Северное общество нельзя назвать революционным.

Но нельзя и согласиться с М. Н. Покровским в его утверждении, что в день 14 декабря «вожди движения вели себя ультра-позорно». Выше нам уже не раз приходилось высказываться по этому вопросу, и, если мы усвоим себе мысль Г. В. Плеханова, что 14 декабря было не восстанием, а манифестацией, то резкость суждения М. Н. Покровского обнаружится сама собой.

Ничем иным, как известного рода традицией, нельзя объяснить того факта, что внимание исследователей, а с ними и читающей публики, было всегда направлено преимущественно на историю петербургского восстания, тогда как, по правильному замечанию М. Н. Покровского, «вопреки распространенному мнению о том, что центр военных действий был в Петербурге, на самом деле, единственным настоящим вооруженным восстанием и притом восстанием, окруженным ореолом трагического величия, где люди шли прямо на гибель... является восстание Черниговского полка». Поскольку восстание это не имело ровно никаких шансов на успех, восставшими могла руководить решимость «пожертвовать собой, чтобы показать дорогу грядущим поколениям».

М. Н. Покровский и в этом своем труде развивает старую мысль, мысль глубоко справедливую, о революцион-

---

[1]) М. Покровский, назв. соч., 2. Подразумевается, конечно, Ленин.

ности масс на Сенатской площади, заплативших кровью за свое сочувствие восстанию.

«Поскольку тогда была пролита народная кровь, во имя народного дела»,—говорит в заключение М. Н. Покровский,—«постольку у нас есть все основания праздновать 14 декабря, хотя я согласен поговорить о том, чтобы поднять вопрос о праздновании дня восстания Черниговского полка—28 декабря. Об этом можно спорить, но насчет того, чтобы считать все движение декабристов—помещичьим движением, никакого спора быть не может».

Этот маленький очерк позволим себе закончить словами Владимира Ильича Ленина:

«Дворяне»,—писал он,—«дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, сердальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними,—писал Герцен,—развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя. Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-подвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия».

К числу таких детей,—пишет в заключение Ленин,—принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его [1]).

Так Ленин признал огромность значения и очищающее действие 14 декабря.

Советская наука, естественно, еще не успела внести свой вклад в сокровищницу декабристской литературы. Это еще впереди. Наступающая 100-ая годовщина декабристов, как и следовало ожидать, вызывает новый огромный приток материалов и трудов. И будем верить, что ныне, через сто лет, революционная Россия заполнит те бреши, которые еще имеются в истории декабристов, истории основоположников российской свободы.

---

[1]) В. Ленин. Памяти Герцена. П. 1920, стр. 3—4.

ГЛАВА XIII

Декабристы в изящной литературе.

В октябре 1830 года Пушкин работал над X главой «Евгения Онегина. В этой главе любимый герой Пушкина, с которым он никак не мог расстаться [1]), должен был встретиться с декабристами.

Повидимому, Пушкин намерен был всю главу посвятить заговору декабристов, но уже на XVII строфе оборвал свою работу,—может быть потому, что не мог рассчитывать на то, чтобы когда-нибудь эту главу напечатать,—а так как даже и хранение ее в рукописи было опасно, Пушкин 19-го октября сжег начало главы, записав ее особым шифром на отдельных листах [2]). Из всего этого до нас дошли только первые четверостишия 14-ти строф, черновики двух строф (15 и 16) и, наконец, черновое же начало той XVII строфы, на которой Пушкин, повидимому, прервал работу над десятой главой.

Но даже по этим разрозненным отрывкам можно составить впечатление о действительных намерениях Пушкина. Надо ли говорить о том, что все симпатии Пушкина всецело на стороне декабристов? Со всей силой своего гения высмеивает он Александра I:

---

[1]) Еще осенью 1835 г. Пушкин собирался вернуться к «Евгению Онегину» и даже написал две строфы.

[2]) А. С. Пушкин. Евгений Онегин, роман в стихах. Под ред. М. Л. Гофмана. Пет. 1919, стр. 42.

I.

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда . . . .

II.

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра . . . .

Какая блестящая характеристика Александра! Надо помнить, что Пушкин давно уже, вместе с будущими декабристами, успел разочароваться в Александре; вскоре после 14 декабря он писал Жуковскому: «Говорят, ты написал стихи на смерть Александра [1])—предмет богатый. Но в течение десяти лет его царствования, лира твоя молчала. Это лучший упрек ему—никто более тебя не имел права сказать: глас лиры, глас народа. Следовательно, я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба» [2]).

Но для нас сейчас гораздо интереснее описание самих декабристов. До нас дошли отрывки, посвященные северной и южной отраслям Тайного общества. Приводим выдержки:

XIV.

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты [3]),
У осторожного Ильи... [4]).

XV.

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Там Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры [5]),
И вдохновенно бормотал,

---

[1]) Фактически Жуковский не писал стихов на смерть Александра I.

[2]) Переписка Пушкина. I, 319.

[3]) Н. М. Муравьев, один из учредителей Тайного Общества.

[4]) Князь И. Долгоруков, впоследствии отставший от заговора и не понесший наказания.

[5]) Лунин первый подал мысль о цареубийстве, предлагая убить Александра на пути следования его в Царское Село.

Читал свои поэмы Пушкин.
. . . . . Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал...

Останавливает внимание то, что Пушкин помещает себя в число заговорщиков. Историческая правда здесь отсутствует. Пушкин не бывал на собраниях заговорщиков в Петербурге, а он пишет: «Так было над Невою льдистой». Пушкин встречался с Якушкиным, Луниным и др. на юге. Но от художественного произведения и нельзя требовать полной исторической точности: важно то, что, помещая себя в число заговорщиков, Пушкин еще в 1830 году расписывается в единомыслии своем с декабристами.

Из описания Южного общества до нас дошли только почти необработанные черновые наброски. Блестящий по началу замысел Пушкина так и остался незавершенным, в силу цензурных условий [1]). И по той же причине, еще долгое время, никому из русских писателей не могла явиться мысль сделать декабристов героями художественного произведения. Если историческая наука должна была заговор декабристов обходить мертвым молчанием, то, тем более, вынуждена была молчать изящная литература.

Только уже в 60-х годах, когда слабые либеральные веяния сделали возможным обращение к истории декабристов, первыми Лев Толстой и Некрасов возымели мысль перенести декабристов на страницы художественного произведения. Со времени первой попытки Пушкина прошло более тридцати лет.

---

[1]) Даже стихотворение неудачливого литератора князя П. И. Шаликова, в котором он поносит декабристов и восхваляет Николая, не было опубликовано. Мы не считаем нужным останавливаться на этом во всех отношениях ничтожном стихотворении ничтожнейшего русского писателя, о котором даже фон-Фок писал следующее: «Редактор «Моск. Вед.» есть известный Шаликов, который с давнего времени служит предметом насмешек для всех занимающихся литературой... Этот Шаликов не имеет никаких сведений для издания политической части и даже лишен природной сметливости». Стихотв. его напечатано в «Р. Стар.», стр. 120.

Когда Л. Н. Толстой задумал писать, в 1863 году, свой роман «Декабристы», многие из виднейших участников декабрьского заговора, возвращенные амнистией Александра II, еще были живы.

Естественно, Толстой обратился к ним за советами и справками. Он вступил в переписку с П. Н. Свистуновым, часто бывал у М. И. Муравьева-Апостола [1]), познакомился с А. П. Беляевым, который дал ему читать свои, тогда еще неопубликованные, воспоминания, и Толстой испещрил поля рукописи своими отметками [2]).

Роман, как известно, остался незаконченным. Пятнадцать лет (1863—1878) занимала Толстого мысль об этом романе, трижды он брался за него, но все-таки роман остался только в набросках.

П. И. Бирюков пишет по этому поводу следующее: «Три главы романа под заглавием «Декабристы» были написаны еще прежде, чем автор принялся за «Войну и Мир». В то время он задумывал роман, которого главными действующими лицами должны были быть декабристы, но не написал его, потому, что, стараясь воссоздать время декабристов, он невольно переходил мыслью к предыдущему времени, к прошлому своих героев. Постепенно перед автором раскрывались все глубже и глубже источники тех явлений, которые он задумывал описать: семья, воспитание, общественные условия и проч. избранных лиц; наконец, он остановился на времени войн с Наполеоном, которое и изобразил в «Войне и Мире» [3]).

Это объяснение не может быть признано, во всяком случае, исчерпывающим, уже по одному следующему соображению: роман «Война и Мир» написан был в течение 1864—1869 г.г., между тем в 70-х годах, Толстой снова возвращался дважды к оставленной им было попытке. Это одно уже наводит на мысль о существовании еще и иной причины, помешавшей Толстому закончить роман «Декабристы».

---

[1]) В. Е. Якушкин. М. И. Муравьев-Апостол. «Р. Ст.», 1883 г.
[2]) А. П. Беляев. Воспоминания декабристов. «Р. Ст.», 1880, 2.
[3]) Собр. сочин. Л. Н. Толстого, под ред. П. И. Бирюкова. Изд. Сытина, т. III, 329.

Матвей Муравьев-Апостол предугадывал неудачу Толстого, который в это время часто его навещал, расспрашивал, брал имевшиеся у него записки декабристов и рассказывал о плане своего романа. Уже тогда Матвей Муравьев, декабрист-ветеран, относился в высокой степени скептически к этому роману, утверждая, что для того, чтобы он удался, «необходимо вникнуть в истинное положение тогдашней России», изобразить ее бедственное положение, чего Толстому не разрешат, если б он даже и пытался это сделать. И надо понять, прочувствовать, осознать глубины декабризма, а на это способен только современник.

Вот где, вероятнее всего, разгадка того, что, тогда как в разрозненных Пушкинских отрывках, писавшихся не для цензуры, чувствуется истинный дух декабризма, в романе Толстого он совершенно отсутствует — в нем мы абсолютно не чувствуем, не осязаем собственно декабристов. И, главным образом, должно быть, по той же причине, отказался от завершения этого романа и сам Толстой, не могший не ощутить в нем психологической неправды.

Почти одновременно Некрасов писал свою поэму «Дедушка» (1869).

Тема общая: и в романе Толстого, и в поэме Некрасова фигурируют, в качестве центральных фигур, возвращенные декабристы. В то время вернувшиеся из Сибири седые изгнанники, окруженные ореолом мученичества и таинственности, привлекали и всеобщее сочувствие, и простое любопытство. Поэтому не удивительно, что и Толстой, и Некрасов остановили свое внимание на этой теме. Удивительнее может показаться то, что оба великие мастера слова не справились абсолютно со своей задачей.

Типы у обоих разные: Толстовский Лабазов — абсолютно оторванный от жизни, старик, пожалуй, и из ума немножко выживший, живущий весь в прошлом, одинокий, ветвями поникший долу дуб, в вырубленном лесу. Он вечно суетится, создает видимость лихорадочной деятельности, а фактически ничего не делает и только всем

---

[1]) Об этом см. у В. Якушкина. «Р. Ст.», 1886, I.

мешает; он лишний в этой жизни, в которой для него уже не оказывается места.

Некрасовский старик совсем иной: он полон энергии, как-то сразу и безболезненно входит в жизнь и, в беседах с маленьким внуком, Сашей, проповедует идеи... чьи? — да самого Некрасова же, конечно.

Поэма Некрасова сработана грубо, топорно. Автор, повидимому, и не задавался целью воссоздать целостный, правдивый образ. Для него этот эпизод, с возвращением старика-декабриста, только средство. Дедушка, проповедующий Саше, всего только рупор, через который поэт выкрикивает свои идеи. Старый декабрист оказывается лишенной внутреннего содержания, бездушной куклой, которой Некрасов распоряжается по своему произволу.

Порой, когда, например, «Дедушка», беседуя с мужиками, говорит им:

«Скоро вам будет не трудно,
«Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно, —
Радостью весь расцветет,

кажется уже, что Некрасов почти что уловил, схватил истинный дух декабризма, но вскоре наступает разочарование.

Некрасов упустил, должно быть, сознательно, одну из основных черт, свойственных всем почти без исключения возвращенным декабристам: они абсолютно лишены были всякой злопамятности и, веруя еще в те первые годы в обновление России, они не любили возвращаться к мрачному, трагическому прошлому своей родины. Какая в этом польза? Они предпочитали активно трудиться над созданием будущего. Поэтому-то такой неправоподобной, надуманной звучит, в устах возвращенного декабриста, эта примитивная «агитация», вербовка в революционеры маленького внука.

Пушкин говорил, что «цель поэзии — поэзия». Для Некрасова вопрос решался, конечно, иначе: один из наиболее ярких представителей той школы, в которой содержание всецело господствовало над формой, он уже не

видел в поэзии самоцели; для него она прежде всего была сильным агитационным средством.

И, конечно, старик-декабрист, работающий об руку с правительством, над проведением реформ [1]), Некрасова не устраивал. Он переделал этого декабриста на свой лад. Вышла поэма, быть может, сильная в агитационном отношении, но типа верного он не создал и, еслиб не случайное упоминание о княгинях Трубецкой и Волконской, можно бы даже сомневаться, в самом ли деле речь идет о декабристах.

И поэма Некрасова, и роман Толстого оканчиваются многоточием; и то и другое осталось незаконченным. Что хотели сказать дальше авторы — мы не знаем; мы застаем стариков-декабристов в самый момент их возвращения, наблюдаем только первые шаги, но и они — и Некрасовым, и Толстым — рассказаны совершенно неправильно и даже неправдоподобно.

В действительности, как мы имели уже случай убедиться, возвращенные декабристы вовсе не были вышиблены из круговорота жизни, как Толстовский Лабазов. и меньше всего про них можно сказать, что они оказались лишними. Все они, хотя и в разной степени, но проявляли усиленную деятельность, главным образом, конечно, на поприще осуществления крестьянской реформы. Чтобы не повторяться, отсылаем читателя к той главе, где речь идет о возвращенных декабристах. Приведенные в ней фактические данные сами по себе, без всяких комментариев, вскрывают историческую и психологическую неправду Толстого, в освещении им декабристов.

Есть в романе Толстого и фактические погрешности, не имеющие, впрочем, существенного значения. Так, его Лабазов, с семьей, возвращается в Москву. На самом же деле этого не могло быть, ибо сперва возвращенные декабристы лишены были права проживать в столицах. Далее, один из представителей света, узнав о возвращении Лабазова, говорит, что теперь уже все уцелевшие

---

[1]) О причинах временного содружества декабристов с правительством мы говорили подробно уже выше, в главе «60-е годы».

декабристы вернулись в Россию. И это неверно; непосредственно после объявления амнистии, — а именно об этом времени идет речь у Толстого, — в Сибири, по собственному желанию и в силу семейных условий оставалось еще десять декабристов: М. А. Бестужев, В. А. Бечаснов, И. И. Горбачевский, Д. И. Завалишин, И. В. Киреев, А. А. Крюков, М. К. Кюхельбекер, А. В. Поджио, П. И. Фаленберг и А. Ф. Фролов, и только в 60-х годах семеро из них вернулись в Европейскую Россию; трое же: Бечаснов, Горбачевский и Михаил Кюхельбекер продолжали жить и умерли в Сибири.

Тема о декабристах пришлась Некрасову по душе. В 1871 г. он написал свою «Княгиню Трубецкую». Об истории создания «Русских Женщин» рассказывает нам близкий друг Некрасова, сын Волконских, Михаил Сергеевич. Написав «Трубецкую», Некрасов обратился к М. С. Волконскому с просьбой прочесть поэму и сделать свои замечания. «Я ему ответил, что нахожусь в самых тесных дружеских отношениях с семьей Трубецких и что, если впоследствии найдутся в поэме места для семьи неприятные, то, зная, что поэма была предварительно сообщена мне, Трубецкие могут меня, весьма основательно, подвергнуть укору; поэтому я готов сообщить свои замечания в том лишь случае, если автор их примет» [1]). Некрасов пообещал Волконскому принять все его замечания, но впоследствии от некоторых отказался.

Между тем, поэма имела успех и Некрасов замыслил написать вторую часть, посвященную княгине Волконской. Зная, что у сына ее, М. С. Волконского, имеются неизданные записки матери, Некрасов снова обратился к нему, с просьбой познакомить его с записками княгини Марии Николаевны. Тот очень неохотно согласился прочесть Некрасову записки. «При этом он давал мне слово принять все мои замечания и не выпускать поэмы без моего согласия на все ее подробности», говорит Волконский [2]).

---

[1]) Записки княгини Марии Николаевны Волконской, с предисловием и приложением издания кн. М. С. Волконского. Издание 2-е. СПБ. 1906, XIV.

[2]) Ibid., XV.

Но и на этот раз Некрасов не до конца сдержал свое обещание.

В смысле исторической правды, обе поэмы фотографически верны. Особенно вторая, посвященная Волконской, верна до тончайших мелочей, вследствие знакомства автора с интимными записками своей героини. Так все оно и было, как описывает Некрасов.

Но, ведь, это далеко еще не все, что требуется от художественного произведения. Н. А. Белоголовый писал по поводу «Русских Женщин», что «несмотря на много горячих, истинно вдохновенных строк, в целом эти поэмы оставляют нас неудовлетворенными и кажутся и холодными, и местами натянутыми, оттого ли, что сам поэт в эту пору уже и постарел, и зачерствел, и недостаточно проникнут был благородным сюжетом, или же слишком был он связан цензурными условиями, чтобы свободно и безыскусственно подняться до нравственной высоты вдохновивших его героинь и очертить их более натуральными красками» [1]).

И на этот раз Некрасов не до конца понял своих героинь, привнес в их характер много своего, личного. Вот, что говорит по этому поводу внук героини С. М. Волконский: «Должен сказать, что, при всех своих достоинствах, поэма Некрасова представляется мне, после того, как я познакомился с собственноручными письмами княгини Марии Николаевны, очень грубой; в ней есть что-то кустарное. Скажем прямо — в ней сквозит сам Некрасов; в ней больше Некрасова, нежели той, кого он воспевает. Всякий автор проявляет себя, не может не проявлять; о чем бы он ни писал — в том, как он пишет, под каким *углом* видит, какую *оценку* дает, наконец, — и, может быть, самое главное, какие *речи* вкладывает в уста другого, — во всем этом всегда сквозит автор. И здесь неизбежно действует влияние двух, иногда далеко не равноценных величин: описываемого героя и описывающего автора. Не всякий выдерживает сопоставление» [2]).

---

[1]) Белоголовый, 29.

[2]) С. М. Волконский, 55.

С. М. Волконский прав, конечно: Некрасов подавил своих героинь, остриг их под свою гребенку.

Маленький пример: княгиня Трубецкая патетически восклицает:

Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат.
Вернуться, жить среди клевет,
Пустых и темных дел...
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел.

Уже эти несколько строк, необходимые для Некрасова-агитатора, создают совершенно фальшивый образ жены декабриста. М. С. Волконский замечает по этому поводу, что княгиня Трубецкая, во все продолжение своего добровольного изгнания, всей душой рвалась к этому самому, якобы, бичуемому ею, «высшему свету». Да это и понятно. Жены декабристов, прежде всего, были «светскими женщинами». Тем выше их подвиг. И сам Некрасов, — очевидно, под влиянием М. С. Волконского, во второй своей поэме вкладывает в уста Волконской следующие слова:

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула...
Танцуют, смеются... а мне не знавать
Веселья... я еду на муки...

Вообще образ Волконской много вернее, правдивее, конечно, благодаря знакомству автора с ее записками. Обе поэмы настолько хорошо знакомы русской читающей публике, что мы полагаем возможным воздержаться от цитат.

При чтении «Русских Женщин» невольно напрашивается сравнение их с маленьким стихотворением А. И. Одоевского, «Дальний путь», написанным им по поводу приезда в Сибирь невесты декабриста В. П. Ивашева, Камиллы Петровны Ледантю.

В простых словах передает Одоевский истинное душевное состояние жены декабриста:

Грустно ей... Родная мать
Тужит тугою сердечною;
Больно душу оторвать
От души разлукой вечною.
Сердце горю суждено,
Сердце надвое не делится;
Разрывается оно. . . . . .

И из этого сравнения ясно, что, помимо всего прочего, «Русским Женщинам» Некрасова не хватает той безыскусственной, возвышающей простоты, простоты слога, выражений, образов, при наличии которых только и становится возможным воссоздать истинный духовный облик лучших русских женщин — жен декабристов, которые совершенно искренно отрицали какое-либо подвижничество в своих действиях, говоря, что это естественный долг женщины следовать за своим мужем.

Перед нами и еще одно неоконченное произведение, посвященное декабристам: «Восемьсот двадцать пятый год», отрывки из неоконченного романа Григория Петровича Данилевского (1828—1890). Им были написаны всего три главы, из которых только в первой, носящей название «Каменка» [1]), идет речь собственно о декабристах; в остальных двух главах речь идет о предательстве Шервуда. Поэтому замысел Данилевского остается неясен, ибо, по имеющемуся материалу, трудно составить хотя бы самое общее впечатление о нем. В первой главе преобладает чисто повествовательная, историческая сторона. Довольно правильно схвачен общий тон бурливых собраний южных заговорщиков, но только тон: надо ли напоминать, что освобождение крестьян было первейшей мечтой всех заговорщиков, еще времен «Союза Спасения»; поэтому невольно останавливает внимание, рассказанная Данилевским, длинная дискуссия заговорщиков уже в 1825 году по этому вопросу, в заключение которой, Василий Давыдов заявляет: «Итак, воля крестьян в общем решена». Можно привести много примеров подобных исторических погрешностей, не оправдываемых, при

[1]) Напомним, что Каменка—имение, принадлежавшее семье декабриста В. Л. Давыдова, где часто собирались заговорщики; внешним поводом к тому, обыкновенно, служил день рождения старухи Давыдовой.

том, литературными требованиями и создающих психологическую неправду.

Отдельные типы удались Данилевскому, как например, тип одного из главных героев его романа, М. П. Бестужева-Рюмина.

Следует упомянуть также роман Всеволода Соловьева «Изгнанник», являющийся заключительной частью его романов о семье Горбатовых. Речь идет о декабристе, вернувшемся на родину, но никаких специфических «декабристских» черт в его характер автор не ввел и поэтому это обозначение его, как декабриста, представляется совершенно условным.

С точки зрения исторической и психологической правды неудовлетворительна и известная пьеса Петра Петровича Гнедича (1855—1925) «Декабрист». Как художественное произведение, эта пьеса пользовалась и пользуется заслуженным успехом и достоинства ее, именно как художественного произведения, не раз справедливо отмечались уже критикой, но, как памятник эпохи, как памятник психологии известного круга лиц— она неудовлетворительна. «Декабрист, пять картин из семейной хроники Плавутиных-Плавунцовых», является продолжением пьесы того же автора. «Холопы». Герой обеих пьес, князь Платон Александрович Плавутин-Плавунцов, в «Холопах» участвует в убийстве Павла I, в «Декабристе» — он же участник тайных обществ. Это не случайное совпадение: в «Декабристе» одно из действующих лиц напоминает князю его участие в цареубийстве 11-го марта [1]).

Это, может быть, даже механическое сцепление, создает как бы некоторую преемственную связь между серальным переворотом 1801 года и восстанием декабристов. В этом первая большая неправда.

Далее П. П. Гнедич стремится слишком резко навязать декабристам французские влияния (от чего они сами отрекались), путем воздействия на князя Плавутина его жены, француженки, настаивающей на том, чтобы он освободил своих крестьян. И вот, заговорщики, один за

---

[1]) П. П. Гнедич. Декабрист. Пять картин семейной хроники Плавутиных-Плавунцовых. СПБ. 1909, стр. 19.

другим, отпускают своих крепостных на волю. Одно из действующих лиц, барон Штромбах, говорит: «У нас было две цели: освобождение крестьян и конституция. *Первая из них разрешена была просто...* князь Платон освободил постепенно своих крестьян. Котарбин не только отпустил на волю своих, но даже остался нищим. Маркиза отпустила свои деревни...» [1]). На самом деле, это было далеко не так просто, и мы знаем уже, что попытки Якушкина и Лунина, в силу различных препятствий, так и остались благородными попытками. Поэтому декабристы и не могли мечтать об индивидуальном освобождении крепостных, мысля это только, как общую меру, продиктованную свыше, новым правительством.

Совсем уже неправдоподобна третья картина, с поимкой шпиона, а, главное, заседанием Тайного общества, при участии женщин. Один из заговорщиков даже заявляет: «Я считаю невозможным присутствие на наших собраниях женщин... Женщина и тайна — несовместимы».

Между тем мы знаем, что у декабристов было строго установленное правило, по которому женщины не допускались в Тайное Общество, и даже те жены их, которым впоследствии предстояло последовать за ними в Сибирь, не были ими посвящены в тайну существования заговора. Такая подтасовка фактов не может быть оправдана требованиями художественного произведения, ибо она абсолютно извращает действительность, придавая крупному историческому факту несвойственную ему окраску. Женщины, проповедующие на собрании тайных обществ революцию, ловящие шпионов и пр., заставляют усомниться, точно ли речь идет о декабристах.

Разрыв Мелезинова с тайным обществом также, конечно, психологически неверен; откалывались от тайного общества, в противоположность ему, как раз наиболее умеренные, и уж, конечно, не уходили со словами: «Дурачье, дурачье, дурачье»...

Наконец, мы чувствуем неправду и тогда, когда, поселенный в Сибири, декабрист скорбит о своем блестящем прошлом и проклинает настоящее: «Две сальные свечи, — и целые ночи вой бурана и пурги... Стучат

---

[1]) П. П. Гнедич, назв. соч., стр. 68.

в стекла черти, точно смеются над нашей судьбою... Потом день, томительный, тяжелый, однообразный»...

Это отчаяние не характерно для декабристов. Мы уже знаем, что в сибирской глуши они не ведали томительных дней, наполняя свой досуг всевозможной работой и не давали чертям издеваться над своей судьбой, твердо веруя в действенность своего подвига.

Пропуская прочие противоречия и исторические погрешности, напоминаем еще раз, что критика наша, конечно, однобока; художественные достоинства настоящего произведения мы вынуждены оставить в стороне. Но если пьесе присвоено название «Декабрист», мы не можем не отметить скрывающуюся в ней психологическую перелицовку.

Наибольшее внимание, конечно, привлекают известные романы Д. С. Мережковского «Александр I» и «14-е декабря». На них нам придется остановиться несколько подробнее, хотя бы уже по одному тому, что нередко рядовой читатель составляет представление о декабристах только на основании этих романов.

Роман Мережковского «Александр I» был впервые напечатан в журнале «Русская Мысль», за 1913 год, и тогда же вызвал ожесточенную критику. На первых порах критика пошла несколько ложным путем, обращая внимание на мелкие погрешности, которые, без ущерба для исторической науки, могут быть прощены романисту.

Так, один из критиков, пишет: «М. Е. Лобанова звали Михаил Евстафьевич, а не Евграфович, как называет его Мережковский».

«Известный поэт Ю. А. Нелединский-Мелецкий никогда «князем» не был» и т. д. [1]).

А. А. Корнилов саркастически замечает, что «Пестель является к Рылееву в погонах, тогда как погоны стали носить, сколько я знаю, только после Крымской кампании» [2]).

---

[1]) Борис Садовской. Оклеветанные тени. «Сев. Зап.» 1913, I, 118.

[2]) А. А. Корнилов. Исторический роман Д. С. Мережковского «Александр I». Современ. 1913, II, стр. 191. Если уж быть

Мы охотно бы простили Мережковскому эту незначительную подмену эполет погонами, но, к сожалению, первоначальные критики и А. А. Корнилов первый, за деревьями не увидели леса; гоняясь, по преимуществу, за мелочами, проглядели главные уязвимые места Мережковского.

Все эти упреки в неверно названном отчестве, в самовольном присвоении кому-либо титула, заставляют думать, что критикуемым автором произведена серьезная подготовительная научная работа.

Если уж Мережковского упрекают в том, что он Нелединского ошибочно назвал «князем», значит, вообще-то историзм его романа чрезвычайно высок.

Так оно, повидимому, и казалось сперва критике. По крайней мере, тот же А. А. Корнилов не раз упоминает, что «обширный исторический материал положен Д. С. Мережковским в основу его произведения... Я не буду перечислять здесь всех источников, изученных г. Мережковским, чтобы не утомить ваше внимание, но могу все же сказать, что взялся бы составить к этому подробный комментарий, в котором без особого труда мог бы указать в подстрочных примечаниях ко многим его страницам, откуда именно заимствован или на каких источниках основан напечанный на них текст» [1]).

Между тем, С. П. Мельгунов сделал этот труд и не утомил ничьего внимания, ибо, как оказывается, при более внимательном знакомстве с романом Мережковского, если не единственным, то *почти* единственным источником для его «декабристов» послужили труды М. В. Довнар-Запольского «Мемуары декабристов» и «Тайное общество декабристов» [2])...

Но, в конце-концов, и это само по себе еще нельзя поставить в вину Мережковскому. Важно не то, какой

столь педантичным, то следовало, в свою очередь, и А. А. Корнилову знать, что погоны в России введены впервые в 1801 г., а в 1807 г., для офицеров, заменены эполетами и *введены вновь* в 1855 году.

[1]) Корнилов, назв. соч., стр. 881.

[2]) С. П. Мельгунов. Роман Мережковского «Александр I». «Гол. Мин.» 1914, I.

материал использовал он для своего исторического романа, но *что* из этого получилось.

Уже А. А. Корнилов справедливо отметил, что «у Мережковского, за всеми его цитатами, вы видите не живых людей, а каких-то кукол и манекенов, за которых говорит автор этими подобранными цитатами»[1]). В этом первый огромный недостаток «Александра I». Исторический роман тем и отличается от исторической монографии. что в нем вы чувствуете пульсацию жизни, живую кровь, живую плоть героев, благодаря чему переживания и чувствования героя передаются читателю. В романе Мережковского этого нет. Больше того: вы постоянно чувствуете, что и действующим лицам (мы подразумеваем декабристов) эти чувства, эти мысли, эти переживания не свойственны, что все это пристало к ним извне, навязано им романистом.

«Идея, уже много раз повторенная автором за последние годы»,—говорит Б. Садовской,—«вяжет романиста по рукам и ногам, а историка заставляет, — может быть, против желания, — приписывать своим героям небывалые слова и поступки»[2])... В этом-то и сокрыт главный, чудовищный грех Мережковского, по отношению к декабристам. «Есть»,—говорит С. П. Мельгунов,—«в истории святые имена, к которым следует относиться с большой осторожностью». Конечно, отсюда не следует, что декабристов должно обратить в фетиш и молиться на них, но нельзя обращать их в орудие проповеди чужих идей (что, кстати сказать, очень часто проделывается над декабристами). Между тем, в данном случае, мы имеем дело с актом насилия, с невероятной подменой подлинных декабристов.

Итак, Мережковский, по обыкновению, проводит через весь роман две руководящие идеи: что успешная революция должна быть построена на религии и что кровь не может быть пролита безнаказанно.

Вокруг этих двух центральных идей вертится все действие и, естественно, автору приходится по-своему перекраивать героев. Благодаря его стремлению сделать из

---

[1]) Корнилов, назв. соч., стр. 88.
[2]) Сев. Зап.», 1913, I.

своего романа наглядную иллюстрацию руководящих им идей, получается то, что почти все разговоры декабристов сводятся к вопросу о цареубийстве.

Идейная сторона заговора оставлена автором беззастенчиво в тени, и создается впечатление, сходное с впечатлением от чтения «Донесения Следственной Комиссии», а именно, что бунт и убийство являлись целью декабристов. И вот, как справедливо говорит тот же С. П. Мельгунов, «перед нами люди с развинченными нервами, которых мучат угрызения совести (в этой категории находится и Пестель), которые колеблются между двумя решениями, не осознав еще то чувство высшей религиозности, которое одно может дать удовлетворение или оправдание. Перед нами или юнцы, не понимающие, что они делают, и смотрящие на участие в тайном обществе, как на забаву, или честолюбивые неудачники, упивающиеся кровавым смехом» [1]). К этим последним, в первую голову относится, конечно, Каховский, тип которого на редкость изувечен Мережковским. Но и вообще среди длинного ряда выведенных им декабристов нет ни одного маломальски верного типа. Приходится удивляться, как А. А. Корнилов мог, например, сказать, что: «Довольно правдоподобно очерчена обстановка Рылеева и весь его семейный быт» [2]).

Ведь Рылеев, с его канарейками и цветочками на окнах, выведен Мережковским типичным мещанином. Автор вкладывает даже в его уста фразу, что, мол, все мы за семью, за теплый угол продадим свободу.

Так, конечно, нельзя поступать по отношению к таким людям, как Рылеев. Но Мережковский не стесняется подменивать, искажать подлинных декабристов. Один из критиков справедливо замечает по этому поводу:

«Опрометчиво-легкомысленный Рылеев, пошляк Бестужев, ограниченный Пестель, дикий Каховский—все они (у Мережковского) таковы, что заставляют невольно думать: конечно, декабрьское восстание не могло кончиться удачно, если во главе его стояли такие вожди».

---

[1]) «Гол. Мин.», 1914. I.
[2]) А. А. Корнилов, назв. соч., стр. 193.

Но этого-то и нужно автору, ибо, ведь, заговор декабристов не был построен на религии.

Мы не будем подробнее останавливаться на этой перелицовке декабристов, отсылая читателя к цитированной выше, обстоятельнейшей статье С. П. Мельгунова.

В свое время, в Москве, на диспуте, посвященном роману Мережковского, А. А. Кизеветтер сказал, что он категорически отказывается найти в этом романе что-либо историческое. С этим суровым приговором нельзя не согласиться.

Еще несколько слов о «хронологии» Мережковского. Конечно, романист не обязан строго следовать историческим датам, но Мережковский делает нечто такое, что абсолютно нарушает какую-либо историчность романа, а именно: выбирая из книг М. В. Довнар-Запольского показания декабристов перед Следственной Комиссией, он заставляет своих героев говорить эти слова на тайных собраниях заговорщиков, благодаря чему получается уже явный абсурд. Вследствие всего этого в романе Мережковского мало историчности и много истеричности. И то, и другое одинаково худо. И потому, конечно, «Александр I» может быть рассматриваем исключительно, как художественное произведение, художественный вымысел, но отнюдь не как исторический роман.

Те же недостатки присущи и заключительной части трилогии Мережковского, «14 декабря». Это и понятно, ибо через этот роман Мережковский проводит все те же руководящие идеи «о революции с богом». Следовательно, ему пришлось на сей раз прибегнуть к старым приемам перелицовки истины. Тот же Голицын-Мережковский, те же легкомысленные заговорщики, истеричные и мятущиеся в поисках путей к примирению революции и бога. И те же дневники... Да не подумает читатель, что, например, дневник Сергея Муравьева-Апостола, действительно, существует. Это все плод фантазии Мережковского. Это дневник Мережковского самого.

Таковы наиболее крупные и интересные художественные произведения, посвященные истории декабристов [1]).

---

[1]) В заключение должно было бы еще остановиться на пьесе Николая Лернера «Николай I», историческая пьеса в 5 действ.

Мы видим, что все они, в разной мере, оказались неудовлетворительными. И причины тому, как мы тоже убедились, были разные. Но в основе эти причины имеют и одну общую первопричину, заключающуюся в том, что ни один из литераторов, обращавшихся к истории декабристов, не оказался способен охватить в целом смысл и значение 14-го декабря. Единственный, кто, быть может, способен был на это,—конечно, Пушкин, но то обстоятельство, что он был современником и, если можно так выразиться, молочным братом декабристов, лишило его возможности завершить свой блестящий поэтический замысел.

и 9 карт. (М. 1922), но она до такой степени лишена каких-либо достоинств, даже и литературных, что мы позволяем себе обойти ее молчанием. Не лишним будет также отметить, что автор этой пьесы и известный историк литературы и пушкинист Н. О. Лернер—суть разные лица.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Перед нами прошел длинный, многоликий ряд разноречивых суждений — и современников, и потомков — о том событии, которому история нарекла имя «заговора декабристов». С тех пор прошло сто лет. Событие, которое в свое время так невероятно взволновало умы, теперь окутано дымкой прошлого; оно никого уже не может волновать, оно является всего только далеким, красивым минувшим. Теперь мы можем подвести итоги, сделать некоторые выводы из того хаоса мнений, с которым мы только что познакомились.

Заговор декабристов был задавлен правительством. Так и должно было быть; он, можно сказать, заранее был обречен на неудачу. И причина тому была, конечно, не та, что в роковой день диктатор Трубецкой не явился на площадь. Правительство Николая I и современная нам общественная мысль сошлись на том, что причиной неудачи декабристов было отсутствие у них связи с широкими народными массами. Но в свое время николаевская полицейская печать по-своему истолковала это: она говорила, что народ, в высокой преданности своей к престолу, с омерзением отвернулся от заговорщиков. Те очевидцы 14 декабря, которых пощадила убийственная картечь на Сенатской площади, читая эти строки, должно быть недоверчиво качали головами. Может быть, они слышали тогда на площади, как конногвардейцы, которых «верноподданный» Алексей Орлов вел в атаку на мятежное каре, — и не только они, а и преображенцы,

павловцы, семеновцы, — говорили мятежникам: «Продержитесь только до вечера. К ночи все перейдем к вам». Эти очевидцы знали наверное, что не великодушие монарха побуждало его так долго не прибегать к артиллерии, а неуверенность в этой артиллерии, в которой еще с утра начались беспорядки; они видели депутацию от Морского кадетского корпуса, обратившуюся к Михаилу Бестужеву за разрешением примкнуть к инсургентам. «Благодарите своих товарищей за благородное намерение и поберегите себя для будущих подвигов»,—отвечал Бестужев. Они видели, как взвод Финляндского полка, которым командовал декабрист барон Розен, остановился на мосту и отказался итти на усмирение мятежников. И разве не должно было казаться странным, что все три атаки конногвардейцев на мятежников, стрелявших только в воздух или в ноги лошадям, остались безуспешными; что вызванная, наконец, артиллерия, приехала без зарядных ящиков, за которыми пришлось вторично посылать, на что ушло много времени. А покуда—гвардейцы, окружавшие мятежное каре, недовольные бездействием инсургентов, говорили меж собой: «Пусть они двинутся—и мы пойдем вместе с ними!» Очевидцы помнили, конечно, и то, что многотысячная толпа простонародья, по-тогдашнему «черни», окружавшая мятежников, вооружалась чем попало, готовая по первому знаку итти на приступ.

Если бы заговорщики, Оболенский и Пущин, крикнули этой могучей толпе: «Ребята, вперед, за нами!»— едва ли бы тогда Николай мог праздновать победу. И те пушки, из которых 14 декабря расстреляли российскую вольность, может быть, повернули бы свои жерла против Зимнего дворца.

Итак, источник неудачи в том, что декабристы не сказали этого первого слова. Их революция, революция во имя народа, вместе с тем не была народной революцией. Та масса заговорщиков, которая составляла ядро декабризма, вышедшая из среднего дворянства и представлявшая по своим интересам сословную группу, впоследствии получившую название «буржуазии», «буржуазной интеллигенции» — любила народ, с радостью, во имя его блага, отрекалась от своих привилегий. Сословные

черты в их учении, отражавшие буржуазные, классовые интересы, шли не от ума, а порождались невольно, вследствие того, что психика их неспособна была в такой короткий срок освободиться совсем от влияния, веками создававшейся, классовой культуры. Но основной целью их заговора был все-таки народ. И к этому-то народу они, тем не менее, не решались обратиться.

Чем это объяснить? Мы уже знаем, что заговорщики не могли опасаться не найти сочувствия в народных массах; значит, была иная причина.

Когда декабристы оглядывались на ближайшее русское прошлое, они в нем встречали революции двух родов: революции дворцовые и революции стихийные; и те, и другие едва ли даже можно назвать революциями, но примеры их еще очень живы были в памяти. Совсем недавно, в мрачном Михайловском замке, Павел I пал жертвой дворцового переворота; убийцам его предстояло судить декабристов. А немногим раньше Емельян Пугачев с огнем и мечом прошел по России.

Если бы декабристы были чисто классовыми революционерами, они бы, конечно, прибегли к дворцовому перевороту, который имел все шансы на успех. Представителем такого направления может считаться Федор Глинка, который в 1820 году, на собрании, на котором все высказались за республику, остался единственным сторонником монархии. Он предлагал возвести на престол императрицу Елизавету Алексеевну. Случись так, инициаторы переворота могли бы из-за ее спины диктовать свою волю. Но декабристы отвергли раз и навсегда эту мысль. Их революция должна была произойти гласно, среди бела дня, и не во имя того или другого лица, а во имя иного строя.

Когда же они задумывались о народной революции, перед ними не мог не вставать призрак Пугачевщины.

Для того, чтобы понять правильно их психологию в данном случае, надо напомнить современные им экономические условия. Об этом нам уж приходилось говорить выше. Фабрично-заводская промышленность еще только едва-едва нарождалась и была, главным образом, в руках помещиков, которые были не только экономическими, но и юридическими собственниками своих рабо-

чих. Пролетариата, как цельного класса, следовательно, тогда еще не могло существовать. Тем менее можно было говорить о пролетариате, как об организованной боевой силе, какую он неизменно представлял в дальнейшем ходе революционного движения. Рабочая агитация была, поэтому, немыслима. Сергей Муравьев-Апостол, выступив в поход, послал офицера Мозалевского, с двумя унтерами, в Киев распространять письменные экземпляры революционного Катехизиса. Но тогда не было крупных заводов, не было рабочих районов, и Катехизис пришлось разбрасывать наудачу, по улицам и в подворотни. Священные листы, призывавшие русский народ к свержению царского ига, пошли, должно быть, на цыгарки.

Агитировать среди крестьян декабристы, конечно, не могли. Если бы тогда увидели гвардейского офицера, беседующего с чужими крестьянами, его бы наверное на следующий же день отправили на съезжую. Попытка майора В. Ф. Раевского вести планомерную агитацию среди солдат окончилась крепостью. Командир и соучастник Раевского, боевой генерал, герой 12-го года, Михаил Орлов, подвергся за это невероятным гонениям.

Лишенные возможности таким образом вести планомерную агитацию, декабристы могли только в самый момент восстания призвать народ к действию. И им должно было казаться, что это вызовет неорганизованную резню, которая, в свою очередь, будет потоплена в народной крови. И как легко было бы тогда правительству превратно истолковать все их движение, объяснив его стремлением к грабежу и мести!

Должно быть, тогда, 14 декабря, грозный призрак Пугачевщины замкнул уста Пущину и Оболенскому и другим заговорщикам. Справедливо или несправедливо было их опасение,—они не могли тогда судить. Русская история еще не знала примеров организованных народных революций.

Декабристы не доверили завоевания свободы народу и пали, должны были пасть.

В этом, конечно, сказывается их буржуазная психология; они боялись народа, не знали еще хорошенько,

чего можно ожидать от него. Но вспомним, что декабристы действовали сто лет назад, когда народ еще почти не появлялся на политической арене, когда он, в силу кошмара русской действительности, был безграмотен, забит, озлоблен и, главное, совершенно неорганизован, а, следовательно, и способен только к стихийным действиям.

Выше мы уже не раз имели случай убедиться в том, что декабристов нельзя назвать революционерами внеклассовыми. Но отсюда не следует, что декабристы действовали из корыстного рассчета: это являлось результатом определенного воспитания умов, той старинной классовой традиции, на которой они выросли и которая, порой, невольно водила рукой декабриста, пишущего тот или иной проект государственных преобразований. Эти буржуазные тенденции привносились невольно.

Заговор декабристов был сто лет назад. От дворцовых переворотов, производившихся в интересах маленькой дворянской кучки, нельзя прямо перейти к социальной революции; нельзя без разбегу, с места, перескочить через пропасть. Декабрьский заговор был этим необходимым мостом через пропасть — в этом его значение. Он явился наглядным уроком для грядущих революционных поколений. С одной стороны он научил их умирать за свои идеи. Кровь и виселицы, которыми Николай I ознаменовал начало своего царствования, указали путь этим грядущим поколениям. С другой стороны, заговор декабристов научил тому, что революция должна быть и только и может быть народной. Первый залп, пущенный немногими и неумелыми руками, попал мимо. Но он послужил сигналом к действию. И потому и теперь, когда мы так далеко ушли вперед от декабристов, мы благоговейно чтим их память, память этих первых революционеров, революционеров-романтиков, паладинов свободы, умевших красиво умирать за свои идеи.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		стр.
Предисловие Б. Л. Модзалевского		3
От автора		7
ГЛАВА I.	Оффициальные донесения и правительственная печать	9
» II.	Декабристы в оценке современного общества	20
» III.	Декабристы и современные литераторы	50
» IV.	Пушкин и декабристы	81
» V.	Самооценка декабристов	97
» VI.	Тридцатые и сороковые годы	144
» VII.	Шестидесятые годы	152
» VIII.	Эпоха увлечения декабристами	178
» IX.	Оффициозные историки о декабристах	191
» X.	Декабристы в современной русской историографии	208
» XI.	Декабристы в освещении революционеров и социалистов	237
» XII.	Декабристы в оценке советской печати	261
» XIII.	Декабристы в изящной литературе	272
Заключение		291

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА